

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2021

Том 21

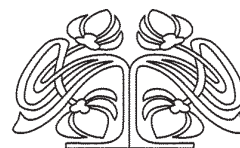
Выпуск 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Агапов О. Д.** Антропологическая практика как невозможная возможность 4
- Гафуров М. В.** Влияние Ж.-П. Сартра на миметическую теорию Р. Жирара 9
- Киселев М. С.** Концепт «сердце» в древнеирландской церковной литературе: кейс «Алфавит благочестия» 14
- Левицкий В. С.** Философская экспертиза πολιτικός в эпоху постправды 19
- Лысыкова Н. П.** Источники формирования и особенности публичной риторики Московского митрополита Платона (Левшина) 24
- Мисюров Н. Н.** «Старое бремя» субъективности в критике Л. Фейербаха и младогегельянцев 29
- Нестеров В. И.** И. Кант и Б. В. Раушенбах о познании и нравственности: грани соприкосновения 34
- Павлов А. С.** Метафилософский пессимизм К. Макгинна 39
- Путчева О. А.** Смислообразующие функции пространственной координаты культуры в философской концепции М. Фуко 43
- Путинцева-Арданская В. В.** «Сохранить как...». Роль компьютерного интерфейса в онтологии цифрового мира 48
- Стризов А. Л., Храпова В. А.** Культурный статус: диалектика объективного и субъективного 52
- Чеснокова Л. В.** «Комната для себя»: локальный аспект приватности 57

Психология

- Мещеряков Д. А.** Динамика показателей межличностных отношений курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации 62
- Носс И. Н., Кабанова Т. Н.** Психологические особенности сотрудников, реализующих аудиторско-контроллинговые функции непосредственного управления организацией 68
- Овчарова Р. В.** Психологическое содержание факторной структуры родительской толерантности 74
- Рягузова Е. В.** Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения 78
- Ушакова В. Р.** Система отношений к родителям у детей, страдающих гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями 85

Педагогика

- Железковская Г. И., Хижняк С. П.** Содержание обучения межкультурному взаимодействию юристов в аспирантуре средствами английского языка 91
- Охлупина О. В.** Трансформация образования: возможные перспективы 96
- Перевозный А. В.** Ответственность как качество личности: сущность, формирование, значение 101
- Сенаторова К. П.** Тьюторское сопровождение семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ (на примере детей с нарушенным слухом) 106
- Лаврова Ю. Б., Рахимбаева И. Э.** Практико-ориентированная модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств 111

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01; 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.03.2021
Подписано в свет 31.03.2021
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 500 экз. Заказ 21-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Agapov O. D.** The anthropological practice as an impossible possibility 4
- Gafurov M. V.** The influence of J.-P. Sartre's philosophy on the mimetic theory of R. Girard 9
- Kiselev M. S.** The concept of "heart" in Old Irish church literature: The case of the *Apgitir chrábaid* 14
- Levytskyy V. S.** Philosophical expertise of πολιτικός in the post-truth era 19
- Lysikova N. P.** The sources of formation and specific features of public rhetoric of Metropolitan Platon of Moscow (Levshin) 24
- Misyurov N. N.** "The old burden" of subjectivity in criticism of L. Feuerbach and Junghegelianer 29
- Nesterov V. I.** I. Kant and B. V. Rauschenbach on cognition and morality: The contact points 34
- Pavlov A. S.** Metaphilosophical pessimism of C. McGinn 39
- Putecheva O. A.** Meaning-forming functions of the spatial coordinate of culture in Foucault's philosophical concept 43
- Putintseva-Ardanskaya V. V.** "Save as...". The role of a computer interface in digital ontology 48
- Strizoe A. L., Khrapova V. A.** Cultural status: The dialectics of objective and subjective 52
- Chesnokova L. V.** "A Room of One's Own": The local aspect of privacy 57

Psychology

- Meshcheryakov D. A.** Dynamics of indicators of interpersonal relationships of courses of a military university at different stages of military and professional socialization 62
- Noss I. N., Kabanova T. N.** Psychological characteristics of employees who implement audit and controlling functions of direct management of the organization 68
- Ovcharova R. V.** Psychological content of the factor structure of parental tolerance 74
- Ryaguzova E. V.** The gap of ties in representations of interaction I – Other as a predictor of extremist behavior 78
- Ushakova V. R.** The system of relationships to parents in children suffering from gastroenterological and rheumatoid diseases 85

Pedagogy

- Zhelezovskaya G. I., Khizhnyak S. P.** Content of training in cross-cultural interaction of post-graduate law students by means of the English language 91
- Okhlopina O. V.** Transformation of education: Possible perspectives 96
- Perevozny A. V.** Responsibility as a quality of personality: Essence, formation, significance 101
- Senatorova K. P.** Professional support of the family bringing up the child with OVZ (The case of children with hearing impairment) 106
- Lavrova Yu. B., Rakhimbayeva I. E.** Practice-oriented model of forming abnotivity in students of the college of arts 111

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ
СЕРИЯ. СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D., профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

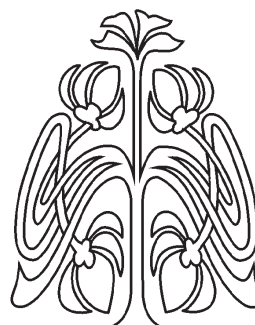
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

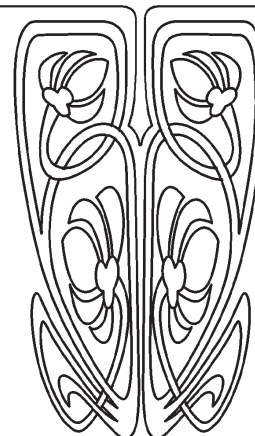
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryzanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

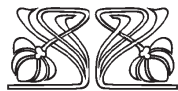
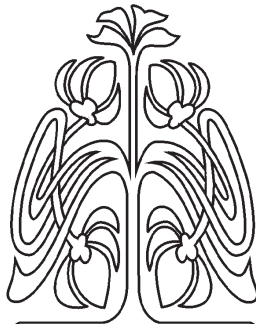

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

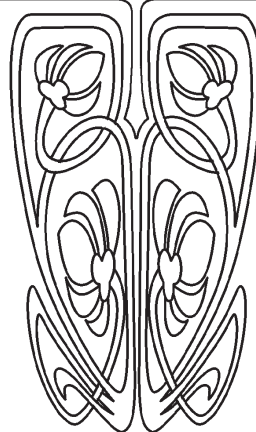

ФИЛОСОФИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–8

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–8

Научная статья

УДК 101.1:11:304:316

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-4-8>

Антропологическая практика как невозможная возможность

О. Д. Агапов

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, директор научно-исследовательского института социальной философии, ag.oleg2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>

Аннотация. Необходимость в антропологической практике как искусства быть собой осознается человеком современности все больше и больше. Основной круг социально-гуманитарных исследований второй половины XX – начала XXI в. был посвящен именно проблематизации, апологии, утверждению и упражнениям в практиках себя. Тема антропологических практик (социальных, духовных, психологических, соматических, арт-практик) пронизывает творчество Э. Фромма, Л. Бинсвангера, П. Рикера, П. Адо, М. Серто, М. Фуко, В. Бибихина, Ю. Лотмана, С. Аверинцева, С. Хоружего. Выход на уровень антропологических практик видится как спасение от отчуждения, одиночества, насилия и т.д. Новизна статьи – в изучении проблемы невозможной возможности антропологических практик, их хрупкости и излишества. Формулируется вывод о том, что антропологические практики носят антиномический характер и их возможность открывается в рамках экзистенциального события на грани его возможности и невозможности. Также в социально-философском плане важно учитывать, что антропологические практики способствуют самообновлению социального, распределению и преобразению всего безличного человеческого и отпавшего от человеческого. Социальное как человеческое способно начинаться, инициироваться, воплощаться, но не может длиться вечно, оно временно, событийно-ситуативно, принципиально гетерономно.

Ключевые слова: антропопрактики, полнота бытия, субъектность, возможность, социальные практики

Для цитирования: Агапов О. Д. Антропологическая практика как невозможная возможность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-4-8>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-4-8>

The anthropological practice as an impossible possibility

Oleg D. Agapov, ag.oleg2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, 42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia

Abstract. A contemporary man is now more and more recognizing the necessity of the anthropological practice of the art of being himself. The main sphere of the research conducted in social

science and the humanities in the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries was dedicated to problematization, apology, assertion and exercises related to practices of the self. The topic of the anthropological practices (social, spiritual, psychological, somatic, and art practices) permeates the works by E. Fromm, L. Binswanger, P. Ricoeur, P. Hadot, M. de Certeau, M. Foucault, V. Bibikhin, Yu. Lotman, S. Averintsev, and S. Khoruzhy. Reaching the level of the anthropological practices is seen in this article as salvation from alienation, loneliness, and violence as a “second breath” for a better and more dignified life. However, together with the expansion of the topic of the anthropological practices, the comprehension of their multiplicity and multidimensionality we are faced with the arising problem of the impossibility of these practices, their fragility and excessiveness. The originality of this paper lies in the research of the problem of the impossible possibility of the anthropological practices, their fragility and excessiveness. Consequently, we can acknowledge that the problematics of the anthropological practices has an antinomic character and the “resolution” of the problems is possible within the bounds of an existential event on the edge between its possibility and impossibility. It’s also important to consider that the anthropological practices facilitate the self-renewal of the social, the transcendence of alienation, and the transformation of everything that is impersonal towards a man and fallen away from him. The social as the human can begin, be initiated, and realized but it cannot last forever, it is temporary, event-bound and situation-bound, and principally heteronomous.

Keywords: the anthropological practices, the fullness of being, subjectivity, possibility, social practices

For citation: Agapov O. D. The anthropological practice as an impossible possibility. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-4-8>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Множественными путями, с различных сторон, в разных теоретико-методологических подходах, философских школах и течениях с 20–30 гг. XX в. начинает звучать тема бытия человека. Экзистенциальные, герменевтические, феноменологические, психоаналитические, аналитические направления современной философии, развивая свою предметную проблематику, выходят на вопрос не только о специфике человеческого бытия, но и о многообразии практик и форм человеческого существования. Антропологическая парадигма сегодня явно носит трансдисциплинарный характер, показывая себя как форму познания, преодолевающую различного рода упрощения в интерпретации динамики человеческого рода, противостоящую методологическому редуционизму естественных, социальных, гуманитарных и технических наук.

На наш взгляд, вопрос сущности и смысла антропологических практик имеет фундаментальное значение не только в плане осознания их оснований и форм (это значительный прорыв в понимании динамики человеческого рода для социально-гуманитарных наук), но и в плане выстраивания иной цивилизационной конфигурации современного мира.

Взаимосвязи развития личности и развития социума были предметом осмысления со времен Античности, и каждый новый виток данных отношений раскрывает перед философией новые аспекты, что в целом свидетельствует о динамике человеческого рода. Напомню о наблюдении Льва Карсавина, согласно которому «нет развития без субъекта развития», что есть «развивающийся субъект» [1, с. 20]. Философская позиция относительно единства развития и субъекта развития Л. Карсавина *дает основание* для современной антропологической парадигмы уже тем, что не гипостазировать развитие, не объективирует его в отчужденной от человеческого рода

форме. Разумеется, необходимо различать уровни развития, но свою полноту, исполненность развитие получает именно в совершенствующемся субъекте, который в процессе эволюции может: а) раскрыть как самого себя, так и б) *доопределить (дать) дорасти* до полноты всему сущему.

В философии личности Л. Карсавина развитие связано с *обогащением* сущего во взаимоотношении мира и человеческого рода. Следовательно, развитие каждого человека и мира связано и представляет собой единство (сингулярность), обладающее гибкой иерархией. Однако трансформация каждого человека в личность, его выход на уровень личностной формы бытия даны всегда потенциально, необходим труд по превращению своей «ублещенной» личности в «симфоническую». В процессе этого превращения расширяются восприятие и понимание *субъектности* – из единичного (индивидуального) оно становится объемным, приобретает глубину, высоту, широту. Путь превращения человека (человеческого рода) оказывается практикой «стяжения», восхождения к всеединству, практикой трансценденции к Богу, миру, Другим. При этом более «высшая ступень развития во всеединстве не отменяет низшей, а только расширяет ее и восполняет» [1, с. 327].

Трансцендентальная интенция задает человеку предельный горизонт его существования, ставит человека в *пограничную* ситуацию, когда он стоит перед выбором проявить волю «к усовершенности» или отказаться от этой практики. Л. Карсавин пишет, что недостаточность воли к развитию есть, во-первых, *вина* (peccatum – culpa), во-вторых, *кара* (peccatum – poena), и кара вечная, бесповоротная, ибо нежелание полноты есть неполнота» [1, с. 333]. В карсавинской концепции историческое развитие отличается свободой и творчеством, «обогащает» Божество через причастность тварного субъекта.

В этой практике самосозидания человека есть и аспект собственного самосозидания, и процесс «творения его Богом и слияние его с Богом в совершенное двуединство» [1, с. 336].

Антропологическая практика выступает одновременно и антроподицеей, и теодицеей (в далекой перспективе онтодеей – оправданием бытия).

Таким образом, по Л. Карсавину «высшей задачей исторического мышления является познание всего космоса, всего тварного всеединства как единого развивающегося субъекта» [1, с. 81], а высшей задачей исторического творчества человеческого рода как субъекта истории может быть опыт синергии, опыт со-творчества Богу или отказ от развития себя как сложности, причастной сложности бытия, социума, Другого.

Анализ философии личности Л. Карсавина, на наш взгляд, обнаружил первый барьер для выхода на уровень антропологических практик. Его сущность состоит в отказе от перспективы *видения себя* в качестве причастного большим целостностям – Богу, Бытию, Универсуму, Личности.

Сергей Хоружий, комментируя тексты позднего М. Хайдеггера, описал поведение человека, отказывающегося от экзистенциального существования, термином «латон» (от греч. – *lathon*, «скрывающийся», «замыкающийся от бытия»). Конкретнее, речь идет о человеке, который «не устанавливает своего отношения к истине в ее ... онтологическом (а не эпистемологическом, новоевропейском) истолковании – к истине, *Aletheia*, как несокрытости. *Lathon* – тот, кто скрывается и остается сокрыт от истины, а тем самым, и от бытия» [2, с. 58].

В рамках существования человека – латона формируются целые сообщества и идеологии, избегающие трансценденции, практикующие именно «забвение», «искажение», «затемнение» [2]. С. Хоружий отдельно разбирает типы социально-антропологического поведения латона (латонов). Он опознает латона в поведении людей авторитарно-тоталитарных политических режимов, в структурах деятельности людей общества потребления. Степень забвения бытия может быть различной, от практик невменяемости, сохраняющих память о трансценденции/«просвете», до практик полного провала в «плоский мир» безразличия к своему существованию. Предельный опыт забвения бытия – это сфера действий Ультра – Латона или (по типологии синергичной антропологии) как Онтического Человека: «Здесь подойдет известный образ романтиков: если сказать, что Латон – “тень” человека как присутствия бытия, то Онтический Человек – тень, отделившаяся от своего хозяина» [2, с. 59].

В своей беспристрастной аналитике человека, выбравшего отказ от «практики себя», С. Хоружий не одинок. Наиболее близок ему по методологии и мировоззренческой позиции французский философ-феноменолог Эммануэль Левинас, обозначающий форму существования «человека без существования» как «П у а» (фр. – «имеется», «наличествует»).

Э. Левинас обращает наше внимание на то, что удел человека – это «*брат на себя существование*». Существования как экзистенции без человека просто нет, есть сущее, данное как «П у а». Прикосновение к структурам «П у а» вызывает у человека ужас. Осознание человеком себя как Я, как субъекта по Э. Левинасу дает ему шанс просто быть, быть не кем-то (социальные роли и статусы), ведь «быть Я – это не только быть для себя, но и быть собой» [3, с. 254].

Отказ человека от существования обрекает его на *пассивность*, где нет восприимчивости, силы, намерений, воли. Пребывание в пассивности для каждого человека мучительно, поскольку его неустранимое чувство жизни, его Я не воплощается, оказывается в ситуации нерожденного ребенка, который находится в утробе матери, но она принимает решение избавиться от плода. Человек «П у а» живет стираниями себя, других, мира, выступая в сущности, по меткой характеристике Эриха Фромма, некрофилом. При этом человек не только себя, но и мир обрекает на мучение, не давая ему выйти на уровень смысла, уровень выси, ибо только человек в качестве субъекта «позволяет бытию быть» [3, с. 593].

Зададимся вопросом: что или кто заставляет человека делать выбор в сторону забвения себя? Согласно Э. Левинасу свою причастность миру и ответственность за его осмысленность («выведение в просвет») человек переживает как уязвимость, незащитность, «заложничество у всех» [3, с. 655]. Иными словами, второе условие невозможности для антропологических практик – это наличие Других. Осознание своего Я, своей субъектности человек переживает не только как самость, но и как универсальность и интерсубъектность, что требует от него способности к медиации между образами Я, навыка превращения множественного в единое, без которого вся его жизнь превращается в абсурд.

Стратегией, приводящей человека к себе, является интерес к Другому, взятие на себя заботы о нем. К такой открытости перед Другим и тем более ответственности за Другого мы, как правило, не готовы и в силу этого предпочитаем *сокрыть от себя* множественность собственного Я, *редуцировать* его до принятых в конкретно-историческом обществе социальных статусов

и ролей. Вместе с тем практика редуцирования бесплодна, ибо ответственность за Другого – это неустранимый атрибут Я/субъектности. Его нельзя забыть или отменить волевым решением, передать кому-либо. Быть человеком – это значит со-страдать миру, людям, Богу. Принятие Другого, осознание асимметричности заботы о Другом тогда, когда он проявляет безразличие, совершает проступки и преступления, дает человеку, как утверждает Э. Левинас, шанс на выход из *низшей в высшую реальность*, где есть свет, вьсь, смысл, благо, любовь, справедливость.

Следовательно, третьим условием антропологических практик выступает *различие* в бытии низшей и высшей реальностей, само *признание* существования высшего (выси) в бытии. Однако человек – Латон (человек «И у а») отказывается от любой выси, яростно борется с любыми метафизическими, как ему представляется, спекуляциями. Тем самым он отстаивает свой мир «у себя (в себе)».

Возвращаясь к проблематике статьи, отметим, что возможность для антропологической практики открывается только через открытость сознания жизни, восприимчивость к феноменам бытия. Признание самоценности антропопрактик в теоретико-методологическом плане ведет за собой признание этики, а не онтологии в статусе первой философии. Именно это и предлагал сделать Э. Левинас, утверждающий, что этическое – это антропологическое (человеческое) как таковое, до всякой культуры и смыслов. Этика для него – это оспаривание спонтанности, автономности и суверенности самим фактом присутствия Другого, в ее основе духовное видение лика Другого, лика Бога.

Признание приоритета этики над онтологией для философской традиции – это *скандал*, как и сам человек, все человеческое в бытии. Скандал (с фр. – соблазн, препятствие) – это имя человека, все бытие которого есть отрицание стройности природы в научной картине мира. Для максимально рационального технократического мышления именно человеческое бытие (человеческий фактор) выступает как препятствие для идеального действия искусственного интеллекта. Антропологические практики – это *соблазн* для социально-гуманитарных наук, построенных по канонам парадигмы позитивизма. Все же нам надо иметь мужество на устройство собственно антропологической парадигмы без потери человека, без «потери себя из вида», без онтологического «обморока бытия».

В последующей части статьи постараемся с опорой на философию Э. Левинаса не только изучить условия оснований антропологических практик, но и рассмотреть теоретико-методологи-

ческие эффекты антропологической интервенции в социально-философское (шире – социально-гуманитарное) познание.

Итак, начнем. Э. Левинас пытается построить онтологию человеческого бытия не как «онтологию изолированной субъективности» и не как «онтологию безличностного, реализующего себя в истории разума» [4, с. 286]. Это онтология личности, разделяющей свое бытие с Другими, онтология человека как субъекта, способного к бесконечному отступлению от себя для утверждения мира, Других, любви и света.

Исток антропологического в пробуждении Я внутри модуса бытия как «И у а», где все спутано (ризомы), где все и вся – заложники друг друга, сцеплены и сбиты эволюцией. В этой «сцепке» есть своя самодостаточная размеренность (биогеоценоз), восстанавливающая свое равновесие. В этой сцепке нет места Я, нет места человеку, вопрошающему о своем месте и роли, значении, цели и смысле в существующем распорядке.

Мир Я – это «скандал» в бытии, вообще человек – это «болезнь» бытия, но не зло [4, с. 363.] Отсюда для человека как Я остается путь Субъекта – путь жизни *заложника сущего*, которое он способен, опираясь на свой потенциал ума и доброты, превращать из всегда *несоразмерного (отчужденного)невозделанного* в нечто *соразмерное(возделанное)вспаханное*.

Процесс превращения начинается с рождения Я, но он не может быть бесконечным, ибо человек смертен и, что самое главное, инертен, способен к безразличию. Быть Я (быть субъектом) означает взять на себя *труд бытия*, труд выведения сущего из *тьмы* неразличения и безразличия в мир света, различения и заботы, любви и справедливости. Это труд превращения *тотально безликого* в *бесконечно различное*, где в единстве даны трансценденция и эксценденция, опирающиеся на такую малость, как допущение выси, смысла, любви. Принятие мира и себя Э. Левинас называет добротой. Открытие различного есть открытие плюральности сущего и в сущем, утверждение его единства многообразия. Именно так перед лицом человека открывается мир: «единство множественности – это мир (la paix), а не связь элементов, составляющих множество» [4, с. 286].

Состояние мира, в отличие от «И у а», уже допускает Я и Других (потенциального всего того, что «сковано» в тьме «И у а»). Однако этот мир не безличен, он должен быть прежде всего моим миром, но разделяемым с Другими, с которыми я живу в желании и доброте, в ситуации вне эгоизма. Таким образом, «мир (la paix) постигается, отправляясь от «я», в единении моральности и реальности» [4, с. 286].

Одна из форм подобного единения дана человеку как феномен семьи (шире как род). Создание семьи – это первейшая из антропологических практик, дающая как саму жизнь, так и образ жизни. Биологическая плодовитость семьи – это прообраз творчества человеческого рода, а также отношения «человека к человеку, отношения Я к себе, не похожего на структуры, образующие Государство» [4, с. 287].

Развитие общества в контексте философско-этической антропологии Э. Левинаса предстает как развитие практик единения моральности и реальности, где антропологическое сопрягается с социальным, это пространство единого становления, где «ткань» социальности образуется деятельностью и поступками людей, ответственных за себя и друг за друга. Интенсивность социального бытия, его масштаб, уровни, насыщенность и содержание, плотность и осмысленность, прямо пропорциональные интенциям ответственности, строятся на *совместном труде бытия*, преодолевающим инерцию отчуждения, насилия, безразличия.

Специфика социальных отношений – в фигуре Третьего или человеческого рода, в Лице которого мы получаем возможность объективировать свои отношения друг с другом, а значит поставить вопрос об их совершенствовании. Но любая объективация способна стать областью *от-падения* человека от мира, от самого себя, Другого.

В конечном итоге максимально объективированные социальные структуры будут усиливать давление «П у а». Как отмечают Сергей Азаренко и Дмитрий Макаров, социальность «соответствует логике “со”, логике нахождения “между”, логике предела, а значит, передела и постоянного обновления отношений. Нет бытия вообще, но есть бытие-в-месте» [5, с. 65]. Благоговение перед жизнью Другого, открытие путей для жизни – это путь гражданского общества, где задача сограждан отстаивать пространство свободы, любви, дружбы, справедливости. Мера развития государства – отношение к гражданам как к личностям. «Только исходя из моего отношения к Лицу, или из отношения к Другому, можно говорить о законности или незаконности Государства. Государство, которое изначально

руководствуется собственными законами, где невозможны межличностные отношения, – это тоталитарное государство» [4, с. 357].

В целом общество развивается через кризисы, сущность которых в *самообновлении* социального. Перманентный кризис социального состоит в устранении *безличного* человеческого и *отпавшего* от человеческого. Социальное как человеческое способно начинаться, инициироваться, воплощаться, но не может длиться вечно, оно временно, событийно-ситуативно, принципиально гетерономно.

Список литературы

1. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб. : АО «Комплект», 1993. 352 с.
2. Хоружий С. С. Как обходиться без бытия, или механика Латона // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 50–66.
3. Левинас Э. Избранное : Трудная свобода. М. : РОС-СПЭН, 2004. 752 с.
4. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 416 с.
5. Азаренко С. А., Макаров Д. И. Синергичная антропология как междисциплинарная парадигма. Размышления об онтологии «интерфейса» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 61–71.

References

1. Karsavin L. P. *Philosophiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg, AO “Komplekt” Publ., 1993. 352 p. (in Russian).
2. Khoruzhy S. S. How to do without being, or the mechanics of the Lathon. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 10, pp. 50–66 (in Russian).
3. Levinas E. *Difficile liberté. Essais sur le judaïsme*. Paris, Édition Albin Michel, 1963. 331p. (Russ. ed.: Levinas E. *Izbrannoe: Trudnaya svoboda*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 752 p.).
4. Levinas E. *Totalite et Infini*. La Haye, Nijhoff, 1961. 284 p. (Russ. ed.: Levinas E. *Izbrannoe. Totalnost i Beskonetsnoe*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 416 p.).
5. Azarenko S. A., Makarov D. I. The Synergic Anthropology as an Interdisciplinary Paradigm. Reflections on the Ontology of an “Interface”. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 2, pp. 61–71 (in Russian).

Поступила в редакцию 27.06.2020, после рецензирования 10.07.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 27.06.2020, revised 10.07.2020, accepted 11.12.2020

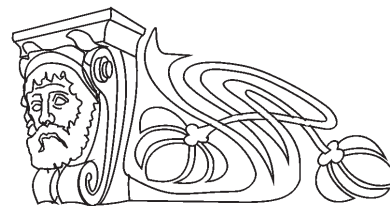

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 9–13
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 9–13

Научная статья
УДК 1(091)
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-9-13>

Влияние Ж.-П. Сартра на миметическую теорию Р. Жирара

М. В. Гафуров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Гафуров Максим Витальевич, аспирант кафедры истории зарубежной философии, max.gafurov@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3281-0692>

Аннотация. Безусловно, Сартр оказал огромное влияние на последующую философскую мысль, в первую очередь во Франции. Рене Жирар также не обошел стороной этого мыслителя. В данной статье рассматривается влияние философии Сартра на формирование миметической теории Рене Жирара. Уже в ранней работе «Ложь романтизма и правда романа» Рене Жирар неоднократно ссылается на работы Сартра, объясняя, как его творчество может быть рассмотрено в контексте миметической теории. В интервью с Мишелем Трегером 1992 г. Жирар вступает в заочную полемику с Сартром и предлагает рассмотреть его экзистенциально-феноменологические построения посредством миметической теории, выдвигая свое видение и критический взгляд на преодоление картезианского дуализма, который Жирар находит в философии Сартра. В настоящей статье автор акцентирует внимание на сближении миметической теории Р. Жирара с некоторыми положениями творчества Ж.-П. Сартра, обратившись к одной из основных философских работ Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», которая также повлияла на раннее творчество Р. Жирара. Ж.-П. Сартр не предлагает системы, описывающей механизмы миметического желания, но через призму миметической теории можно увидеть определенные философские интуиции, которые открывают нам природу миметического желания в работах Сартра.

Ключевые слова: Р. Жирар, Ж.-П. Сартр, миметическая теория, миметическое желание, бытие-в-себе, бытие-для-себя

Для цитирования: Гафуров М. В. Влияние Ж.-П. Сартра на миметическую теорию Р. Жирара // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 9–13. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-9-13>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-9-13>

The influence of J.-P. Sartre's philosophy on the mimetic theory of R. Girard

Maxim V. Gafurov, max.gafurov@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3281-0692>

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Abstract. Certainly Sartre had an enormous influence on the subsequent philosophical thought, primarily in France. Rene Girard did not ignore this thinker either. In this article we will look at the influence of Sartre's philosophy on the formation of Rene Girard's mimetic theory. Already in his early work, "Deceit, Desire and the Novel: Self and Other in Literary Structure", Rene Girard repeatedly refers to the work of Sartre, explaining how his work can be considered in the context of mimetic theory. Further, in an interview with Michel Treger in 1992, Girard controversially proposes to examine the existential-phenomenological constructions of Sartre by means of mimetic theory, putting forward his vision and critical view on overcoming the Cartesian dualism that Girard finds in Sartre's philosophy. The author of the article considers the convergence of the mimetic theory of R. Girard with some provisions of the work by J.-P. Sartre, turning to one of the main philosophical works of J.-P. Sartre "Being and Nothingness", which also influenced the early work of R. Girard. It should be noted that J.-P. Sartre does not offer a system describing the mechanisms of mimetic desire. But through the prism of mimetic theory we can see certain philosophical intuitions that reveal to us the nature of mimetic desires in the works of Sartre.

Keywords: R. Girard, J.-P. Sartre, mimetic theory, mimetic desire, being-in-oneself, being-for-oneself

For citation: Gafurov M. V. The influence of J.-P. Sartre's philosophy on the mimetic theory of R. Girard. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 9–13 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-9-13>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Ж.-П. Сартр разделяет две формы бытия: *en-soi* (в себе) и *pour-soi* (для себя), где *en-soi* представляет собой объекты сознания, которые не обладают сознанием самих себя. *Pour-soi* – это самовосприятие, сознание, возможность свободы. Быть *pour-soi* значит выходить за пределы собственной фактичности. Человек по Сартру определяется свободой, восприятием и воображением. Человеческая реальность, или бытие для себя, есть желание быть сущим, которое есть то, чем оно является.

Человек ставит перед собой цель (проект) своего желания, где конечной целью любого *pour-soi* оказывается *en-soi*, т. е. быть завершенным, выходя к трансцендентному, быть «в и для себя». Человек определяется желанием «быть богом». Рассматривая теоретические построения Ж.-П. Сартра через призму миметической теории, можно видеть, что движение человеческого существования от бытия-для-себя к бытию-в-себе есть желание подражания абсолютному. Сартр приводит интересный пример с официантом: «Он старается координировать свои движения, как если бы они были механизмами, связанными друг с другом... Но в кого, однако, он играет? Не нужно долго наблюдать, чтобы сделать об этом вывод: он играет в бытие официанта в кафе» [1, с. 136–137]. Таким образом, официант следует проекту стать официантом в своем внешнем проявлении или, исходя из концепции Жирара, он подражает самому себе, проекту себя как другому.

Анализируя литературные труды Достоевского в эссе «Достоевский – от двойственности к единству» и Камю «К новому процессу над “посторонним”», Жирар акцентирует внимание на основной проблеме экзистенциальной философии – радикальности свободы человека, наследуя сартровскую мысль о свободе и вытекающей из нее ответственности. «Свобода Федора Михайловича так же радикальна, как и свобода Сартра, поскольку мир Достоевского, как и мир Сартра, полностью лишен объективных ценностей... в подобном мире главный выбор должен относиться не к нему “в себе”, а к поведению, исполненному смысла, проповедующему этот смысл, изначальная модель которого была явлена другим» [2, с. 38–39]. Сартр в своем знаменитом манифесте «Экзистенциализм – это гуманизм» формулирует проблему ответственности следующим образом: «Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю, выбирая себя, я выбираю человека вообще» [3, с. 323]. В отношении Жирара было бы справедливым сказать, что человек таков, поскольку таковым является

общество, так как человек и общество неразрывно связаны миметическими структурами. Поскольку человечество свободно, именно поэтому оно несет ответственность за свое насилие. «Это сартровское или “экзистенциалистское” измерение мысли Жирара, хотя в основном и сдержанно в его работах, становится более очевидным в “Завершить Клаузевица”» [4, р. 39].

Еще одним показательным примером может служить описание Жираром ацтекского мифа о сотворении солнца и луны в работе «Козел отпущения». В основе данного мифа лежит идея жертвоприношения. Боги собрались в Теотиуакане для того чтобы решить, кто из них принесет себя в жертву и станет освещать землю. Добровольно вызывается Текусицтекатель, но, сделав три попытки, он не решается прыгнуть в огонь. Тогда боги сами выбирают жертву, ею оказывается Нанауацин, который приносит себя в жертву без колебаний по указанию других богов. Вслед за ним в огонь прыгает Текусицтекатель. Таким образом, появляются солнце и луна. Один бог вызывается быть жертвой добровольно, а второй по принуждению, но в обоих случаях работает механизм миметического желания. Если в случае Нанауацина действует принцип «козла отпущения» (т. е. жертва и палачи находятся в миметическом сотрудничестве), имеет место виктимное желание быть принесенным в жертву, то в случае с Текусицтекатлем, решение которого было добровольным, и он первый вызывается стать жертвой, присутствует иного рода миметическое желание – быть первым, исключить всех соперников и стать единственным объектом подражания для самого себя. «Это *hubris* [гордыня (др. греч.)] – то есть миметическое желание, обостренное настолько, что считает себя выше любого миметизма и уже не хочет никакого образца, кроме себя самого» [5, с. 108]. В своем желании превзойти всех соперников он подражает самому себе, но такому, каковым еще не является. Так же как и в случае с официантом Сартра, видится желание этих двух персонажей американской мифологии стать *en-soi*, но Жирар дополняет концепцию Сартра, преодолевая разорванность между *pour-soi* и *en-soi*, объясняя это миметическим желанием.

Р. Жирар включает в свою концепцию несколько положений из философии Сартра, немного изменяя их и помещая в иной контекст. Так же, как и Сартр, Жирар отталкивается от отсутствия бытия, однако он рассматривает данную концепцию в контексте миметического желания.

Таким образом, существование в себе Сартра рассматривается Жираром как существование в подражании, которое определяется

непосредственно желающим субъектом. Он хочет обладать тем, в чем происходит нехватка, и тем, чем обладает другой. «Субъект желает объект именно потому, что на этот объект направлено желание соперника. Пожелав тот или иной объект, соперник указывает на него субъекту как на желательный» [6, с. 192]. В работе «Бытие и ничто» Сартр рассматривает концепцию «бытия для Другого», основой которого выступает взгляд Другого. Человек становится «в себе» посредством взгляда Другого. Например, данная концепция позволяет Сартру взглянуть на феномен любви – описывая любовь как оправдание нашего существования Другим. Однако Сартр не дает ответа на то, каким образом отношение человека как субъекта к Другому необходимо для конституции его индивидуального бытия. Так как для Другого объект может существовать только «в себе» и никогда как сам по себе, Жирар принимает положение Сартра в отношении важности взгляда Другого, вводя понятие «зрелища» (фр. *le spectacle*) – как порождающее желание. «Источником желания всегда выступает зрелище другого желания, реального или иллюзорного» [7, р. 54]. Жирар отмечает треугольный характер такого желания, что и позволяет ему сделать вывод о миметическом характере любовных отношений. «Сартр воспринял это явление и именно на нем в Бытии и Ничто он основывает свой анализ любви, садизма и мазохизма» [7, р. 54].

Жирар интерпретирует Сартра следующим образом: подражать желанию возлюбленного значит желать благодаря его желанию. Таким образом, Жирар отмечает двойное посредничество в отношении миметического желания. Здесь стоит прояснить понятие «треугольное желание», введенное Жираром в работе «Ложь романтизма и правда романа». Жирар рассматривает природу миметического желания, обращаясь к литературным трудам М. Пруста, М. де Сервантеса и Ф. Достоевского, и отмечает подражательный характер героев. По мнению Жирара, центральная идея заключается в том, что мы подражаем друг другу в наших желаниях. Жирар утверждает, что данное отношение имеет метафизическую основу, которая может быть представлена в качестве треугольника: субъект, Другой и объект желания. «Желание представлено как “треугольное”, так как оно согласованно с другим, потому что одно желание индивидуума имитирует желание другого» [8, р. 184].

В интервью с Мишелем Трегером 1992 г. Жирар отмечает, что существует непреодолимая пропасть между собой и другим. Сартр остается на позиции индивидуализма картезианской онтологии; он демонстрирует фундаментальное

нежелание преодолеть философию Декарта. С одной стороны, он утверждает о расширенном картезианском *cogito*, показывая существование других как объекта. С другой стороны, он не говорит о фундаментальном различии между бытием «для себя» и бытием «для других». Таким образом, мы не можем прийти к взаимной конституции двух этих модусов бытия, т. е. к отсутствию онтологической связи между ними. Сартр направлен на эту зависимость от картезианского индивидуализма. Понимание им человеческого желания как безудержного стремления к «для себя», в котором Другой имеет только второстепенное значение, мешает Сартру видеть, что «субъект разрывается между собой и Другим» [9, р. 163]. В свою очередь Жирар преодолевает подобный дуализм, рассматривая бытие с Другим в контексте треугольного желания. Бытие с Другим всегда опосредовано объектом желания, которое становится причиной мимезиса. Отсюда оказывается интересным замечание Жирара в отношении близнецов в первобытных сообществах, когда нарушается принцип различия между субъектом и Другим. Близнецы внушают страх, поэтому в некоторых первобытных сообществах убивают одного из них для того чтобы избежать возникновения хаотического насилия, которое в представлении подобных обществ порождается «ритуальной нечистотой» близнецов. И поскольку схожесть способна произвести наиболее ожесточенную борьбу, близнецы становятся разносчиками насилия, т. е. заразительного мимезиса. Таким образом, для Жирара бытие с Другими – это всегда направленность желания двух субъектов на один объект желания, в результате чего происходит подражание друг другу и впоследствии соперничество. В случае же с близнецами нарушается символический принцип, поскольку они и так подобны друг другу. Итак, Жирар предлагает взглянуть на подобный дуализм Сартра через призму миметической теории, что позволит лучше понять конечное желание «быть в себе», т. е. человеческое стремление к существованию самому по себе. Таким образом, Жирар отвергает человеческое желание само по себе, а рассматривает его как следствие усиленного подражательного желания.

«Отсутствие бытия ведет человека к поиску идеального образца для подражания, это порождает полное внутреннее спокойствие и преодоление желания» [10, р. 78]. Подлинно желанным становится трансцендентный идеал: чем больше модель подражания излучает безразличие, тем она более желанна для подражания. Жирар предлагает разрешить проблему разрыва субъек-

екта на «в-себе» и «для-себя», указывая на подражательный механизм, в котором в конечном итоге субъект подражает наиболее недоступному объекту, т. е. трансцендентному. Другой тем сильнее очаровывает, чем он более недоступен и более одухотворен. «Человек оказывается сбит с толку неуравновешенным желанием, которое ничто не может удовлетворить и, наконец, ищет божественную сущность в том, что радикально отрицает его собственное существование: не-одушевленное» [11, р. 286].

Жирар, принимая концепцию отсутствия Сартра в объяснении миметического желания, так или иначе впадает в онтологизацию насилия. Автономный человек вынужден находиться в постоянном отрицании своей зависимости от других, становится охвачен конфликтом в стремлении выйти из этого положения. В работе «Бытие и ничто» Сартр указывает на то, что человеческие отношения определяются через конфликт: «В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего; в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня» [1, с. 558]. Как можно видеть в этом отрывке Сартра, желание субъекта тождественно желанию Другого, что и является ярким примером миметического отношения, безусловно, влекущего за собой конфликтный характер. Но для Жирара само желание будет направлено не на непосредственный объект, т. е. на Другого, а на объект желания, который также является объектом желания другого, например, быть автономным субъектом.

Хорошей иллюстрацией данной мысли Сартра является и другое его произведение – пьеса «За закрытыми дверями», в которой наглядно демонстрируется обреченность «бытия для других» на конфликт. Отталкиваясь от концепции Р. Жирара, можно увидеть механизм миметического желания, который перерастает в конфликт. Герои пьесы страдают от того, что истории их жизни становятся доступны другим, взгляд другого заставляет их испытывать страдание. В конце пьесы один из главных героев заявляет: «Ад – это другие люди!», указывая на невыносимость взгляда другого. «Каждый из нас будет действовать как мучитель для двух других», – заявляет Инесс, одна из героинь пьесы. «Когда сферы действия модели и имитатора перекрываются, каждый препятствует желанию Другого» [12, р. 33]. Каждый делает тщетной способность Другого к реализации его мимически вдохновленной цели.

Таким образом, Жирар принимает сартровское положение об отсутствии бытия, но

дополняет его концепцией миметического желания, где подобное отсутствие так или иначе приводит к миметическому соперничеству. Отсутствие бытия служит неотъемлемой частью человеческого опыта, каждый человек в связи с этим вынужден впадать в миметическое соперничество, следовательно, мы можем заключить, что насильственный конфликт является необходимым и неизбежным следствием человечности как таковой.

Подводя итог, можно отметить что Ж.-П. Сартр оказал огромное влияние на миметическую теорию Р. Жирара. В частности, два модуса бытия у Сартра бытие-в-себе и бытие-для-себя позволили Жирару увидеть тот характерный момент, когда миметическое желание субъекта направлено на самого себя как Другого, и третий, связующий элемент – это миметическое желание. Также Жирар, опираясь на концепцию Сартра «бытия с другими», преобразовывает ее, дополняя третьим объектом, т. е. объектом желания субъекта и Другого. Далее Жирар включает в свою теорию идею взгляда Другого, которая была описана Сартром в работе «Бытие и ничто», для того чтобы объяснить характер треугольного желания. Вполне очевидно, что Жирар пытается преодолеть проблему картезианского дуализма в философии Сартра, объясняя разорванность бытия-в-себе и бытия-для-себя, а также субъекта и Другого опосредованием миметического механизма. Жирар вслед за Сартром указывает на конфликтный характер бытия с другими, что впоследствии позволит Жирару выразить теорию миметического насилия и его связи со священным.

Список литературы

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М. : АСТ, 2015. 928 с.
2. Жирар Р. Достоевский – от двойственности к единству. М. : БИ, 2013. 162 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1990. С. 319–345.
4. Doran R. Rene Girard's apocalyptic modernity // *Communication & Culture*. 2011. № 11. P. 37–52.
5. Жирар Р. Козел отпущения. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
6. Жирар Р. Насилие и священное. СПб. : Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
7. Girard R. Mensonge romantique et vérité Romanesque. Paris, 1961. 449 p.
8. Dumouchel P. The ambivalence of scarcity and other essays. East Lansing, 2014. 383 p.
9. Girard R. Quand ces choses commenceront... Entretien avec Michel Treguer. Paris, 1994.

10. Palaver W. René Girard's mimetic theory. East Lansing, 2011. 403 p.
11. Girard R. Deceit, desire and the novel. Self and other in literary structure. Baltimore, John Hopkins Press, 1965. 318 p.
12. Merrill T. C. The Book of Imitation and Desire: Reading Milan Kundera with Rene Girard. New York, 2013. 208 p.
4. Doran R. Rene Girard's apocalyptic modernity. *Comunicacao&Cultura*, 2011, no. 11, pp. 37–52.
5. Girard R. *Le bouc émissaire*. Paris, Grasset, 1982. 300 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Kozel otpushcheniya*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbacha, 2010. 336 p.).
6. Girard R. *La violence et le sacré*. Paris, Grasset, 1972. 451 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Nasilie i svyashchennoe*. St. Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 448 p.).
7. Girard R. *Mensonge romantique et vérité Romanesque*. Paris, 1961. 449 p.
8. Dumouchel P. *The ambivalence of scarcity and other essays*. East Lansing, 2014. 383 p.
9. Girard R. *Quandces choses commenceront...Entretiens avec Michel Treguer*. Paris, 1994.
10. Palaver W. René Girard's mimetic theory. East Lansing, 2011. 403 p.
11. Girard R. *Deceit, desire and the novel. Self and other in literary structure*. Baltimore, John Hopkins Press, 1965. 318 p.
12. Merrill T. C. *The Book of Imitation and Desire: Reading Milan Kundera with Rene Girard*. New York, 2013. 208 p.

References

1. Sartre J. P. *L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris, Gallimard, 1976. 675 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii*. Moscow, AST Publ., 2015. 928 p.).
2. Girard R. *Dostoïevski: du double à l'unité*, Feni XX. 1963. 189 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Dostoievskiy – ot dvoystvennosti k edinstvu*. Moscow, BBI Publ., 2013. 162 p.).
3. Sartre J. P. *L'Existentialisme est un humanism*. Paris, Gallimard, 1996. 108 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Ekzistentzializm eto gumanizm*. In: *Sumerki bogov*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 319–345).

Поступила в редакцию 21.06.2020, после рецензирования 22.06.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 21.06.2020, revised 22.06.2020, accepted 11.12.2020

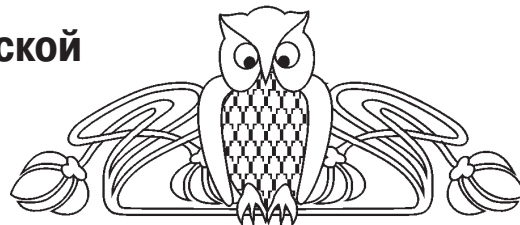
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 14–18
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 14–18

Научная статья

УДК 281.1

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-14-18>

Концепт «сердце» в древнеирландской церковной литературе: кейс «Алфавит благочестия»

М. С. Киселев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Киселев Михаил Сергеевич, магистр религиоведения, аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета, Mikh.Kiselev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4152-2353>

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать случаи употребления ключевого для христианской антропологии концепта «сердце» на материале древнеирландской церковной литературы, а именно трактата «Алфавит благочестия» (*Apgitir chrábaid*). Выявляются следующие примеры использования «сердца» в изучаемом тексте: «любовь к Богу в сердце», «страх Божий в сердце», «чистота сердца», «простота сердца», «исповедание чего-либо в сердце», «сердце какместилище веры», «сердце как место обитания Бога», «сердце как место, в котором находится Истина». Обозначенные примеры употребления тематически группируются для рассмотрения в рамках концептуальной сетки, построенной на выявленных различными исследователями смысловых основаниях идеи «сердца» в христианской литературе раннего Средневековья: (1) физический орган; (2) центр эмоций; (3) центр интеллекта; (4) центр воли и желаний; (5) центр духовной жизни и религиозного опыта; (6) символическое ядро человеческого существа, синоним человека в целом, души или духа в частности. Делается предположение о наличии интертекстуальной связи некоторых фрагментов трактата «Алфавит благочестия», где присутствует концепт «сердце», с рядом библейских текстов («Евангелие от Иоанна», «Послание к Ефесянам», «Второе послание Петра»).

Ключевые слова: христианство, христианская антропология, строение человека, хамартиология, сотериология, Раннее Средневековье, Ирландия, Библия, Вульгата

Для цитирования: Киселев М. С. Концепт «сердце» в древнеирландской церковной литературе: кейс «Алфавит благочестия» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 14–18. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-14-18>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-14-18>

The concept of “heart” in Old Irish church literature: The case of the *Apgitir chrábaid*

Mikhail S. Kiselev, Mikh.Kiselev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4152-2353>

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Abstract. This paper attempts to analyze the instances and contexts of the use of the concept “heart”, which is the key concept for Christian anthropology, based on the material of Old Irish church literature, namely, on the treatise *Apgitir chrábaid*. The following cases of using the word “heart” in the studied text are revealed: “love for God in the heart”, “fear of God in the heart”, “purity of the heart”, “simplicity of the heart”, “confession of something in the heart”, “heart as a container of faith”, “heart as the dwelling place of God”, “heart as the place where the Truth is”. These cases are grouped by the author into types. It was done so in order to review them within the conceptual grid, built by various researchers, who utilized the idea of different semantic base for each case of the “heart” usage in Christian literature of Early Middle Ages. “Heart” usage groups were formed as 1) a physical organ 2) the emotion center 3) the intelligence center 4) the center of willpower and desires 5) the center of spiritual life and religious experience 6) the symbolic core of a human being, the synonym of a human being in general, spirit or soul in particular. An assumption is made about the presence of an intertextual connection between some fragments of the *Apgitir chrábaid* where the concept of “heart” is present and a number of biblical texts (Gospel of John, Epistle to the Ephesians, The Second Epistle of Peter).

Keywords: Christianity, Christian anthropology, structure of human body, hamartiology, soteriology, Early Middle Ages, Ireland, Bible, Vulgate

For citation: Kiselev M. S. The concept of “heart” in Old Irish church literature: The case of the *Apgitir chrábaid*. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 14–18 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-14-18>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

И. С. Вевюрко, отмечая важную роль «сердца» для религиозной антропологии Священного Писания христианства, называет «кардиоцентризм» «одной из отличительных черт христианской антропологии» [1, с. 84]. Действительно, данный концепт занимает важное место в христианской культуре: в ключевых евангельских цитатах¹, в восточной мистике и западной теологии, а также средневековых культах Святейшего Сердца Иисуса Христа и Непорочного Сердца Марии, официально оформившихся в догматике и литургической практике Католической церкви только в XIX и XX вв. соответственно.

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать концепт «сердце» и контексты его использования на материале трактата «Алфавит благочестия» (Aргitir chrábaid; далее – АС)² – предположительно самого древнего из дошедших до нас церковных прозаических текстов, записанных на древнеирландском языке. Стоит отметить, что в мировой кельтологии вопросы датировки и авторства АС до сих пор считаются открытыми. С учетом всей их сложности нам представляются оправданными позиции, высказанные независимо друг от друга П. Мак Каной [5] и П. П. О' Нейлом [6], согласно которым «Алфавит благочестия» как цельное произведение не был создан одномоментно, а значит, не имел одного автора-составителя. С их точки зрения первые его фрагменты, составленные в начале VII в., дополнялись в течение практически полутора столетий, пока текст не приобрел известный нам законченный вид из 38 «параграфов» (такое деление АС было предложено К. Мейером, который первым издал полный текст трактата [7]).

Думается, подобный анализ «сердца» имеет значение как для исследования «локальных вариантов» христианства, так и для изучения религиозной антропологии в целом. Указанный концепт может рассматриваться сквозь призму «психосоматического» и «аксиологического» [8] аспектов христианского учения о человеке и, таким образом, отражать универсальные представления об устройении человека, повреждении его природы и спасении души.

Принято считать, что христианская антропология, особенно в первые века христианства, формировалась в процессе синтеза библейского учения и философских и религиозных течений

¹ В настоящем исследовании русский текст библейских цитат приводится по Синадальному переводу [2], а латинский – по третьему Штутгартскому изданию Библии [3].

² В настоящем исследовании используется авторский перевод данного трактата, сделанный по его академическому изданию, выполненному В. Халлом [4].

эпохи эллинизма. В основании данного построения, безусловно, находилась именно библейская антропология. Таким образом, христианский концепт «сердце» исследуется в первую очередь в контексте его библейского употребления, а все последующие христианские источники и традиции рассматриваются либо как укладывающиеся в выявленную библейскую сеть смыслов, либо как ее расширяющие [9–17]. В предельно обобщенном виде основные смысловые аспекты концепта «сердце», имеющие прямое отношение к учению о человеке и сформировавшиеся в христианстве к раннему Средневековью, могут быть представлены следующими образом: (1) орган физического тела человека (наименее частое употребление [10, с. 74]); (2) центр эмоциональной жизни человека; (3) центр интеллектуальной деятельности, ментальной составляющей человеческой природы; (4) центр воли человека и источник его желаний; (5) центр духовной, моральной, нравственной жизни человека, локус его совести, а также духовного, мистического и религиозного опыта; (6) символическое ядро всего человеческого существа, место, где встречаются духовное и физическое начала в человеке, что позволяет использовать понятие «сердце» в качестве синонима как для человека в целом, так и для его личности, самости, «внутреннего человека», души или духа в частности.

Таким образом, перед нами комплексный многоаспектный концепт христианской антропологии, а выявленную смысловую сетку следует рассматривать не как жесткую аналитическую рамку, а, скорее, набор маркеров, своеобразный «контролируемый словарь» (controlled vocabulary), с помощью которого можно «тегировать» акты использования понятия «сердце». Такая методика кажется нам более гибкой, поскольку позволяет применить к одному кейсу несколько маркеров и таким образом зафиксировать ситуации употребления концепта «сердце» на пересечении нескольких смысловых полей. Подобная гибкость и многоаспектность позволяют избежать втискивания «живого» материала в прокрустово ложе жестких теоретических моделей.

В работе с трактатом «Алфавит благочестия» мы выявили 10 актов использования концепта «сердце» (сride), которые тегировали установленными маркерами, и увидели следующую возможность группировки полученного набора кейсов.

Первая группа лежит на пересечении второго и пятого аспектов интерпретации «сердца», потому что в них речь идет о человеческих чувствах (второй тег), направленных на Бога (пятый тег). Первый акт этого блока – «любовь к Богу в сердце», встречающийся в АС дважды:

§ 4: «Нужно взывать и молиться каждому человеку Господу Неба и земли о стяжании Его страха и Его любви в его сердце, ибо в теплохладности обычно пребывает человек до прихода страха Божьего в его сердце» [4, р. 58–60];

§ 35: «... (должен человек – здесь и далее вставки и пояснения, в «(...)», в тексте «Алфавита» наши. – М. К.) стяжать любовь Божию (т. е. к Богу) и смирение и долготепрение в своем сердце...» [4, р. 76].

Второй кейс этой группы – «страх Божий в сердце» – тесно связан с первым и также встречается дважды, причем оба раза в уже приведенном фрагменте трактата «Алфавит благочестия» (§ 4), в котором, по нашему мнению, присутствует попытка соединить в одной формуле сразу три ключевые концепты христианской антропологии – любовь к Богу, страх Божий и «сердце».

Вторая группа включает набор кейсов, описывающих качества, характеристики «сердца», которые могут быть воспитаны или приобретены человеком, а также действия, предпринимаемые «с» или «в» «сердце» (волевой аспект «сердца», четвертый тег), которые (в смысле и качества, и действия), с точки зрения христианской антропологии, могут оказывать влияние на духовное состояние человека (сердце как центр духовной жизни человека, пятый тег). К подобным качествам мы отнесли «чистоту сердца» (АС: § 7) и «простоту сердца» (АС: § 9):

§ 7: «Что делает любовь Божья с человеком? ...очищает его сердце» [4, р. 60];

§ 9: «Чему надлежит научиться человеку?... простоте сердца (досл. «от сердца»)» [4, р. 62].

Интересно, что в АС (§ 7) прослеживается связь идеи «чистоты сердца» с «любовью к Богу в сердце», так как, с точки зрения авторов-составителей этого трактата, именно любовь способствует очищению сердца. К действиям мы отнесли «исповедание, поддержку чего-либо в сердце» (АС: § 19):

§ 19: «(Вот) трое идущих к праведной христианской жизни. Первый пребывает в ней, другой (второй) – около нее, другой (третий) – далек от нее... Вот тот, который около нее: тот, который отрекается от мира на словах (досл. «от уст») и исповедует это (имеется в виду христианское учение и стремление к праведной жизни) в своем сердце» [4, р. 70].

В финальную, третью группу мы объединили кейсы, которые, по нашему мнению, изображают «сердце» как символический центр всего человеческого существа (шестой тег), участвующий в духовной жизни человека (пятый тег). Данная группа представлена четырьмя актами использования «сердца» в качестве «вместилища» чего-ли-

бо. В первом случае «сердце» – это «вместилище веры», причем в этом смысле оно употребляется только в одном параграфе трактата «Алфавит благочестия»:

§ 18: «... Тело хранит душу, душа хранит ум, ум хранит сердце, сердце хранит веру, вера хранит Бога, Бог хранит человека. Как возносит светильник свой свет в доме темном, так же возносится Истина (здесь имеется в виду суть христианского учения) внутри (досл. «в середине») веры в сердце человека...» [4, р. 68];

Следует отметить, что образы и структура последнего предложения приведенного фрагмента АС представляют собой не только семантическую, но и композиционную аллюзию на известные слова из Второго послания апостола Петра: «И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте (*lucernae lucenti in caliginoso*; досл. «во мраке»), доколе не начнет рассветать день и не взойдет (*oriatur*) утренняя звезда в сердцах ваших (*in cordibus vestris*)» (2 Пет 1. 19; Пет II 1. 19).

Формула «сердце хранит веру, вера хранит Бога» (АС: § 18), которая представляет собой вариацию известного стиха из Послания апостола Павла к Ефессянам: «Верую вселиться Христу в сердца ваши (*Christum habitare per fidem in cordibus vestris*)» (Еф 3. 17; Eph 3. 17), приводит нас ко второму кейсу данного блока – «сердце как место обитания Бога». Третий кейс этой группы – обозначение «сердца» как «места, в котором находится Истина» (АС: § 16):

§ 16: «Когда без изъяна его (т. е. человека) Истина? Когда его сердце пребывает в должном состоянии, а именно тогда, когда Истина в нем находится (досл. «сидит») как будто не рождена от человека» [4, р. 66–68].

Финальный комментарий данного фрагмента, на наш взгляд, призван отсылать внимательных читателей или слушателей «Алфавита» к Евангелию от Иоанна с его идеями «рождения свыше (*denuo*; досл. «снова»)» (Ин 3. 3, 7; Ioan 3. 3, 7) «не от хотения мужа, но от Бога (*neque ex voluntate viri sed ex Deo*)» (Ин 1. 13; Ioan 1. 13).

Таким образом, трактат «Алфавит благочестия» следует ключевым направлениям и риторике «богословия сердца», сформировавшимся в христианской антропологии к раннему Средневековью на основе библейского учения о человеке. Благодаря тегированию кейсов мы смогли установить, что большая часть актов использования концепта «сердце» сосредоточена вокруг понимания «сердца» как источника волевого начала и как центра духовной жизни, что

подкрепляет справедливость тезиса о важности данного концепта для аксиологического аспекта христианской антропологии и на ирландском материале. Отсутствие же примеров использования концепта «сердце» в физиологическом смысле подчеркивает всю абстрактность, образность и метафоричность языка описания психосоматических аспектов религиозной антропологии. Используемый нами прием группировки данных, безусловно, нуждается в дальнейшей апробации, например, на материале древнеирландской церковной (агиография, монашеские уставы), юридической (светские правовые трактаты, церковные каноны) и художественной литературы вкупе с ирландскими латиноязычными текстами, прежде всего пенитенциалиями.

Список литературы

1. Вевюрко И. С. Ветхозаветная антропология в переводе Септуагинты : состав человека (базовые термины) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Филология. 2015. № 1 (57). С. 71–86.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Российское библейское общество, 2012. 1377 с.
3. *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*. 3rd edition. Stuttgart, 1983. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/bible.html> (дата обращения: 01.07.2020).
4. Hull V. Apgitir chrábaid : The alphabet of piety // *Celtica*. 1968. № 8. P. 44–89.
5. Mac Cana P. Apgitir Chrábaid // *Lexikon des Mittelalters*. Band 1: Aachen bis Bettelordenskirchen. München ; Zürich : Artemis, 1977. Col. 747.
6. O' Néill P. P. The date and authorship of Apgitir Chrábaid : some internal evidence // *Irland und Christenheit : Bibelstudien und Mission*. Stuttgart : Klett-Cotta, 1987. P. 203–215.
7. Meyer K. Mitteilungen aus irischen Handschriften : IV. Aus Harleian 5280. Das Apgitir Crábaid des Colmán maccu Béognae // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1901. Bd. 3. S. 447–455.
8. Никонов К. И. Религиозная антропология (Христианское учение о человеке в историческом и современном контексте) // *Спектр антропологических учений*. Вып. 2. / отв. ред. П. С. Гуревич. М. : Институт филологии РАН, 2008. С. 52–74.
9. Антонов К. М., Лоргус А., прот. Сердце (правосл.) // *Богословская антропология. Русско-православный / римско-католический словарь : издания на русском и немецком языках / под науч. ред. прот. Андрея Лоргуса, Б. Штубенрауха*. М. : Паломник ; Никея, 2013. С. 472–477.
10. Киприан Керн, архим. Антропология святого Григория Паламы. М. : Паломник, 1996. 450 с.
11. Лука Войно-Ясенецкий, свят. Дух, душа и тело. М. : ОБРАЗ, 2011. 128 с.
12. Фильзер Х. Сердце (католич.) // *Богословская антропология. Русско-православный / римско-католический словарь : издания на русском и немецком языках / под науч. ред. прот. Андрея Лоргуса, Б. Штубенрауха*. М. : Паломник ; Никея, 2013. С. 477–483.
13. Lynch W. E. Heart (in the Bible) // *New Catholic encyclopedia*. : in 15 vols. 2nd ed. Washington, D.C. : Gale, 2002. Vol. 6. 681 p.
14. Meslin M. Heart // *Encyclopedia of religion*. : in 14 vols. 2nd ed. Stamford-Farmington Hills : Thomson-Gale, 2005. Vol. 6. P. 3881–3884.
15. Quack A., Brandscheidt R., Eckermann W. Herz // *Lexikon für Theologie und Kirche*. 3 Aufl. Bd. 5. Breisgau ; Basel ; Rom ; Wien : Herder, 1996. Col. 48–51.
16. Wénin A., Beauchamp P., Deseille P., Lacoste J.-Y. Soul-Heart-Body // *Encyclopedia of Christian theology*. N.Y. ; L. : Routledge, 2004. P. 1496–1497.
17. Wißmann H., Albertz R., Neudecker R., Hegermann H., Gahbauer F., Flüeler C., Imbach R., Sparr W., Koch T., Hirsch W. Mensch // *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 22. Berlin, N.Y. : de Gruyter, 1992. S. 458–576.

References

1. Vevyurko I. Old Testament anthropology in the translation of the Septuagint: the composition of the human being (fundamental principles). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy], 2015, no. 1 (57), pp. 71–86 (in Russian).
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Sacred texts of Old and New Testaments]. Moscow, Rossiyskoye bibleyskoye obshchestvo Publ., 2012. 1377 p. (in Russian).
3. *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem* [Holy Bible. Vulgate]. 3rd ed. Stuttgart, 1983. Available at: <https://www.thelatinlibrary.com/bible.html> (accessed 1 July 2020).
4. Hull V. Apgitir chrábaid: the alphabet of piety. *Celtica*, 1968, no. 8, pp. 44–89.
5. Mac Cana P. Apgitir Chrábaid. *Lexikon des Mittelalters. Band 1: Aachen bis Bettelordenskirchen*. München ; Zürich, Artemis, 1977, col. 747.
6. O' Néill P. P. The date and authorship of Apgitir Chrábaid: some internal evidence. *Irland und Christenheit : Bibelstudien und Mission*. Stuttgart, Klett-Cotta, 1987, pp. 203–215.
7. Meyer K. Mitteilungen aus irischen Handschriften : IV. Aus Harleian 5280. Das Apgitir Crábaid des Colmán maccu Béognae. *Zeitschrift für celtische Philologie*, 1901, Bd. 3, S. 447–455.
8. Nikonov K. I. Religious anthropology (Christian doctrine of a man in a historical and modern context). *Spektr antropologicheskikh ucheniy. Vypusk 2* [Spectrum of Anthropological Teachings. Issue 2. Ans. ed. P. S. Gurevich]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2008, pp. 52–74 (in Russian).

9. Antonov K., Lorgus A. *Serdtshe (pravosl.)* [Heart (Orthodox)]. In: *Bogoslovskaya antropologiya. Russko-pravoslavnyy / rimsko-katolicheskiy slovar: izdaniya na russkom i nemetskom yazykakh* [Theological Anthropology. Russian Orthodox / Roman Catholic Dictionary: Russian and German Edition]. Moscow, Palomnik Publ., Nikeya Publ., 2013, pp. 472–477 (in Russian).
10. Kiprian Kern. *Antropologiya svyatogo Grigoriya Palamy* [Anthropology of St. Gregory Palamas]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. 450 p. (in Russian).
11. Luka Voyno-Yasenetskiy, st. *Dukh, dusha i telo* [Spirit, Soul and Body]. Moscow, OBRAZ Publ., 2011. 128 p. (in Russian).
12. Filser H. Heart (Catholic.). In: *Bogoslovskaya antropologiya. Russko-pravoslavnyy / rimsko-katolicheskiy slovar: izdaniya na russkom i nemetskom yazykakh* [Priest Andrei Lorgus, B. Shubenraukh, eds. Theological Anthropology. Russian Orthodox / Roman Catholic Dictionary: Russian and German Edition]. Moscow, Palomnik Publ., Nikeya Publ., 2013, pp. 477–483 (in Russian).
13. Lynch W.E. Heart (in the Bible). *New Catholic encyclopedia*: in 15 vols. 2nd ed. Washington, D.C., Gale, 2002, vol. 6. 681 p.
14. Meslin M. Heart. *Encyclopedia of religion*: in 14 vols. 2nd ed. Stamford-Farmington Hills, Thomson-Gale, 2005, vol. 6, pp. 3881–3884.
15. Quack A., Brandscheidt R., Eckermann W. Herz. *Lexikon für Theologie und Kirche*. 3 Aufl. Bd. 5. Breisgau, Basel, Rom, Wien, Herder, 1996, col. 48–51.
16. Wénin A., Beauchamp P., Deseille P., Lacoste J.-Y. Soul-Heart-Body. In: *Encyclopedia of Christian theology*. New York, London, Routledge, 2004, pp. 1496–1497.
17. Wißmann H., Albertz R., Neudecker R., Hegemann H., Gahbauer F., Flüeler C., Imbach R., Sparr W., Koch T., Hirsch W. Mensch. In: *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. 22. Berlin, New York, de Gruyter, 1992, S. 458–576.

Поступила в редакцию 01.11.2020, после рецензирования 10.11.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 01.11.2020, revised 10.11.2020, accepted 11.12.2020

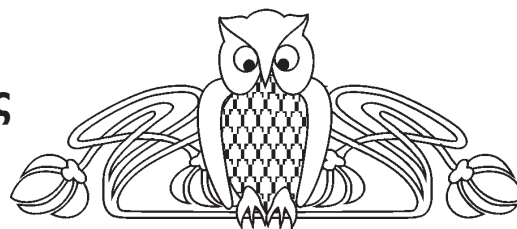
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 19–23
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 19–23

Научная статья

УДК 141.201

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23>

Философская экспертиза πολιτικῆς в эпоху постправды

В. С. Левицкий

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации. Бельгия, 1040, г. Брюссель, ул. Шумана, д. 6

Левицкий Виктор Сергеевич, кандидат философских наук, директор, victor2609@ukr.net, <https://orcid.org/0000-0001-9744-5345>

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации мирсистемы эпохи постправды, затрагивающие центральные смыслы культуры. Обосновывается необходимость философского анализа смысловых интервенций, становящихся частью стратегии сознательного конструирования реальности. Отталкиваясь от трансценденталистской традиции, в частности феноменологической социологии, автор показывает, что кризис легитимности универсального разума приводит к возможности сознательного конструирования социальной реальности как ценностно-смыслового универсума, которое в современных условиях становится одним из инструментов идеологического противостояния и политической борьбы. Идеологические нарративы, используемые как для самообоснования культурной субъектности, так и для воздействия на субъектность конкурентов, увязаны в целостные системы, построенные вокруг центральных для культуры смыслов, и с одной стороны, служат основой интерпретации отдельных событий, а с другой – выступают фактором формирования идентичности и основой практической деятельности целых сообществ, вплоть до национальных и цивилизационных проектов. Такой подход позволяет: 1) связать конструирование социальной реальности именно с ее смысловым измерением; 2) увидеть принципы, методы, цели, выгодополучателей и т.д. сознательного конструирования реальности; 3) предложить способы противодействия сознательному вмешательству в смысловую сферу культуры. Аргументируется необходимость философской экспертизы геополитического процесса и стратегий национального (цивилизационного) развития, что делает парадигмальные нарративы и смысловое измерение социальной реальности в целом более когерентным и устойчивым по отношению к внешнему вмешательству.

Ключевые слова: социальная реальность, смысл, нарратив, философская экспертиза, цивилизационный проект

Для цитирования: Левицкий В. С. Философская экспертиза πολιτικῆς в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 19–23. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23>

Philosophical expertise of πολιτικῆς in the post-truth era

Viktor S. Levytsky, victor2609@ukr.net, <https://orcid.org/0000-0001-9744-5345>

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, 1040 Round-point Schuman 6, Brussel, Belgium

Abstract. The article discusses the transformation of the world system of the post-truth era, which is affecting the central meanings of culture. The necessity of a philosophical analysis of semantic interventions which are becoming the part of the strategy of conscious construction of reality is substantiated. Basing on the transcendentalist tradition, phenomenological sociology in particular, the author shows that the crisis of legitimacy of universal reason leads to the possibility of conscious construction of a social reality as a value-semantic universe, which is becoming one of the tools of ideological confrontation and political struggle in modern conditions. The ideological narratives used both for self-justification of cultural subjectivity and for influencing the subjectivity of competitors are linked into integral systems, which are built around the central meanings of culture, and serve, on the one hand, as the basis for the interpretation of individual events, and on the other, as a factor of the identity's formation and the basis of the entire communities' practical activities, to the extent of national and civilization projects. This approach allows to: 1) associate the construction of social reality with its semantic dimension; 2) see the principles, methods, goals, beneficiaries, etc. of a conscious construction of reality; 3) suggest ways of countering the conscious interference in the semantic sphere of culture. As a result, the need for a philosophical examination of the geopolitical process and national (civilizational) development strategies is argued, which makes the paradigm narratives and the semantic dimension of social reality more coherent and stable as a whole with respect to the external interference.

Keywords: social reality, meaning, narrative, philosophical examination, civilization project

For citation: Levytsky V. S. Philosophical expertise of πολιτικῆς in the post-truth era. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 19–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Сегодня, наверное, мало кто будет спорить с тем, что мир существенно меняется. Изменения касаются всех горизонтов социального бытия. Пересматриваются вековые представления об истине, на смену которых приходят убеждения эпохи постправды, постулирующей множественность истин [1]. Единая модель цивилизационного развития, являвшаяся производной идеологии универсального разума, уходит в прошлое, открывая эру стратегической неопределенности [2]. Экономическая стабильность, выступавшая одним из мощнейших консолидирующих факторов, как минимум для обществ «золотого миллиарда», судя по всему, тоже подверглась существенной эрозии [3]. Современные протесты в США, охватившие всю страну, в этом контексте выглядят саморазрушительно для устоявшейся конфигурации всей мирсистемы. Их идеологическое значение сопоставимо с бунтами в раю. «Энтелехийность» американского проекта (пожалуй, его главного конкурентного преимущества) существенно делегитимирована. Пандемия COVID-19 и вызванная ею экономическая рецессия только ускоряют центробежные процессы. За очень короткое время валидность привычных ценностей существенно снизилась: котировки майских фьючерсов нефти имели отрицательные значения, роль путешествий как неотъемлемой части современного представления о счастье оказалась не столь очевидной, выяснилось, что объем потребления не связан с «естественными» потребностями человека и т.д.

Следует отметить, что эти трансформации касаются центральных смыслов культуры. Используя терминологию В. С. Степина, можно сказать, что данные изменения затрагивают «категориальную матрицу культуры». Все это указывает на то, что исчезают привычные гарантии знакомого нам мира, он приобретает новые формы. Естественно, такая ситуация порождает новые вопросы: где искать гарантии его стабильности? Какие цивилизационные формы предпочесть? Что может являться целью общественного развития?

Сегодня устоявшимся фактом является то, что мы живем в эпоху сознательного конструирования реальности. В рамках феноменологической традиции была обоснована мысль о социальном конструировании реальности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Й. Дреер), в наше время на этот процесс настойчиво пытаются сознательно влиять. Речь идет о конструировании смыслового измерения социальной реальности, которое обуславливает нашу возможность понимания и действия. Исходя из этого, мы всегда понимаем и действуем, отталкиваясь от смыслов, которыми располагаем. В связи с этим К. Касториadis писал: «Именно это

установление значений... для каждого общества полагает то, что есть, и то, что не есть, и как оно есть или не есть; то, что имеет цену, и то, что не имеет цены, имеет значение или не имеет значение – то, что может быть или значить» [4, с. 451].

Целенаправленное конструирование – это как раз коррекция смыслов. Данный процесс стал возможен в силу кризиса классического для модерна универсального разума, единый смысловой стандарт которого сегодня делегитимирован. Центральные для современной реальности смыслы, такие как история, гендер, природа и т.д., поддаются сознательной коррекции. В качестве примера достаточно вспомнить официальное поздравление Белого дома с Днем Победы, которое дословно звучит так: «8 мая 1945 года Америка и Великобритания одержали победу над нацистами! Дух Америки всегда будет побеждать. В конце концов, именно это и происходит» [5]. В сочетании с информацией о блокировке Facebook страниц, размещающих фото водружения Знамени Победы над Рейхстагом, выглядит как вполне завершенная стратегия конструирования нового нарратива. Другим примером может служить гендерная политика, продвигаемая либеральным миром, которая кардинально меняет наши представления об отношении полов.

Очевидно, что коррекция центральных смыслов приводит к трансформации всей смысловой матрицы культуры: мир, в котором существует три пола, значительно отличается от «двухполого мира». Также следует иметь в виду, что смыслы предполагают релевантные им идентичности. С другой стороны, смыслы являются основой солидаризации и социального действия, т. е. новые смыслы порождают новые сообщества и социальные проекты. Смыслы конструируются и на их основе формируются новые идентичности, новые сообщества, новые общественные цели.

Очевидно, что проблема конструирования реальности – это именно философская проблема. Историки могут отметить переписывание истории, политологи могут заявить о сознательно срежиссированных протестах, социологи обратить внимание на вмешательства в коллективную память и т.д. Но специальным предметом семантические коррекции могут стать только в рамках философского дискурса.

Принимая во внимание, что речь идет о трансформации центральных смыслов культуры, системность которых является предметом изучения именно философии, цель статьи состоит в обосновании необходимости проведения философской экспертизы смысловых нарративов, которые становятся основанием практической деятельности целых сообществ.

По мнению немецкого классика, сова Минервы вылетает в сумерки. Похоже, сейчас наступает именно это время. Значимость философии приобретает сегодня экзистенциальный смысл. И она не может быть заменена никакой другой наукой: область предельных смыслов – предмет именно философского дискурса. Вмешательства в смысловую сферу требуют серьезных капиталовложений и имеют собственных бенефициаров. В эпоху глобальной конкуренции эти семантические интервенции являются синонимом национальной угрозы. Однако отслеживание подобных вмешательств на «тактическом» уровне малоэффективно: можно сколь угодно подробно разбираться с деталями начала Второй мировой войны, но вытеснение значимости ее факта из европейской истории сведет эти усилия на нет.

Важнейшей особенностью эпохи постправды стали идеологические интервенции, направленные на коррекцию смыслового измерения социальной реальности. Такие попытки сознательного вмешательства в смысловую сферу предпринимаются в виде формирования новых целостных нарративов. Их отдельные аспекты, которые как раз и являются предметом частных наук, всегда вторичны по отношению к целому. Статус реальности того или иного объекта в идеологическом нарративе подобен реальности «фактов» прошлого в нарративе историческом, о чем в свое время очень точно высказался Ф. Анкерсмит: «...Объекты прошлого, о которых так часто говорят историки, например, интеллектуальные, общественные, политические движения и даже нации или социальные группы, не имеют в самом прошлом независимого от нарратива статуса: они происходят из нарратива и удостоверяются исключительно нарративом» [6, с. 129]. Дальше он пишет, что именно нарратив по типу метафизической системы задает оптику, исходя из которой следует рассматривать реальность [6, с. 317].

В этом отношении очень иллюстративной может быть, например, концепция равной ответственности двух тоталитарных режимов за развязывание Второй мировой войны, которая недвусмысленно сформулирована в резолюции Европейского парламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Кстати, альтернативный, диаметрально противоположный нарратив, возлагающий ответственность за начало Второй мировой войны на нацистский режим Германии, при попустительстве западных союзников, предложен в статье В. В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». В резолюции же Европарламента подчеркивается, что «Вторая мировая война, самая разрушитель-

ная война в истории Европы, началась как прямой результат пресловутого нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, также известного как пакт Молотова–Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, которые преследовали цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния» [7]. Очевидно, что это не только исторический или политический нарратив, а в первую очередь идеологический. Важно подчеркнуть, что он направлен не столько на прошлое и историческую память, сколько на настоящее и будущее. Данный нарратив выступает основой солидаризации, предписывает однозначные аксиологические и телеологические императивы, способен выступить мощным фактором мобилизации, четко очерчивает границы собственного цивилизационного проекта. В конечном счете он становится фактором формирования идентичности нынешнего и следующих поколений европейцев. Об этом недвусмысленно говорится в самой резолюции, призывающей «...отметить 23 августа в качестве Европейского дня Памяти жертв тоталитарных режимов...», а также повысить осведомленность молодого поколения об этих проблемах, включая историю и анализ последствий тоталитарных режимов в учебных планах и учебниках всех школ в ЕС» [7].

Вместе с тем в этом нарративе отчетливо просматриваются элиминация советской идентичности как части идентичности всех постсоветских стран, аксиологическая девальвация Победы, разрушение нациообразующего нарратива России. Очевидно, такой нарратив ведет к углублению цивилизационного конфликта между Европой и Россией, что прямо утверждается в резолюции: «...Россия остается самой большой жертвой коммунистического тоталитаризма и ... ее развитие в демократическое государство будет затруднено до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда продолжают отбеливать коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим» [7]. Здесь также имплицитно присутствует и превращение Украины в союзника Запада по борьбе с Россией, и инфернализация современной России, и возможность оправдания сотрудничавших с нацистами деятелей, боровшихся против коммунистического режима, и т.д. Кроме того, Европарламентом составлен подробный план действий с отдельным бюджетом для продвижения этого нарратива в рамках и за пределами ЕС.

Это лишь один пример из многих нарративов, используемых как инструмент идеологической борьбы за право формировать смысловую реальность, влияющую на все сферы нашей жизни.

В то же время его цельность и взаимообусловленность смыслов становятся понятными именно в рамках философского дискурса. Возвращаясь к мысли Ф. Анкерсмита, с одной стороны, следует подчеркнуть, что частные явления (сколь бы масштабными они не были) обретают свой смысл (значение) только в рамках определенного нарратива, с другой стороны, важно отметить, что на основании таких нарративов создаются новые идентичности, формулируются цели общественного развития и определяются ценности, в конечном счете формируются сообщества.

Универсум смыслов выстраивается вокруг «смыслового ядра» – матрицы культурных универсалий. Вмешательство в это ядро приводит к изменениям на более «низких» уровнях смыслов, которые как раз и фиксируют другие гуманитарные и не только науки. Однако, проводя анализ на этих уровнях, никогда нельзя понять сущностную причину и полноту происходящих изменений. Речь идет об изменениях центральных смыслов культуры, а их содержание может быть предметом исключительно философии. Попытки опровергать (доказывать) нарратив путем критики (обоснования) его отдельных частей в лучшем случае могут привести к девальвации (легитимации) этих частей, но не затрагивают сердцевину и целостность самого нарратива, который, если провести последовательную редукцию, удостоверяется аксиоматическим смысловым ядром породившего его ценностно-смыслового универсума и будет направлен на переконструирование социальной реальности.

В этом отношении можно солидаризироваться с Р. Коллингвудом, который писал: «Для меня стало очевидно, что метафизика – не бесплодная попытка познать то, что лежит за пределами опыта, но всегда является попыткой выяснить, во-первых, что люди данной эпохи думают об общей природе мира, причем эти представления оказываются предпосылками всех их “физик”, т. е. конкретных исследований деталей...» [8, с. 360]. В связи с этим нельзя понять «метафизических» трансформаций на уровне «физики». Изменение центральных смыслов культуры, несомненно, имеет именно такой предельный статус.

Соответственно, философская экспертиза становится санитарной (противовирусной) жизненно важной процедурой, обеспечивающей онтологическую стабильность культуры.

Особенно важной становится роль философии во время все большей фрагментации мир-системы. Кризис легитимности универсального разума привел к разрушению просвещенческого мифа, что способствовало абсолютизации парти-

кулярных проекций современного ценностно-смыслового универсума, выступающих основой продвижения национальных проектов в геополитическом пространстве. Очевидно, что успешность в конкурентном соревновании зависит от масштаба, количества адептов и привлекательности культурного проекта, а сам он – от исторической глубины и ценностно-этической гармоничности, которые формируют его идентичность, цементируют его и мобилизуют к развитию. Проект должен обладать «энтелехийностью». В монографии «Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы» показано, как некогда универсальная западная цивилизационная модель распалась на несколько, сформировав конкурентное пространство, в котором теперь на равных правах присутствуют Китайский проект, Исламские проекты, Российский проект, судя по всему, нарождается Индийский проект [9]. Каждый из них исходит из собственного «смыслового ядра», которое интерпретируется как цивилизационный эталон, каждый пытается не просто создать политический (геополитический) проект, а построить ценностно-смысловой универсум со своими «каноническими» нарративами, с собственным пониманием ценностей, общественных целей, сущего и должного. Очень показательна в этом отношении статья секретаря Совета безопасности РФ Н. Патрушева «Нужны ли России “универсальные” ценности?». В ней говорится о духовно-нравственных ценностях как основе национального суверенитета. В рамках философского дискурса хорошим примером философского обоснования Российского цивилизационного проекта является работа А. В. Смирнова «Всечеловеческое VS Общечеловеческое», в которой автор, отталкиваясь от концепции логики смысла, показывает несводимость российской национальной экзистенции к другим цивилизационным моделям.

Принимая во внимание эвристичность философской экспертизы системообразующих нарративов, обоснованной выше, и исходя из ценностно-смысловой фундированности национальных проектов, можно предположить, что оптимальной формой бытия Российского проекта является альянс с государствами, опирающимися на то же смысловое ядро и ведущими свою генеалогию из тех же истоков. Это с необходимостью вытекает из теоретических соображений, иначе трудно, например, объяснить, почему центр, признаваемый истоком собственного проекта – Киев, относится к другому, альтернативному проекту. Такие «аномалии» всегда будут нарушать когерентность проекта.

Суммируя сказанное, можно сделать некоторые резюмирующие замечания.

Во-первых, свершившимся фактом следует признать, что мирсистема сегодня и неопределенное время в будущем будет развиваться как конкурентное противостояние альтернативных проектов глобального развития, связанных с собственными трактовками центральных культурных смыслов. Во-вторых, систематика смыслов жестко увязана в парадигмальные нарративы, выступающие основанием интерпретации прошлого и являющиеся принципом конституирования конфигурации сообществ в настоящем и будущем. Это делает необходимым философскую экспертизу данных нарративов и легитимирующих их национальных (цивилизационных) проектов. В связи с этим, в-третьих, Российский проект опирается на исторический нарратив, включающий территории, события и персоналии, относящиеся к Украине. Его перестройка, предполагающая элиминацию «украинской» смысловой части, снизит «энтелехийность» и привлекательность проекта, его культурно-мобилизационный потенциал. С другой стороны, объединение национальных проектов вокруг общего культурно-исторического нарратива превращает национальный проект в цивилизационный, увеличивает потенциал, масштаб и привлекательность отдельных проектов. Примером в этом отношении может служить ЕС.

Сейчас такая конфигурация может показаться нереалистичной, но, чтобы она могла стать реальностью в будущем, такой смысловой нарратив должен быть сформулирован сегодня: хотим мы того или нет, артикулированные сегодня смыслы станут основой действий следующего поколения.

Список литературы

1. Steve Fuller. *Post-truth: Knowledge as a Power Game*. Anthem Press, 2018. 218 p.
2. Белокобыльский А. В. Кризис идеологии универсального разума как вызов социальной структуре модерна // *Философские науки*. 2019. Т. 62, № 3. С. 124–133.
3. *Standing Guy. The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
4. *Касториадис К. Воображаемое установление общества*. М.: Гнозис; Логос, 2003. 480 с.
5. On May 8, 1945, America and Great Britain had victory over the Nazis. URL: <https://twitter.com/WhiteHouse/status/1258842411524132865> (дата обращения: 15.05.2020).
6. Анкерсмит Ф. *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
7. Importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.pdf (дата обращения: 30.06.2020).
8. *Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980. 485 с.
9. Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / под ред. А. Белокобыльского, В. Левицкого. М.: Академический проект, 2018. 215 с.

References

1. Steve Fuller. *Post-truth: Knowledge as a Power Game*. Anthem Press, 2018. 218 p.
2. Belokobyl'skiy A. V. The Crisis of Ideology of Universal Mind as a Challenge to the Social Structure of Modernity. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2019, vol. 62, no. 3, pp. 124–133 (in Russian.)
3. *Standing Guy. The Precariat: The New Dangerous Class*. London, Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
4. Cornelius Castoriadis. *L'institution imaginaire de la société*. Paris, Seuil, 1975. 544 p. (Russ. ed.: Kastoriadis K. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva*. Moscow, Gnozis, Logos Publ., 2003. 480 p.)
5. On May 8, 1945, America and Great Britain had victory over the Nazis. Available at: <https://twitter.com/WhiteHouse/status/1258842411524132865> (accessed 15 May 2020).
6. Ankersmit Franklin R. *Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language*. Den Haag, Nijhoff, 1983. 241 p. (Russ. ed.: Ankersmit F. *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2003. 360 p.)
7. Importance of European remembrance for the future of Europe. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.pdf (accessed 30 June 2020).
8. Collingwood Robin George. *An Autobiography*. Oxford University Press, 1939 (Russ. ed.: Kollingvud R. Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 485 p.)
9. Belokobyl'skiy A. V., Levytsky V. S., eds. *Vodorazdely sekulyarizatsii: zapadnyy tsivilizatsionnyy projekt i global'nye al'ternativy* [Watersheds of secularization: Western civilization project and global alternatives]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2018. 215 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.07.2020, после рецензирования 22.07.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 12.07.2020, revised 22.07.2020, accepted 11.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 24–28
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 24–28

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-24-28>

Источники формирования и особенности публичной риторики Московского митрополита Платона (Левшина)

Н. П. Лыскова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лыскова Наталья Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии, 450885@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3373-3676>

Аннотация. В статье рассматриваются лучшие образцы античного и церковного красноречия, являющиеся основными источниками становления публичной риторики Московского митрополита Платона. Представляя науку, тесно связанную с философским знанием, публичная риторика формируется как эффективное средство воспитания, просвещения, влияния на общественное мнение, поэтому ее приоритетная задача неразрывно связана с поиском и обоснованием истины, не противоречащими нравственным принципам. Раскрываются особые качества церковного красноречия о. Платона, в том числе убедительность, аргументированность, этичность, доброжелательность, которые совершенствуются на протяжении всей его богословской и преподавательской деятельности и позволяют стать выдающимся ритором прошлого и настоящего времени. Анализ теоретического и практического наследия митрополита раскрывает масштабность и международное признание его личности и творчества. Показано, что современная церковная и светская риторика требуют привлечения как традиционных, так и инновационных форм и методов общения с аудиторией. Использование разработанной классической публичной риторики Московского митрополита Платона обогащает методологию и методику выступлений как проповедников, так и светских ораторов, благодаря психологическим, этическим, имиджевым факторам доносят замысел речи оратора до каждого человека.

Ключевые слова: публичная риторика, оратор, традиционные и новые форматы общения, Московский митрополит Платон, нравственно-практическое направление духовного красноречия, образцы духовного красноречия

Для цитирования: Лыскова Н. П. Источники формирования и особенности публичной риторики Московского митрополита Платона (Левшина) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 24–28. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-24-28>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-24-28>

The sources of formation and specific features of public rhetoric of Metropolitan Platon of Moscow (Levshin)

Natalia P. Lysikova, 450885@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3373-3676>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the best examples of ancient and ecclesiastical eloquence, which are the main sources of the formation of public rhetoric of Metropolitan Platon of Moscow. Representing science closely related to philosophical knowledge, public rhetoric is formed as an effective means of education, enlightenment, and influence on public opinion, so its priority task is inextricably linked with the search for and justification of truth which do not contradict moral principles. The special qualities of Church eloquence of FR. Platon, including persuasiveness, reasonableness, ethics, benevolence, are improved throughout his theological and teaching activities and allow him to become an outstanding rhetorician of the past and present. The analysis of the Metropolitan's theoretical and practical heritage reveals the scale and international recognition of his personality and creativity. It is shown that modern Church and secular rhetoric require the involvement of both traditional and innovative forms and methods of communication with the audience. The use of the developed classical public rhetoric of Metropolitan Platon of Moscow enriches the methodology and method of speeches of both preachers and lay speakers. Thanks to psychological, ethical, and image factors, the idea of the speaker's speech is conveyed to everyone.

Keywords: public rhetoric, traditional and new formats of communication, orator, Metropolitan Platon of Moscow, Aristotle, Cicero, Curtius, Chrysostom, moral and practical direction of spiritual eloquence, samples of spiritual eloquence

For citation: Lysikova N. P. The sources of formation and specific features of public rhetoric of Metropolitan Platon of Moscow (Levshin). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 24–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-24-28>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Риторика как философско-культурная универсалия наряду с моралью, искусством, религией в лучших своих образцах задает онтологическую перспективу жизни, воплощая идеальные устремления оратора. Общественная необходимость в риторике возникла в IV в. до н.э. Ее основоположником считается Аристотель, который обобщил работы предшественников по искусству красноречия, указал на необходимость общения для убеждения, объединения граждан, решения государственных задач, поддержки нравственных отношений. В работах «Тописка», «О софистических опровержениях», «Риторика» философ заложил теоретические основы ораторского искусства, расширил и определил его границы, связь с логикой и диалектикой, выделил проблематику, которая остается актуальной. Риторика, по его мнению, должна содержать нравственную компоненту, при ее использовании человек стремится убедить других в предпочтительности своей позиции.

В первой книге «Риторика» Аристотель определяет ее место среди других наук и выделяет три вида речей: совещательные, или политические, судебные и торжественные, или эпидиктические. Во второй книге философ рассматривает общие способы доказательства, личные свойства, особенности оратора, который содержанием и формой речи, особенно эмоциями, передающими многообразие человеческих чувств – от гнева и ненависти до сострадания и благодеяния, воздействует на аудиторию. В третьей книге он анализирует проблемы стиля и построения речи. В его понимании стиль является способом выражения мысли, составлением речи, которая была бы понятна и достигала поставленной цели. Аристотель полагал, что «есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель необходимо бывает или простым зрителем, или судьей, и притом судьей или того, что уже совершилось, или же того, что может совершиться» [1, с. 8].

Публичная риторика духовенства представляет уникальный по силе и эстетике воздействия вид ораторского искусства, традиции которого формировались на протяжении ряда поколений. И гражданское, и политическое красноречие в Византии рано угасают. После христианизации на Руси получает распространение торжественное, или эпидиктическое, красноречие: ««Консолидирующая» риторика православного мира имела огромные достижения и в практической обла-

сти, создав поистине художественные образцы христианского красноречия, и в области теории, так как именно на этой почве вызревает учение о символе (Дионисий Ареопагит), предвосхитившее современные теории художественного образа... русское красноречие в своих истоках было исключительно торжественным и учительным» [2, с. 130–131].

Распространяя христианство среди культурных язычников и менее образованных сограждан, первые проповедники апостольского периода стремились к тому, чтобы их адекватно услышали и поняли. С этой целью они осваивали классическую систему греческих и латинских ораторов и использовали разработанные ими правила, приемы и нормы. Церковное красноречие того времени даже внешне отличалось непосредственным и эмоциональным энтузиазмом, логической рефлексией, художественными средствами (повторение, антитеза, обращение к конкретному лицу, гимнологическая форма речи, сравнение, эпитеты, фигуры, тропы, метафоры, гиперболы, умолчания, музыкальность), которые оставались неизменными. Внутренняя сторона речи определялась наукой о церковной проповеди – гомилетикой, в систематическом порядке излагающей учение об этом виде пастырского служения.

Замечательным образцом богословско-церковного красноречия является торжественная речь «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского в храме Святой Софии, демонстрирующая лучшие традиции публицистического (консолидирующего) красноречия, доносящие до народа патриотическую идею о равенстве Руси среди других христианских государств. Сохраняют актуальность проповеди представителей Русской православной церкви К. Туровского, Т. Задонского, митрополитов Платона, Филарета, Николая, Патриарха Московского и всея Руси Пимена, обращенные к сознанию и чувствам слушателей и свидетельствующие о патриотичности, нравственной культуре и образованности ораторов.

Остановимся на особенностях публичной риторики Московского митрополита Платона (Левшина) (1737–1812), которая формировалась на протяжении его многотрудного пастырского служения и была реализована в проповедях, публикациях, подготовке последователей и учеников, создании системы риторического образования и идеального образа православного ратора. Платон (Левшин) является представителем нравственно-практического направления духовного красноречия, сформировавшегося во второй половине XVIII в., к которому относились митрополит Санкт-Петербургский Михаил,

архимандрит Макарий (Глухарев), архиепископ Могилевский и Астраханский Анастасий (Братановский-Романенко). Данное направление отличалось тем, что проповеди становились, с одной стороны, более простыми и доступными для горожан и сельских жителей, с другой стороны, в их содержании отражались перипетии борьбы с новыми духовными веяниями – вольнодумством, масонством, французским материализмом. Они также проясняли нравственный идеал человека, им свойственны морально-этическая назидательность, неизменная наполненность верой, воплощение «абсолютной истины», не исключающей раздумий человека о «смысле жизни».

Изначально любимым занятием подростка Петра Левшина было чтение книг по богословию, философии, словесным наукам, географии, истории. Ему были доступны сочинения римского оратора Марка Тулия Цицерона, древнеримского историка Квинта Курция, отличавшегося ученостью, основательностью, риторической эмоциональностью. П. Левшин одобрял выступления оратора в сенате, народном собрании, суде, получение всестороннего образования, как в Римской империи, где подготовка оратора продолжалась 8 лет. Многие труды античных риторов он выучил наизусть, под их влиянием сформировалось его представление о публичной риторике, в которой он выделил и освоил два основных элемента блестящего оратора – риторическое мышление и риторическую технологию.

Особое внимание П. Левшин уделял изучению риторического наследия Святителя Иоанна Златоуста и отмечал, что его богословские труды, беседы, поучения отличаются хорошим слогом, обращением к истолкованию Слова Божьего, высоким нравственным содержанием. Впоследствии он утверждал, что греческий язык следует выучить только для того, чтобы прочесть работы этого выдающегося богослова, что, собственно, и сделал. В свободное от учебы время П. Левшин посещал литургию, утреннюю и вечернюю службы, не пропускал воскресные и праздничные дни, отличался скромностью. Основными местами его пребывания были дом, церковь, школа. Он рано начал свою преподавательскую деятельность. Большие познания и красноречие молодого ритора были замечены академическим начальством, и по прошествии двух лет обучения по представлению ректора Геннадия в 1757 г. он начал обучать воспитанников пиитике, греческому языку. В обязанность ему вменялось толкование воспитанникам катехизиса в академической аудитории, в которой собирались посторонняя публика и дети. Он умел всех приобщить к слушанию Слова Божьего благодаря своей искренней

вере, многообразным познаниям, продуманному структурированию учебного материала и соответствующей методике. Каждая из катехизических бесед П. Левшина делится на две части: догматическую и нравственную: в первой части раскрывается догматическое учение, во второй – дается практическое наставление, что свидетельствует о хороших риторических качествах начинающего проповедника, объясняет увлечение слушателей его проповедями и беседами [3, с. 20].

Важным этапом в развитии публичной риторики П. Левшина является его назначение наместником Троицкой Лавры, где он был пострижен и поименован Платоном. Его наставником в проповедничестве становится епископ Гедеон. На молодого наместника большое влияние оказали язык и стиль его проповедей, резко отличавшихся от старой киевской школы простотой языка и ясностью мысли, живостью и искренностью, доступностью и увлекательностью. О. Платон продолжает преподавать, читает проповеди, выполняет священнослужение, «имея голос приятный и светлый, лицо лепое и младое, и в служении всему исправный, – заслужил честь, что признавали его лучшим из всех тогда, а может быть, и прежде бывших иеродиаконов» [4, с. 24].

Высокую оценку проповеди наместника о пользе благочестия дала императрица Екатерина II. Князь Я. П. Шаховской был приятно удивлен его энциклопедической эрудицией, умением общаться с духовными и светскими лицами. По указанию императрицы о. Платон получает новое назначение – учителем богословия к наследнику Павлу Петровичу, позже – к его первой, а затем ко второй супруге. Поучителен дневник, который он вел. Занятия с молодым человеком столь высокого социального положения, по его мнению, требовали неукоснительного соблюдения правил речевого и поведенческого этикета, эрудиции в знании текстов Священного Писания, умения доходчиво их истолковать, убедительно отвечать на вопросы, которые часто выходили за рамки Евангелия, требовали научных и обыденных знаний, житейской мудрости, готовили бы Павла Петровича к выполнению основной миссии – управлять Государством Российским. Например, 31 августа 1763 г. учителю пришлось объяснять наследнику притчу о талантах, которые человек, получая от Бога, должен употребить не на зло, а для пользы дела.

О. Платону регулярно приходилось читать проповеди при Дворе, которые пользовались неизменным успехом и позже все были отпечатаны. Чтение происходило в присутствии императрицы, высших сановников, иностранцев, поэтому он имел возможность общаться с представителями

разных стран и народов – греками, сербами, немцами, французами, итальянцами. Постепенно публичная риторика о. Платона приобретала новые особенности. Пришло осознание того, что в любой аудитории проповедник не только внушает определенные мысли и чувства, но и посредством речи создает свой собственный образ, придающий уверенность, искренность речи, которую он произносит.

Несмотря на то, что о. Платону приходилось много работать, совмещая несколько разных видов деятельности, он продолжает совершенствовать свою публичную риторику, выступая с новыми темами перед разной по составу аудиторией. Для него было принципиально важным, что его оставили архимандритом Троицкой Лавры, обустройству которой он отдал много сил и времени. В 1775 г. Платон был провозглашен Московским архиепископом, хотя переживал и сопротивлялся этому назначению: его страшили суета большого города, нежелание входить в иные обстоятельства. Однако его присутствие в Москве в трудный период, когда большая часть духовенства погибла из-за моровой язвы, было оправдано. В городе находилось много бродяг, нищих, «бесчинных людей», требующих к себе повышенного внимания, поэтому о. Платону приходилось в конкретных ситуациях использовать свой риторический талант, организаторские способности, жизненный опыт, вникать в сложные повседневные вопросы и решать насущные проблемы.

Архиепископ, а впоследствии митрополит Платон, много сделал для развития духовного образования в России, частью которого является публичная риторика. В автобиографии он представил свое видение систематического академического духовного образования. Как бывший ученик, учитель, а потом и ректор он хорошо знал все его недостатки и достоинства. Протоиерей С. С. Смирнов отмечает, что процветание Московской академии при о. Платоне во многом зависело от качеств ума и сердца начальников и наставников, которых он подбирал лично. Преподавание риторики было четко им прописано в пяти правилах, сводившихся к систематическому освоению материала учебников, произведений Цицерона, Плиния, Мурета, Лактация, Иеронима, М. В. Ломоносова, с выделением их риторических правил и имитации речи, сохранением ее интонации и живости.

Изучение теории и практики российского и латинского красноречия дополнялось разбором проповедей о. Платона. По субботам регулярно проводились private философские диспуты, богословские проповеди, публичные диспуты с приглашенными гостями. На них демонстри-

ровались успехи учеников, обсуждались темы и сценарии мероприятий. Участники использовали русский, греческий, латинский, немецкий языки, песнопения, читали стихи, в том числе собственные. В конце проходило награждение книгами, звучало похвальное слово учителя. О. Платон содействовал укреплению связи Академии и Университета, не препятствовал посещению университетских лекций, созданию «дружеского ученого общества» для воспитания интереса к чтению.

Митрополит Платон всегда оставался образцом проповедника, его речи отличались возвышенностью, остротой мысли, проповеднический стиль являлся для того времени инновационным. Он был оратором нового типа, стремился использовать язык «некнижный», «неученный», но и не «народный выговор» [5, с. 40], старался, чтобы в речи не было темного, сомнительного, невразумительного. Постепенно возрастал его авторитет в риторике, появились ученики, последователи.

О. Платоном написаны произведения по богословию, российской церковной истории, риторике, акафисты, приветственные и надгробные слова в 20 томах, «Инструкции», переводы речей св. Иоанна Златоуста, св. Иоанна Дамаскина, после кончины были изданы его записки о путешествии в Киев. Свидетельством международного признания является их перевод на многие языки. Высокую научную репутацию о. Платона подтверждает обращение к нему с письмом весной 1803 г. церковника, академика, текстового исследователя Р. Холмса из Оксфорда, который интересовался славянскими рукописями.

Публичная церковная риторика ориентирована на верующих. В настоящее время аудитория проповедников изменилась. Они выступают перед прихожанами, священнослужителями, будущими пасторами, светской молодежью на темы, связанные с православным учением, развитием общества, церкви, культуры, используя новый формат общения: общероссийские и губернские мероприятия, конференции, СМИ, блоги, интернет-ресурсы. Так, архиерей Лонгин, с 2011 по 2020 г. митрополит Саратовский и Вольский, в докладах на ежегодных Межрегиональных Пименовских чтениях поднимает вопросы развития православной культуры, митрополит Новосибирский и Бердский Тихон рассматривает необходимость диалога между традиционными религиями и национальными общественными организациями [6, с. 361–364].

Таким образом, публичная риторика митрополита Платона представляет систему знаний, связанную с нравственным служением. Он проповедовал в разных аудиториях, используя знания, исторический и личный опыт в доведении смысла

речи до каждого человека. В последнее время предъявляются высокие требования к религиозным и светским ораторам, которые общаются непосредственно и в социальных сетях. Освоение образцов и традиций публичной риторики о. Платона, несомненно, поможет им в подготовке речей, освоении классических и современных ее жанров и форм, установлении контактов с аудиторией.

Список литературы

1. *Аристотель*. Поэтика. Риторика / вступ. ст. и коммент. С. Ю. Трохачева; пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, 2000. 346 с.
2. *Хазазеров Г. Г.* «Не к неведущим бо пишем...» (Об особенностях русского риторического мышления) // *Человек*. 1995. № 6. С. 129–138.
3. *Надеждин А. А.* Митрополит Московский Платон Левшин как проповедник. Казань: Типография Императорского университета, 1883. 224 с.
4. Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина / отв. ред. и сост. П. В. Калигин. М.: Институт русской цивилизации, Институт общегуманитарных исследований, 2015. 896 с.
5. *Платонов Н., протодьякон*. Митрополит Платон (Левшин) как проповедник // *Платоновские чтения*: сб. материалов. М.: Перервинская духовная семинария, 2013. С. 40–53.
6. *Ткаченко Л. П.* Религиозные СМИ как площадка для межкультурной коммуникации // *Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие*: материалы науч.-практ. конф. с международ.

участием: в 2 ч. (Новосибирск, 29–30 мая 2018 г.) / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2018. С. 361–364.

References

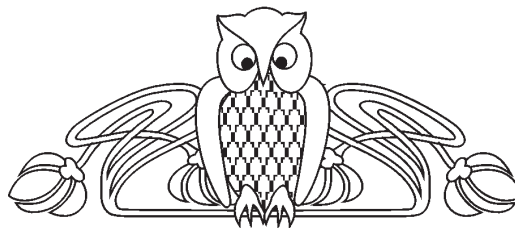
1. Aristotle. *Poetika. Ritorika* [Aristotle. Poetics. Rhetoric]. Introduction and commentary by S. Yu. Trokhachev; Trans. from Greek by V. Appelroth, N. Platonova. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 346 p. (in Russian).
2. Khazagerov G. G. "Not to the ignorant Bo write..." (about the features of Russian rhetorical thinking). *Chelovek* [The man], 1995, no. 6, pp. 129–138 (in Russian).
3. Nadezhdin A. A. *Mitropolit moskovskiy Platon Levshin kak propovednik* [Metropolitan of Moscow Platon Levshin as a preacher]. Kazan, Tipografia Imperatorskogo universiteta, 1883. 224 p. (in Russian).
4. *Mitropolit Platon (Levshin) i ego ucheno-monasheskaya shkola. K chesti duhovnogo china*. Ans. ed. and compiler P. V. Kalitin [Metropolitan Platon (Levshin) and his monastic school. To the honor of the spiritual rank]. Moscow, Institut ruskoy tsivilizatsii Publ., Institut obshchegumani-tarnykh issledovaniy Publ., 2015. 896 p. (in Russian).
5. Platonov N., protodeacon. Metropolitan Platon (Levshin) like a preacher. In: *Platonovskie cheteniya* [The Platonic reading. Collection of materials]. Moscow, Perervinsk theological Seminary Publ., 2013, pp. 40–53 (in Russian).
6. Tkachenko L. P. Religious media as a platform for intercultural communication. In: *Gosudarstvo, Obschestvo i Tserkov': migratsia i mezhkulturnoe raznoobrazie* [State, Society and Church: Migration and Cross-cultural Diversity]. Ed. by L. V. Savinov. Materials of the scientific and practical conference with international participation]. Novosibirsk, Izd-vo SibAGS, 2018, pp. 361–364 (in Russian).

Поступила в редакцию 30.07.2020, после рецензирования 12.08.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 30.07.2020, revised 12.08.2020, accepted 11.12.2020

Научная статья
УДК 101.1+130.3
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-29-33>

«Старое бремя» субъективности в критике Л. Фейербаха и младогегельянцев

Н. Н. Мисюров

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, просп. Мира, д. 55-А

Мисюров Николай Николаевич, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, MisiurovNN@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты общественно-политической по смыслу философско-теологической доктрины младогегельянцев. Выдвижение философии как университетской «матери наук», соединяющей в себе метафизику и диалектику, в центр общественной «повестки дня» объясняется как внутренними причинами (раскол в гегелевской «школе», конкуренция со стороны позитивизма, ренессанс теологической мысли), так и воздействием внешних факторов. Исследуется проблема «субъективности» в философской критике 1840-х гг., оказавшаяся «камнем преткновения» для многих участников дискуссии; категориальное содержание понятия так и не было прояснено. Задача – выявить базовые характеристики столь широко интерпретируемой «субъективности» и прояснить позиции сторон. В статье доказывается, что противопоставление гегелевскому абстрактному бытию действительного бытия означало фактически разрыв с его методом; миру как «всеобщему» Б. Бауэр противопоставляет «всеобщность» индивидуальности; «предпосылкой» деятельности мышления Л. Фейербах считает не разум, а сомнение. Заменой спекулятивных практик «старой» кантианской школы интеллектуальными, идущими от Шеллинга, «процедурами» философствования формировалась новая философская парадигма. Революция 1848 г. актуализировала многие философские идеи, наполнив их социальным содержанием. Выводами констатируется противоречивость и эклектичность философских конструкций младогегельянцев.

Ключевые слова: философская критика, идеализм, метафизика, метод

Для цитирования: Мисюров Н. Н. «Старое бремя» субъективности в критике Л. Фейербаха и младогегельянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–33. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-29-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-29-33>

“The old burden” of subjectivity in criticism of L. Feuerbach and Junghegelianer

Nikolay N. Misyurov, MisiurovNN@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Av., Omsk 644077, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of key aspects of the socio-political meaning and direction of the philosophical and theological doctrine of the Junghegelianer. The nomination of philosophy as the “mother of sciences”, combining the old metaphysics and new dialectic, to the center of the social “agenda” is explained both by internal reasons (split in the Hegel “school”, competition from positivism, renaissance of theological thought), and the impact of external factors. The problem of understanding “subjectivity” in the philosophical critique of the 1840s, which turned out to be a stumbling block for many panellists, is explored; the categorical content of the concept has not been clarified. The task is to identify the basic characteristics of such widely interpreted “subjectivity” and clarify the positions of the parties. Replacing the speculative practices of the “old” Kantian school with intellectual (going from Schelling) “procedures” of philosophizing formed a completely new philosophical paradigm of a different era. The revolution of 1848 updated many philosophical ideas, filling them with social content. The conclusions state the contradiction and a certain eclecticism of the philosophical designs of the Junghegelianer.

Keywords: philosophical criticism, idealism, metaphysics, method

For citation: Misyurov N. N. “The old burden” of subjectivity in criticism of L. Feuerbach and Junghegelianer. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-29-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Философская антропология как оригинальное течение немецкой философской мысли 1920-х гг. возникла в русле тогдашних исканий, закончившихся «антропологическим поворотом»; «оттесненная» другими новейшими течениями (экзистенциализмом, герменевтикой и пр.), она сумела сохранить свое значение как философская система, предлагающая приоритетное осмысление феномена современного человека [1, с. 188]. Успех сфокусированного исключительно на проблематике человека леворадикального «уклона» в немецкой философии 1840-х гг. (работы Л. Фейербаха и полемические сочинения подвергнутого марксистской критике «святого семейства» младогегельянцев) предопределили многие обстоятельства (интерес к общественным отношениям, требование «правды жизни» в искусстве и др.).

Проясним суть этой «критики критики», тем более что в работах советского периода философия Д. Ф. Штрауса, братьев Б. и Э. Бауэров, А. Руге и других «пересказывалась» (в соответствующей трактовке со ссылкой на классиков марксизма); в современных публикациях об этих противоречивых фигурах упоминают крайне редко, между тем они были «властителями дум» молодого поколения, придерживавшегося революционного мировоззрения. Задачей своей они видели популяризацию трудов Гегеля как «наивысшего достижения» в философии и борьбу со злополучным «немецким убожеством» (Ф. Энгельс).

Эпохальные сдвиги в социокультурной реальности отражаются в формах и содержании сознания – общественного и индивидуального; «сущностная» природа его определяется «абстрактными» категориями, формы же отражения действительности порождены отвлеченным рациональным опытом. «Значение» выражает специфическую форму сознания, в которой отдельный индивид усваивает обобщенный коллективный опыт; «смысл» является выражением когнитивной задачи по установлению более или менее истинного значения перманентно возникающих в процессе познания и социализации проблемных ситуаций. Соотношение значения и смысла носит онтологический характер, но гораздо важнее – в связи с проблемой восприятия и интерпретации дискурса – гносеологический аспект. Процесс «конструктивной» интерпретации предполагает представление воспринимаемого общественного или же научного дискурса в форме «базы текстов»; процессы «понимания» управляются системой, представленной релевантными для интерпретации «тематическими элементами» [2, с. 72]. Воспользуемся данными понятиями и этой схемой «управляющей системы», чтобы прояснить суть перехода от классической философской эпистемологии к «неклассической»; метафизика

при этом оставалась весьма значимым «модусом существования» самого философского знания.

Предмет исследования обозначен одной репликой Л. Фейербаха (о «старом бремени» субъективности и объективности). Если не существует науки об «абсолюте как таковом», то какая из философских наук (систем) эффективнее: прежняя – об абсолюте как духе, или новая (натурфилософия Шеллинга провозглашала «тождество продукта и продуктивности») – об абсолюте как природе? Во всяком случае, утверждал он, «философия должна начинать со своей антитезы» [3, с. 84]. Понятие субъективности трактуется широко, будучи не категориальным, а эпистемологическим. С одной стороны, раскрывается содержание критической философии через противопоставление ей субъективной философии Шеллинга, с другой стороны, Гегеля упрекают в «пренебрежении субъективностью». Возникает вопрос: что понимается под «субъективностью»?

Самопознание, напоминая Э. Кассирер, есть «высшая цель» каждого исследователя; при всех разногласиях между философами она «неизменна и непоколебима»; метафизика вооружилась инструментом математической мысли («исчисление бесконечно малых»), физический универсум открылся человеческому уму, из общих законов разума выводятся частные законы природы; но в этой математической теории мира недостает внимания человеческому духу, только посредством «теории нравственного мира» мы сможем скорректировать «философию человека», освободив ее от прежних ошибок и предрассудков [4, с. 442–443]. Однако для развития подлинной антропологической философии оставалось сделать еще один важный шаг: разомкнуть «железное кольцо необходимости», сдерживающее познание человека; нужна «идея человека». Таково требование времени.

Указанное неокантианцем в год окончания Второй мировой войны в связи с анализом оскверненной гуманистической культуры было ретроспективным видением существа проблемы, стоявшей некогда перед философией 1840-х гг., когда гегельянцы отстаивали свои принципы, отбиваясь от оппонентов – кантианцев и догматиков, идеалистов и теологов (учеников Ф. Шлейермахера), а также испытывая давление со стороны позитивистов, культуру принципиально игнорировавших. Пропагандируемая ими «практическая» наука, утверждал О. Конт, не нуждается ни в проблематике метафизики, ни в осмыслении вообще. «Положительное» значение «старой» метафизики признавали К. Маркс и Ф. Энгельс [5, с. 141]. Новой немецкой метафизике удалось, отмечал В. Дильтей, «заново преобразовать» ее особый философский метод, наполнить его новым «содержательным принципом» [6, с. 35]. «Поло-

жительная эстетика» 1890-х гг. основывалась на «гегельянском» допущении, что красота «действительной жизни» выше художественных созданий фантазии. В материалистической эстетике Гегеля искусство является самопознанием абсолютного духа в форме созерцания. «Конец искусства» не означает его исчезновения, просто социальное значение его уменьшается, человечество находит другие формы познания мира и выражения своих стремлений и идеалов; «выход» искусства за его пределы есть лишь изменение его предмета и «исторического материала» [7, с. 6]. Вопрос о праве художника на субъективное отображение «разумной» действительности не обсуждался.

Итак, новый философский дискурс, обозначившийся выступлениями младогегельянцев (полемическими выпадами против «догматиков» и клерикалов), выстраивался вокруг «отрицания» как основополагающего и единственно продуктивного принципа всякого философствования. Вот типичная инвектива: «Долой это неистовство примиренчества, долой этот слонявый и лживый мир! Только одно истинно, когда оно противостоит другому» [8, с. 33]. Более всего Б. Бауэра раздражала «половинчатость» действий и «примиренческой» язык горе-единомышленников, оказавшихся попросту попутчиками и даже притворщиками из стана врагов. Однако нетерпеливые и невнимательные ученики не сумели воспользоваться этим «бесценным даром» (гегелевским отрицанием), умением прозорливым взглядом проникать в сущность исследуемых предметов и явлений, «очищать» немецкую действительность от всего наносного диалектическим «отрицанием отрицания»; отрицание как методологический принцип утратило гегелевскую цельность и революционную значимость.

Камнем преткновения для всех участников «школы» было отношение к христианской религии: в связи с традиционным для немецкой философской мысли вниманием к философии религии как весьма важному разделу общей философии в протестантской Германии относились к вопросам веры, свободы вероисповедания честно и трепетно; французские революционные веяния, которыми подпитывался радикализм немецкого студенчества, были еще и антиклерикальными по причине сложных взаимоотношений французских интеллектуалов и католицизма в наполовину бонапартистской, наполовину республиканской Франции, все еще сильны были роялистские симпатии к Церкви как оплоту монархии; не будем забывать об общественном значении теологических факультетов в старейших немецких университетах (в Гейдельберге и Йене, Вюрцбурге и Майнце, Кёльне, Бонне и Тюбингене и др.).

Выступавший в знаменитом памфлете от лица «верующих кругов» Б. Бауэр отталкивался

от гегелевского тезиса о «совпадении» религии и философии, понимая его по-своему и весьма своеобразно. Для самого Гегеля религия была «самосознанием абсолютного духа», а общим предметом философии и религии действительно является «вечная истина в самой ее объективности» [9, с. 219]. Этим общим предметом не может не оказаться «только Бог и обнаружение Бога», что Бауэр не приемлет; с гегелевским определением религии он также не согласен, в его понимании она гораздо меньше масштабом: «Религия имеет всеобщую сущность, которая, однако, себя не доводит до определенности» [8, с. 110].

Если для Гегеля протестантская Церковь по существу и есть «то, что называется религией», то отношения ее с прусским государством требуют рассмотрения в связи с философией права и философией истории; «философские ученики» вознамерились «революционизировать» само государство (для Гегеля оно – «венец творения»). Однако левые взгляды не мешают Бауэру признать за государством право жесткого регулирования «форм религии» и «законов» общины (совсем как большевики в России). Философские расхождения с учителем обосновываются тем, что гегелевской «системе» (как методологической установке и задаче структуризации знания) противопоставляется несколько преувеличенный в своей значимости «критический анализ» (из методологического принципа превращающийся в центральный пункт учения младогегельянцев). Наконец, если для Гегеля «единое, всеобщее» («абсолютно истинное») – безусловно «всеобъемлющее единство», то для Бауэра «всеобщее есть дело, потенцирование и суть самого самосознания» [8, с. 118].

Почему «вопросы эти стали интересовать массу», зачем их стали популяризировать «более решительные авторы», Д. Штраус разъяснял в предисловии ко второму изданию своей нашумевшей книги («Жизнь Иисуса», первое издание 1840 г., внесло раскол в ряды гегельянцев): «политическое пробуждение германского народа» расчистило пространство для общественных дискуссий. «Теперь все объекты подобного исследования и обсуждения, в сущности, столь просты, что всякий, у кого есть голова на плечах и мужественное сердце в груди, смело может заявить: то, чего я не могу уразуметь даже по зрелом размышлении, совсем не важно» [10, с. 23]. Настоящее заявление о «намерении действий». Внимательный русский читатель не может не вспомнить в связи с этим специфический язык «новых людей» романа Н. Чернышевского.

Еще один аспект полемики младогегельянцев с оппонентами, затрагивающей идеи самого Гегеля, представлен в сочинениях А. Руге: отношение к истории как принципу осмысления мировых со-

бытий и человеческого бытия (см. ценное издание новых материалов, посвященных этому философу и эстетике, историку и журналисту [11]). Левый радикал, противник либерализма, борец за свободу печати и «представительное» правительство, он считал, что к политике применим тот же принцип критики, который Штраус и Фейербах успешно применили к теологии; философия наступающей эпохи «все помещает в историю». Этот историзм доведен до завершенности методологического принципа у Маркса; в отечественной литературе идеи Руге обозначаются «философией времени как бытия» [8, с. 298]. В зарубежной литературе отмечаются особая роль Руге в формировании «политической повестки дня» младогегельянства, а также поддержка политики О. фон Бисмарка и идеи «абсолютного государства», уже выходящей за рамки обсуждаемой проблемы [12, с. 228, 256].

Наконец, обратимся к главному лицу во всей этой истории борьбы «старых» и молодых участников гегелевской «школы» за революционное во всех смыслах и, разумеется, не свободное от ошибок и заблуждений наследие своего именитого учителя – Л. Фейербаха, осмеливавшегося его критиковать, да еще по такому принципиальному вопросу, как категориальная роль «субъективности» (как методологического принципа) в старой философии и в философии новой, берущей начало в гегелевской диалектике. Заметим, что в кругах русской молодежи, придерживавшейся «философического» направления умов, усвоение и преобразование «чужого» в «свое» было связано как раз с этой критикой [13].

Стержнем гегелевского метода, отмечал Фейербах, служит исключительно время, причем «пространство с его терпимостью не допускается вовсе»; Гегель оперирует преимущественно понятиями «подчинение» и «преемственность», при этом игнорируя координацию интенций, не комментируя факта их сосуществования; очевидны противоречия масштабной гегелевской «системы» (общее, одинаковое, тождественное отходит на задний план) [3, с. 54]. Недостаток философии Гегеля в том, что формой созерцания служит время, а не пространство вместе с ним (подразумевается аморфная в изложении Фейербаха «субъективность» – то ли принцип познания, то ли содержание знания).

Действительно, желая добиться предельной точности (научности) и «позитивности», Фейербах и сам становится субъективен, когда заявляет: «Мышление есть непосредственная деятельность, поскольку оно – самодеятельность»; все, что связывает соответствующие мысли Фейербаха со словами, все, к чему сводится всякое «первоначальное», априорное, это – человеческий ум; понятийная основа какой-либо философии «не

есть реальное творчество, а только формальное, есть только развитие заключенного во мне духовного материала, еще неопределенного, но способного ко всяческой определенности» [3, с. 63]. Дальше – больше: ничто не гарантирует получение достоверных знаний о предмете или же феномене действительности. В изложении Фейербаха метафизика Гегеля выглядит как «подлинная эзотерическая логика»; наше обычное мышление есть лишь «перевод» на понятный язык этих конструкторов. Какой уж тут позитивизм, субъективность налицо! Наконец, всякая «система» есть лишь «образ разума» (объект для разума), заявляет Фейербах, поэтому она «ограничивает и извращает дух, ставя на место непосредственного, первичного материального мышления мышление опосредствованное, формальное; такая система не позволяет отличать дух от буквы, ведь неизбежно вместе с мыслью удерживается и слово» [3, с. 68]. Однако, упрекая Гегеля в формализме и пренебрежении субъективностью, Фейербах не раскрывает содержание субъективности, так и оставшееся фигурой умолчания.

Дальнейшее развитие этого странного философского «уклонения» зависело и от внутреннего фактора (раскол и распад «школы»), и от факторов внешних (натиск позитивистов и успехи естествознания; появление марксизма, обретавшего в борьбе с «правыми» и «левыми» уклонами собственную философию; становление социологии и психологии как фундаментальных наук о человеке и обществе). Содержание мышления удалось описать Б. Бауэру, а не Л. Фейербаху, на голову его превосходившего: этот продукт существует, есть «нечто сущее», однако свое бытие оно имеет только в сознании. И снова очередная субъективность (с которой они так яростно сражались): есть лишь «Я», самого предмета нет, он есть только в качестве «осознанного»; в этом знании «двойное бытие» не положено еще как таковое, определенность предмета есть лишь моя характеристика; формой проявления всеобщего оказывается чувство. Единичное эмпирическое «Я» обнаруживает некое различие в себе: с одной стороны, «Я» есть «всеобщее» (субъект), предмет же скорее является «определенным»; с другой стороны, «Я» в своей всеобщности делается текучим, так как полагается мною; различие чувства прежде всего есть различие внутреннее в самом «Я» [8, с. 119].

Итак, мы выявили принципиальное – методологическое – различие позиций учителя и критически настроенных по отношению к его «критической» философии учеников. Б. Бауэр видел выход в признании религиозного отношения отношению тождества с эмпирическим «Я»; всеобщее и эмпирическая субъективность сочетаются друг с другом внутри меня: «Я» – непосредственное их

объединение и развязка борьбы обоих. Фейербах видел выход в более строгой реализации гегелевской «идеи абсолюта»: сам объект наших субъективных представлений «опознается либо как дух, либо как природа». «Мышление не может выйти за пределы существующего, потому что разум есть только утверждение бытия» [3, с. 89]. Мышлением индивид удостоверяет себя в качестве основания реальности. Ссылка на Августина окончательно возвращает нас и к «старой» метафизике (как и догматизму в качестве довеска к ней), и к шеллингианскому идеализму; не философия, а какая-то эклектика. Влияние «наследия идеализма» отмечается в современных зарубежных работах [14]; эти колебания рассматриваются в контексте критики гегелевской философии и поисков более эффективной методологии [15]. «Шаг вперед, два шага назад», как говорил классик марксизма. Таким образом, концептуально менялось многое: модернизация фейербахианства на место обличаемой «субъективности» поставила весьма условную, не менее субъективную конструкцию.

Список литературы

1. Буржуазная философская антропология XX века / отв. ред. Б. Т. Григорьян. М. : Наука, 1986. 296 с.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
3. Фейербах Л. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. М. : Наука, 1995. Т. 1. 502 с.
4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики, 1998. 784 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2. 652 с.
6. Дильтей В. Сущность философии. М. : Интрада, 2001. 160 с.
7. Эстетика Гегеля и современность : сб. ст. / отв. ред. М. Лифшиц. М. : Изобразительное искусство, 1984. 272 с.
8. Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем. М. : Красанд, 2010. 144 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. 532 с.
10. Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. М. : Республика, 1992. 528 с.
11. Lambrecht L., Tietz K.-E. Arnold Ruge (1802–1880): Beiträge zum 200. Geburtstag. Frankfurt am Main ; New York : Peter Lang Publ., 2002. 148 p.
12. Breckman W. Marx, the young Hegelians, and the origins of radical social theory dethroning the self. London ; New York : Cambridge University Press, 1998. 348 p.
13. Песков А. М. Германский комплекс славянофилов // Россия и Германия : опыт философского диалога. М. : Медиум, 1993. С. 53–94.
14. Ameriks K. The legacy of idealism in the philosophy of Feuerbach, Marx, and Kierkegaard // The Cambridge companion to German idealism. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 258–281.
15. Brüggem Fr. Hegelianismus und Hegelkritik. Theoriegewinne und Theoriedefizite im Vormärz // Internationale Feuerbachforschung, 2018. Bd. 7. S. 139–153.

References

1. Grigorjan B. (ed.) *Burzhuznaya filosofskaya antropologiya XX veka* [Bourgeois Philosophical Anthropology of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 296 p. (in Russian).
2. Van Dijk T. A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).
3. Feuerbach L. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Nauka Publ., 1995, vol. 1. 502 p. (in Russian).
4. Cassier E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. An Essay on Man]. Moscow, Gardarika Publ., 1998. 784 p. (in Russian).
5. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Writings]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955, vol. 2. 652 p. (in Russian).
6. Dilthey W. *Sushchnost' filosofii* [The Essence of Philosophy]. Moscow, Intrada Publ., 2001. 160 p. (in Russian).
7. Lifshitz M. (ed.) *Estetika Gegelya i sovremennost* [Hegel's Aesthetics and Modernity]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1984. 272 p. (in Russian).
8. Bauer B. *Trubnyi glas strashnogo suda nad Gegelem* [Trumpet of the Last Judgment against Hegel]. Moscow, Krasand Publ., 2010. 144 p. (in Russian).
9. Hegel G. W. F. *Filosofia religii: v 2 t.* [Philosophy of Religion: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1. 532 p. (in Russian).
10. Strauss D. F. *Zhizn' Iisusa* [The Life of Jesus]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 528 p. (in Russian).
11. Lambrecht L., Tietz K.-E. *Arnold Ruge (1802–1880): Beiträge zum 200. Geburtstag*. Frankfurt am Main, New York, Peter Lang Publ., 2002. 148 p.
12. Breckman W. *Marx, the young Hegelians, and the origins of radical social theory dethroning the self*. London, New York, Cambridge University Press, 1998. 348 p.
13. Peskov A. M. *Germaniskii kompleks slavianofilov* [German complex of Slavophiles]. In: *Rossiya i Germaniya: opyt filosofskogo dialoga* [Russia and Germany: The experience of Philosophical Dialogue]. Moscow, Medium Publ., 1993, pp. 53–94 (in Russian).
14. Ameriks K. The legacy of idealism in the philosophy of Feuerbach, Marx, and Kierkegaard. In: *The Cambridge Companion to German Idealism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 258–281.
15. Brüggem F. Hegelianismus und Hegelkritik. Theoriegewinne und Theoriedefizite im Vormärz. In: *Internationale Feuerbachforschung*, 2018, Bd. 7, S. 139–153.

Поступила в редакцию 22.06.2020, после рецензирования 29.06.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 22.06.2020, revised 29.06.2020, accepted 11.12.2020

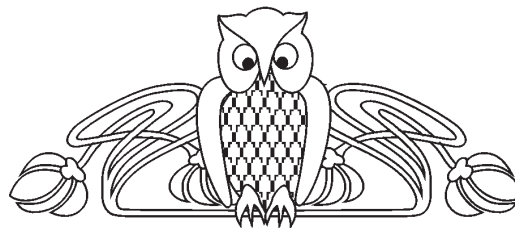
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 34–38
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 34–38

Научная статья

УДК 1(091)09.00.03 История философии

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

И. Кант и Б. В. Раушенбах о познании и нравственности: границы соприкосновения

В. И. Нестеров

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Нестеров Виталий Игоревич, аспирант кафедры философии и культурологии, nesterov.email@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7486-590X>

Аннотация. В XXI в. человечество продолжает активно преобразовывать мир, технический прогресс выдвигает на первое место в качестве мировоззренческой установки рационализм. Конечно, баланс между рационализмом и иррационализмом в одном временном и культурном пространстве труднодостижим, каждый из этих типов периодически преобладает и поэтому оказывает специфическое воздействие на культуру. Периоды смены познавательных и ценностных ориентиров могут сопровождаться кризисными явлениями морально-этического характера. В статье предпринята попытка сопоставления и анализа мировоззренческих позиций двух мыслителей: немецкого философа И. Канта и российского ученого Б. В. Раушенбаха. Сходство и различие рассматриваются в нескольких аспектах: соотношение рационального и иррационального в познании, источник формирования нравственности, роль религии в становлении мировоззрения. Новизна работы состоит в обнаружении близких теоретических положений Канта и Раушенбаха по вопросу взаимосвязи познания и нравственности. На основе рассмотрения философских текстов автор приходит к выводу, согласно которому в условиях научно-технического прогресса и глобализации сбалансированный подход в развитии разных типов мышления позволит человеку лучше адаптироваться к происходящим в обществе переменам и осмысливать их.

Ключевые слова: человек, общество, познание, нравственность, религия, категорический императив, разум, чувства, рациональное, иррациональное

Для цитирования: Нестеров В. И. И. Кант и Б. В. Раушенбах о познании и нравственности: границы соприкосновения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 34–38. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

I. Kant and B. V. Rauschenbach on cognition and morality: The contact points

Vitaliy I. Nesterov, nesterov.email@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7486-590X>

Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia

Abstract. In the XXI century, the humanity continues to actively transform the world, technological progress puts rationalism in the first place as a worldview. Of course, the balance between rationalism and irrationalism in one time dimension and cultural space is difficult to achieve, each of these types periodically prevails and therefore has a specific impact on culture. At the same time, periods of changing cognitive and value orientations may be accompanied by crisis phenomena of a moral and ethical nature. The article attempts to compare and analyze the worldview positions of two thinkers: the German philosopher I. Kant and the Russian scientist B. V. Rauschenbach. The similarity and difference are considered in several aspects: the ratio of rational and irrational in cognition, the source of the formation of morality, and the role of religion in the formation of the worldview. The novelty of the work consists in the discovery of close theoretical positions between Kant and Rauschenbach on the relationship between cognition and morality. Basing on the review of philosophical texts, the author of the article comes to the conclusion that in the conditions of scientific and technological progress and globalization, a balanced approach to the development of different types of thinking will allow a person to better adapt to changes in society and reflect upon them.

Keywords: man, society, cognition, morality, religion, categorical imperative, reason, feelings, rational, irrational

For citation: Nesterov V. I. I. Kant and B. V. Rauschenbach on cognition and morality: The contact points. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 34–38 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-34-38>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Современность ставит перед человеком задачу своевременной адаптации к быстро происходящим изменениям в разных сферах общества в условиях глобализации. В связи с этим представляется актуальным обращение к опыту, накопленному историко-философской мыслью, с целью определения тех принципов, использование которых в процессе образования и воспитания позволит формировать гармоничную личность, хорошо ориентирующуюся в современном мире. В частности мы проведем сравнительный анализ мировоззренческих позиций по вопросам познания и нравственности двух выдающихся мыслителей, каждый из которых в свое время занимался данной проблематикой: Иммануила Канта, великого немецкого философа XVIII–XIX вв., и Бориса Викторовича Раушенбаха, крупного российского ученого XX–XXI вв., работающего в области ракетной техники и вместе с этим занимающегося вопросами, связанными с религией и искусством. Его наработки по некоторым философским вопросам имеют теоретическую ценность, поэтому необходимы их анализ и актуализация.

Как известно, в определенной степени на образ мыслей и установки человека воздействует историческая эпоха, в которую он живет, поэтому целесообразно рассматривать культурный контекст времени для получения представления об идейных источниках и предпосылках становления мировоззрения. В XVII в. велся научный спор между предшественниками Канта, Ньютоном и Лейбницем по проблеме пространства. Кант воспринимал этот идейный раскол и пытался решить сложившееся противоречие в способе мышления разных научных школ. Его философский вывод по этому поводу воплотился в тексте об антиномиях разума. Кроме того, в Новое время в центр этического сознания человека был поставлен рационализм. Эта определяющая черта эпохи и отразилась в трудах мыслителя: на первое место среди человеческих умений выводилась способность критически мыслить. «Наш век, – отмечал Кант, – есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. Религия на основе своей святости и законодательство на основе ее величия хотя и поставят себя вне этой критики» [1, с. 11]. Далее он поясняет, что такая подача авторитетности вызывает подозрение; с его точки зрения, дух времени предполагает оценку всех культурных и природных явлений с позиций рационализма.

В советский период действующая идеология предполагала примат материалистического подхода к объяснению мира, поэтому религиозное мировоззрение оказалось противопоставлено

научному атеизму, религия подвергалась жесткой критике со стороны государства. В 90-е гг. XX в. Раушенбах писал о возрождении интереса к изучению религии в России [2, с. 204]. По его мнению, стойкость религии коренится в особом иррациональном происхождении, поэтому догматы трудно опровергнуть логикой. На замену религиозного мировоззрения в СССР претендовала мораль, которая базировалась на марксистско-ленинской философии, поэтому ее достижения «были обусловлены потребностями идеологической работы, разработкой морального кодекса строителей коммунизма» [3, с. 56]. При этом этика марксизма не была однородной. Каждый ее теоретик – К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и другие – привносил особенности в понимание учения. Этика как обосновывала идеалы коммунистического образа жизни, так и определяла принципы научного объяснения мира.

В Новое время создаются условия для преобладания рационализма в культурном пространстве, этика становится направленной на воспитание у человека таких качеств, которые базируются прежде всего на знании о добре и зле. Такая установка позволяет научить различать крайности человеческой жизни и осмысленно избирать путь, ведущий к благу. Кантовский категорический императив как раз и содержит требование к соблюдению нравственных норм, которые заключает в себе разум, с целью высокоморального поведения по отношению к другому человеку. Произведенный Кантом переворот в области философии, его размышления о трансцендентном и нравственном привлекали внимание русской интеллигенции, которая занималась осмыслением его открытий, начиная с XIX в.

Сторонником кантовского теоретического наследия можно назвать Б. В. Раушенбаха. Религиозно-этические воззрения этих философов имеют точки соприкосновения, что подтверждается следующей цитатой: «Великий философ просто отметил связь Бога с нравственностью, ничего не доказывая (именно поэтому многие богословы считают рассуждения Канта неубедительными). С моей точки зрения, Кант и здесь проявил свою гениальность, утверждая, что основы религиозности лежат не там, где наука и логика, а там, где лежит внелогическое знание, в частности нравственность. Можно лишь поражаться его предвидению» [2, с. 209]. Близость их взглядов можно обнаружить и в методологическом подходе: оба мыслителя склонны использовать логику для познания мира, но при этом оставляют в сознании пространство для иррациональной, чувственной составляющей.

В автобиографическом очерке Раушенбах писал о научном интересе как к технике, так и к искусствоведческим работам; здесь же он отмечает, что у него «образное восприятие мира подавлено логическим восприятием» [4, с. 16].

В философской системе немецкого мыслителя в приоритет поставлен познавательный потенциал самого разума как инструмента, наделенного априорными формами, принципами, которые не зависят от внешнего бытия. В предисловии к «Критике чистого разума» Кант дает характеристику возможностей, присущих разуму: «Чистый разум и на самом деле есть такое совершенное единство, что если бы принцип его был недостаточен для решения хотя бы одного из вопросов, поставленных перед ним его собственной природой, то его пришлось бы отбросить целиком, так как он оказался бы непригодным для верного решения и всех остальных вопросов» [1, с. 12]. Ограничение в познании бытия заключается лишь в том, что органы чувств воспринимают только явления мира, а не предметы сами по себе. Философ описывает устройство мыслительного процесса, состоящего из следующих уровней: «Все наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления» [1, с. 274]. Таким образом, сначала органы чувств доставляют к рассудку информацию о феноменах реального мира, после чего рассудок ее систематизирует и придает этому содержанию форму. Возможности этих двух этапов в познании ограничены поступающими извне чувственными данными о явлениях бытия. Разум же в этой схеме находится в состоянии стремления к поиску ноуменального, но здесь его сдерживают возникающие антиномии – противоречия, которые одновременно логически доказуемы в рамках одной парадигмы.

П. А. Флоренский, русский религиозный философ, занимался изучением наследия И. Канта и высказывался насчет гносеологического компонента его философской системы. Из его выводов следует, что познание явлений окружающего мира ограничено мерой созерцания органов чувств. Особое свойство разума заключается в том, что после придания явлению формы на основе данного чувственного опыта он склонен к стремлению выйти на умозрительный уровень. Содержание, которое рассудок обнаруживает в конкретном проявлении опыта, конечно по своей сути. Учитывая эту особенность, можно утверждать, что разум наделяет опыт потенциальной бесконечностью, потому что по своей

сути не удовлетворяется конечным. Флоренский считает это главным источником новых знаний и заблуждений [5, с. 4–5].

Стоит отметить, что Б. В. Раушенбах жил и работал на два столетия позже И. Канта, поэтому ему были доступны достижения частных наук, совершенные за это время. Знания об этих открытиях сказались на его системе представлений о противоположностях, существующих в сознании. В частности, русский ученый ссылается на результаты исследования функциональной асимметрии головного мозга: «Левое полушарие обеспечивает главным образом рациональное мышление, а правое – образное восприятие мира» [2, с. 205]. Этот факт на материальном уровне несколько проясняет то, как сознание человека может вмещать антиномии: религиозность и логичность. Раушенбах называет способ познания, основывающийся на образах, внелогическим знанием, которое, в отличие от логического, не опирается на причинно-следственную связь между явлениями, а возникает одновременно, без промежуточных этапов, свойственных логическому рассуждению. К внелогическому знанию он относит религию, искусство и нравственность. Есть также факты из биографии Б. В. Раушенбаха, подтверждающие, что знания из разных сфер не мешают, а взаимодополняют друг друга. Например, еще в период обучения в институте он интересовался методом построения перспективы в изобразительном искусстве. Позже, будучи ученым-конструктором, некоторые знания из этой области он использовал для выполнения технической задачи [6, с. 75]. Понимание того, как художники изображают реальность на плоской поверхности, потребовалось для обеспечения космического корабля надежной системой стыковки с другим объектом под управлением человека в ручном режиме. Таким образом, логическое научное мышление соединилось с внелогическим – искусством.

Иммануил Кант в своей концепции, основанной на верховенстве разума, рассматривал глубоко и в разных аспектах проблемы философии религии, которые по значимости не уступали всем остальным. Современные исследователи наследия немецкого философа В. Н. Белов и Э. Р. Фахрудинова отмечают: «Говорить об антиметафизическом настрое Канта и развенчании им тем бытия Бога, бессмертия души и высшего блага было бы слишком поверхностно и уже оттого неверно» [7, с. 32]. Базовое положение мыслителя заключается в том, что моральный закон как руководство к действию априорно присутствует в разуме человека, поэтому в иерархии основных категорий мораль, существующая автономно,

приводит к идее Бога, а не наоборот: «Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» [8, с. 5]. Категорический императив не зависит от внешних культурных преобразований в обществе, ему присущ устойчивый и неизменный характер. Кроме высшего принципа нравственности в сознании каждого человека существует иерархия субъективных максим, категорический императив необходим для проверки их на всеобщность. По мнению Канта, самосовершенствованию личности может способствовать и религия. При этом он подходит к рассмотрению религиозной догматики с позиции рациональности: мыслитель отделяет мистику от того, что дано человеку в опыте с помощью органов чувств. То, что не доступно нам через явление, но выходит за пределы разума, может существовать только в форме идеи и рассматриваться в виде гипотезы.

В XX–XXI вв. проблема нравственности конкретного человека и всего общества также остается значимой. Б. В. Раушенбах пытается сформулировать причину низкой духовной культуры общества своего времени: «С моей точки зрения, это следствие опьяняющих результатов научно-технического прогресса, порожденной им наивной веры во всемогущество науки». Кроме того, характеризуя в целом состояние интеллектуальной сферы, он отмечает, что «в современном обществе объем и значение рационального, логического знания непрерывно растут». В ситуации, когда доминирует логическая составляющая сознания, а внелогическая сторона остается без должного внимания, он видит основу противоречия. По мнению русского мыслителя, решение этого конфликта заключается в гармоничном развитии каждого способа восприятия, потому как рациональность и нравственность находятся в разных отделах сознания. Также Раушенбах предполагает, что церковь, обладающая в воспитании нравственности значительным опытом, может положительно влиять на общество [2, с. 205–212].

Итак, в результате сопоставления мировоззренческих систем И. Канта и Б. В. Раушенбаха по некоторым аспектам гносеологии и этики были выявлены сходства и различия. Главное, что объединяет мыслителей, – это стремление обозначить прочную связь между познанием и нравственностью. Кант выстраивает иерархичную систему, на вершине которой находится разум,

а чувственная составляющая сознания является звеном, предоставляющим эмпирический материал для анализа. Раушенбах, по собственному замечанию, также склонен к рационализму, но при этом он допускает сосуществование двух равноценных типов мышления – логического и внелогического, и считает, что преобладание того или иного варианта зависит от природных особенностей. Кроме того, немецкий философ вкладывает в понятие «разум» особое теоретическое и практическое содержание: разум включает в себя и априорные принципы, позволяющие выходить за пределы опыта, и категорический императив. При этом возможность познания связана с допущением идеи о высшей причине, благодаря которой мир выстроен целесообразно и упорядоченно. Русский ученый разделяет мышление на две стороны: аналитическую и чувственную, вторая из которых и содержит нравственные представления.

Подводя итог, следует отметить: вопрос соотношения в познании рационализма и иррационализма актуален на протяжении веков. В каждый исторический период отстаивается особая точка зрения о мере и значении каждого из этих элементов в системе философских ориентиров. Для построения методологической базы современной эффективной образовательно-воспитательной системы имеет смысл опираться на опыт ученых и философов, поэтому представляется важным обратить внимание на вопрос сбалансированности в сознании человека сосуществования разных подходов к объяснению мира: гуманистического, включающего искусство, религию и нравственность, и технологического, базирующегося на логике и доказательности. Это позволит формировать более взвешенное понимание природы вещей и происходящих в обществе изменений.

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
2. *Раушенбах Б. В.* Религия и нравственность // *Знамя.* 1991. № 1. С. 204–216.
3. *Бондаренко Л. И., Перов В. Ю.* Теоретическая этика в СССР (1960–1980-е гг.) // *Дискурсы этики.* Альманах / под ред. В. Ю. Перова. СПб., 2012. Вып. 1. С. 54–82.
4. *Раушенбах Б. В.* Автобиографические фрагменты // *Раушенбах Б. В.* Пристрастие : сборник. М. : Аграф, 2000. С. 7–25.
5. *Флоренский П. А.* Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
6. *Раушенбах Б. В.* Гармония и алгебра // *Раушенбах Б. В.* Пристрастие : сборник. М. : Аграф, 2000. С. 75–91.

7. Белов В. Н., Фахрудинова Э. Р. И. Кант о религии, вере, Боге и церкви // Кантовский сборник. Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2017. Т. 36, № 1. С. 30–40.
8. Кант И. Религия в пределах только разума // Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.
4. Raushenbakh B. V. Autobiographical fragments. In: Raushenbakh B. V. *Pristrastie: sbornik* [Addiction: Collection]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 7–25 (in Russian).
5. Florenskiy P. A. *Sochineniya: v 4 t.* [Essays: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2. 877 p. (in Russian).

References

1. Kant I. Critique of Pure Reason. In: Kant I. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Kant I. Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 3. 741 p. (in Russian).
2. Raushenbakh B. V. Religion and morality. *Znamya* [The Banner], 1991, no. 1, pp. 204–216 (in Russian).
3. Bondarenko L. I., Perov V. Yu. Theoretical ethics in the USSR (1960–1980s). *Diskursy etiki. Almanakh*. Pod red. V. Yu. Perova [V. Yu. Perov, ed. Discourses of Ethics. Almanac]. St. Petersburg, 2012, iss. 1, pp. 54–82 (in Russian).
6. Raushenbakh B. V. Harmony and algebra. In: Raushenbakh B. V. *Pristrastie: sbornik* [Addiction: Collection]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 75–91 (in Russian).
7. Belov V. N., Fakhrudinova E. R. I. Kant on religion, faith, God and the Church. *Kantovskiy sbornik* [Kant's Collection]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2017, vol. 36, no. 1, pp. 30–40 (in Russian).
8. Kant I. Religion within the limits of reason alone. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 6, pp. 5–222 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.07.2020, после рецензирования 08.07.2020, принята к публикации 11.12.2020

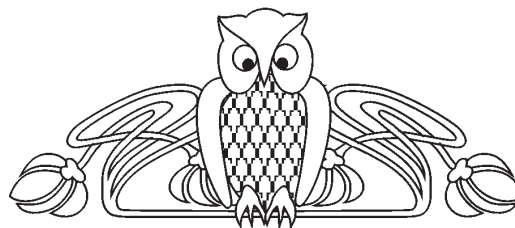
Received 07.07.2020, revised 08.07.2020, accepted 11.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 39–42
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 39–42

Научная статья
УДК 101.2
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-39-42>

Метафилософский пессимизм К. Макгинна

А. С. Павлов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Павлов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры истории зарубежной философии, pavlov.alexey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4118-1827>

Аннотация. Статья посвящена метафилософскому пессимизму К. Макгинна, который известен как главный проponent «нового мистерианства» в современной аналитической философии сознания. Согласно мистерианству проблема сознание-тело принципиально неразрешима для человека из-за имеющихся у него естественных когнитивных ограничений. Компонентом этой концепции является совокупность взглядов Макгинна на природу философского знания. К мистерианской метафилософии, как правило, исследователи не проявляют интереса, однако она заслуживает внимания. Макгинн утверждает, что философия фактически представляет собой совокупность неразрешимых проблем. В качестве критерия демаркации философии и науки он называет потенциальную разрешимость проблемы для человеческого ума. Тем не менее эта метафилософская позиция сталкивается с серьезными трудностями. Во-первых, если возражения Ю. Кригела и Д. Деннета верны, и мистерианский тезис когнитивной замкнутости недостаточно обоснован, прекращение исследований по ряду философских проблем также может быть необоснованным решением. Во-вторых, возникает угроза перформативного противоречия. Однако мы могли бы попытаться объяснить это противоречие особенностями стиля самой аналитической философии, для которой характерны диалогичность и свободное обращение с идеями, рассматриваемыми как возможные опции.

Ключевые слова: Колин Макгинн, метафилософия, метафилософский пессимизм, мистерианство

Для цитирования: Павлов А. С. Метафилософский пессимизм К. Макгинна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 39–42. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-39-42>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-39-42>

Metaphilosophical pessimism of C. McGinn

Alexey S. Pavlov, pavlov.alexey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4118-1827>

Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Abstract. This article is dedicated to the metaphilosophical pessimism of C. McGinn. McGinn is known as a main proponent of “new mysterianism” in the contemporary analytic philosophy of mind. According to mysterianism, we can’t solve the mind-body problem because of the natural cognitive limitations on our side. McGinn’s view on the nature of philosophy is the component of this conception. In general, mysterian metaphilosophy didn’t get enough coverage in the research literature but it deserves a bigger interest. McGinn argues that philosophy is actually a combination of unsolvable problems. He identifies the scientific/philosophical demarcation criterion as the potential solvability for the human mind. However, this metaphilosophical position faces serious difficulties. At first, if the objections of U. Kriegel and D. Dennett are right and the mysterian cognitive closure thesis is not sufficiently proved, then the termination of research on a number of philosophical issues may also be an unreasoned decision. Secondly, there is a threat of performative contradiction. But we could try to explain this contradiction by considering the style of analytic philosophy itself which is characterized by dialogical form and free dealing with the ideas considered as possible options. In the article, the standard methods of historico-philosophical investigation are used including the comparative analysis and the principle of objective analysis of a text in the work with sources.

Keywords: Colin McGinn, metaphilosophical pessimism, metaphilosophy, mysterianism

For citation: Pavlov A. S. Metaphilosophical pessimism of C. McGinn. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 39–42 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-39-42>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Колин Макгинн (1950) – современный американский аналитический философ. В его библиографии можно найти работы по метафизике, методологии, философии науки и философии кино. Однако преимущественно он известен своей мистерианской позицией по проблеме сознание-тело. Согласно мистерианству проблема сознание-тело принципиально неразрешима для человеческого ума вследствие его естественных когнитивных ограничений [1]. Макгинн обосновывает этот тезис, также известный как *тезис когнитивной замкнутости*, в натуралистическом ключе, рассматривая сознание как естественный феномен и продукт эволюции [2]. Для нас, полагает он, очевиден факт когнитивной ограниченности других видов: собаки и кошки явно не ведут себя так, как если бы они были способны решать проблемы тригонометрии и квантовой механики. Но это означает, уверен Макгинн, что определенный класс неразрешимых проблем должен быть и для человека. Базовые способности человеческого сознания детерминированы на эволюционном уровне. Из-за этого наше познание не может быть безграничным. К числу таких неразрешимых проблем Макгинн относит, прежде всего, проблему связи ментального и физического. Как отмечает Н. М. Гарнцева, поначалу мистерианство воспринималось как маргинальная теория, однако со временем она удостоилась признания и на сегодняшний день является одной из стандартных опций в аналитической философии сознания [3, с. 131].

Определенную часть мистерианства составляют взгляды Макгинна по вопросу о специфике философского знания. Любопытно, что эта мистерианская метафилософия практически не затрагивается в зарубежной исследовательской литературе. Говоря об отечественных исследованиях, следует упомянуть статью Н. А. Воронова «Что такое мистерианство?» [4, с. 30–31], в которой метафилософские взгляды Макгинна кратко формулируются, но не становятся объектом детального анализа. Таким образом, целью настоящей статьи является восполнение недостатка в освещении метафилософии Колина Макгинна. Сам Макгинн, несомненно, не использует этот термин, однако для удобства эта концепция с учетом ее содержания будет обозначаться как *«метафилософский пессимизм»*.

Впервые позиция метафилософского пессимизма формулируется Макгинном в монографии «Problems in Philosophy» [5], посвященной методологическим основаниям мистерианства. Однако в наиболее развернутом виде она представлена в трактате «The Mysterious Flame» [6], обобщающем результаты его философских

изысканий к концу 90-х гг. Также Макгинн привносит новые штрихи в эту концепцию в своей монографии по философии физики «Basic Structures of Reality» [7].

Долгое время, считает Макгинн, философия служила для нас основным источником знания о мире [6, р. 205–213]. Место естествознания занимала умозрительная натурфилософия. Однако вскоре научные дисциплины отпочковываются от философии, и ситуация резко меняется. Естественные науки достигают значительных успехов, инициируют научно-технологическую революцию, изменившую облик Земли. Одновременно с этим философия как будто замыкается на круге странных проблем, не вошедших в объектно-предметные области научных дисциплин. Наука постепенно продвигается вперед, объявляет одни задачи выполненными и ставит перед собой новые цели. Философия же, как кажется, топчется на месте, имеет дело с одними и теми же вопросами и никогда не достигает их конечного решения, начиная обсуждать их заново. Однако Макгинн убежден, что для выводов о некомпетентности философов, многие из которых были выдающимися учеными, нет оснований: все дело в эпистемологическом статусе самих философских вопросов. По его мнению, критерием дифференциации философии и науки являлась познаваемость проблем для человеческого ума в перспективе стандартных методов познания. За теми вопросами, которые не могли иметь ясного научного объяснения, впоследствии закрепился статус философских: «то, что мы называем “философией”, есть научная проблема, которую мы систематически неспособны разрешить» [6, р. 212]. В этом контексте Макгинн приводит список принципиально неразрешимых проблем, в который он включает проблемы сознание-тело, свободы воли, тождества личности, каузальности ментального и др. [5]. Также, насколько об этом можно судить по монографии «Basic Structures of Reality», с некоторых пор он стал относить к этой категории проблемы философии физики [7].

Обсуждая проблему демаркации философии и науки, Макгинн придерживается подхода, очень схожего с методологическим натурализмом Уилларда Ван Ормана Куайна [8, р. 378–382], в соответствии с которым какие-либо существенные концептуальные различия между научными и собственно философскими типами знания стираются [2, с. 24]. Соответственно, новизна мистерианской метафилософии состоит в установлении в качестве критерия демаркации философии и науки познаваемости проблемы в когнитивной перспективе человека.

Это небесспорная позиция. Полагаем, что она сталкивается, по крайней мере, с двумя проблемами.

Первая проблема связана с обоснованностью выделения специфического класса принципиально неразрешимых проблем. Допустим, мы действительно признали, что некая проблема неподвластна человеческому пониманию. Все исследования вокруг нее прекращаются. Она объявляется неразрешимой, и в научном сообществе накладывается – явный или нет – запрет на ее обсуждение. Однако насколько оправданным было бы такое решение? Юрай Кригел [9] и Дэниел Деннет [10] считают, что мистерианство Макгинна страдает от серьезных аргументационных изъянов. Кригел обращает внимание на недостаточность приводимых Макгинном аргументов для обоснования сильного тезиса когнитивной замкнутости [3, р. 179–181]. Деннет полагает, что когнитивная замкнутость должна распространяться не только на решение проблемы, но и на ее формулировку [10]. Так дело обстоит в случае животных, но не в случае человека, демонстрирующего возможность понимания проблемы связи ментального и физического. Если возражения Кригела и Деннета верны, то в действительности мистерианство является не конструктивной позицией, а лишь набором гипотез. Но если так, то мотивированное мистерианством решение прекратить исследования по некой проблеме было бы, по крайней мере, опрометчивым [2, с. 30–31].

Другая проблема метафилософского пессимизма связана с угрозой *перформативного противоречия*. Если Макгинн утверждает, что философия – это совокупность принципиально неразрешимых проблем, почему он продолжает принимать активное участие в актуальных философских дискуссиях? Налицо явное несоответствие лозунгов и практики. Полагаем, что мы могли бы попытаться объяснить эту странность спецификой самой аналитической традиции. Одну из глав своей недавно вышедшей монографии Тимоти Уильямсон посвятил диалогической стороне современной философии [11, р. 30–31]. В ней он обращается к диалогам Платона. В лице Сократа мы видим подлинного мыслителя, неутомимо доискивающегося истины и не склонного питать своего рода «теоретическую привязанность» к собственным концепциям. При этом в используемой форме диалога удастся не только оттенить присутствие автора в произведении, но и дать развернуться собственной мысли читателя. Возможно, это несколько спорное утверждение, но, думается, что такой «сократический» стиль философствования характерен и для некоторых

аналитических философов. Деятельность современной аналитической философии, полагает Дэвид Ливингстон Смит [12], по большей части представляет собой *option business*, выдвижение смелых философских идей. Это наиболее заметно в случае Дэвида Чалмерса [13], склонного рассматривать свою позицию просто как совокупность наиболее убедительных, как ему кажется, стратегий. Однако под аналогичным углом можно было бы взглянуть и на метафилософский пессимизм Колина Макгинна, а именно как на смелую гипотезу, выдвижение которой не препятствует свободному и творческому поиску истины. Отношение к этой метафилософской концепции лишь как к возможной, но не бесспорной философской опции, демонстрирует, прежде всего, сам Макгинн.

Таким образом, метафилософские взгляды Колина Макгинна довольно пессимистичны в оценке возможности решения нами многих фундаментальных философских проблем. Однако, опираясь на вышеизложенные соображения, мы вправе не принимать эту позицию слишком буквально. Если вернуться к метафилософской проблематике, к которой обращается Макгинн, можно согласиться с мнением Уильяма Гербера [14], согласно которому динамика в философии осуществляется не столько в плане решения конкретных проблем, сколько в плане проработки концептуального аспекта нашего знания о мире. Понятия – то единственное, посредством чего мы способны описывать и объяснять наиболее тонкие аспекты реальности. Однако от того, насколько наши понятия репрезентируют реальные объекты и свойства, зависит каким в конечном счете будет наше представление об устройстве мира: относительно точным описанием мира, «картиной» в витгенштейновском смысле или концептуальной мозаикой, лишь смутно напоминающей реальность. Но если верно то, что динамика философского знания реализуется посредством разработки новых понятий, тезисов и теорий, огромным завоеванием следует считать последние идеи в аналитической философии сознания: скажем, ту же формулировку трудной проблемы сознания, предложенную Дэвидом Чалмерсом [13], поскольку она позволила выделить очень важный момент в дискуссиях по проблеме сознание-тело.

Список литературы

1. McGinn C. Can We Solve the Mind-Body Problem? // Mind : New Series. 1989. Vol. 98 (31). P. 349–366.
2. Павлов А. С. Трансцендентальный натурализм К. Макгинна как методологический подход в совре-

- менной аналитической философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2020. № 20. С. 22–32.
3. Гарнцева Н. М. Современные нередуктивные подходы к психофизической проблеме. Макгинн, Нагель, Чалмерс // Философия науки. 2012. № 11. С. 129–139.
 4. Воронов Н. А. Что такое мистерианство? // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2010. № 5. С. 18–33.
 5. McGinn C. *Problems in Philosophy. The Limits of Inquiry*. New York : Blackwell, 1993. 169 p.
 6. McGinn C. *The Mysterious Flame : Conscious Minds in the Material World*. New York : Basic Book, 1999. 262 p.
 7. McGinn C. *Basic Structures of Reality*. Oxford : Oxford University Press, 2012. 252 p.
 8. Quine W. V. O. *Ontological Relativity and Other Essays* // *British Journal for the Philosophy of Science*. 1969. Vol. 22 (4). P. 378–382.
 9. Kriegel U. *The New Mysterianism and the Thesis of Cognitive Closure* // *Acta Analytica*. 2003. Vol. 18 (30–31). P. 177–191.
 10. Dennett D. *Review of McGinn, The Problem of Consciousness*. URL: <https://ase.tufts.edu/cogstud/dennett/papers/mcginn.htm> (дата обращения: 22.06.2020).
 11. Williamson T. *Doing Philosophy*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 154 p.
 12. Smith D. L. *Truth and Progress in Philosophy* // *Philosophy Talk*. 2017. URL: <https://www.philosophytalk.org/blog/truth-and-progress-philosophy> (дата обращения: 22.06.2020).
 13. Чалмерс Д. *Сознающий ум* / пер. с англ. В. В. Васильева. М. : URSS, 2014. 514 с.
 14. Gerber W. *Is There Progress in Philosophy?* // *Journal of the History of Ideas*. 1973. Vol. 4 (4). P. 669–673.
 2. Pavlov A. S. *Transcendental naturalism of C. McGinn as the methodological approach in the contemporary analytic philosophy*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7, Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Ser. 7, Philosophy], 2020, no. 20, pp. 22–32 (in Russian).
 3. Garntseva N. M. *The contemporary non-reductive approaches to the mind-body problem*. McGinn, Nagel, Chalmers. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2012, no. 11, pp. 129–139 (in Russian).
 4. Voronov N. A. *What is the mysterianism?* *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7, Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Ser. 7, Philosophy], 2010, no. 5, pp. 18–33 (in Russian).
 5. McGinn C. *Problems in Philosophy. The Limits of Inquiry*. New York, Blackwell, 1993. 169 p.
 6. McGinn C. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in the Material World*. New York, Basic Book, 1999. 262 p.
 7. McGinn C. *Basic Structures of Reality*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 252 p.
 8. Quine W. V. O. *Ontological Relativity and Other Essays*. *British Journal for the Philosophy of Science*, 1969, vol. 22 (4), pp. 378–382.
 9. Kriegel U. *The New Mysterianism and the Thesis of Cognitive Closure*. *Acta Analytica*, 2003, vol. 18 (30–31), pp. 177–191.
 10. Dennett D. *Review of McGinn, The Problem of Consciousness*. Available at: <https://ase.tufts.edu/cogstud/dennett/papers/mcginn.htm> (accessed 22 June 2020).
 11. Williamson T. *Doing Philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 154 p.
 12. Smith D. L. *Truth and Progress in Philosophy*. *Philosophy Talk*. 2017. Available at: <https://www.philosophytalk.org/blog/truth-and-progress-philosophy> (accessed 22 June 2020).
 13. Chalmers D. *Conscious Mind: In a Search of a Fundamental Theory*. Oxford, Oxford University Press, 1996. 391 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um*. Moscow, URSS Publ., 2014. 514 p.).
 14. Gerber W. *Is There Progress in Philosophy?* *Journal of the History of Ideas*, 1973, vol. 4 (4), pp. 669–673.

References

1. McGinn C. *Can We Solve the Mind-Body Problem?* *Mind, New Series*, 1989, vol. 98 (31), pp. 349–366.

Поступила в редакцию 23.06.2020, после рецензирования 26.06.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 23.06.2020, revised 26.06.2020, accepted 11.12.2020

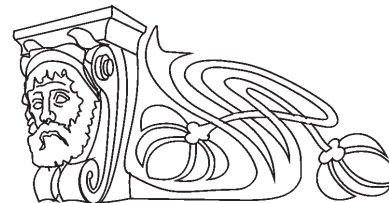

Научная статья

УДК 130.2.

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-43-47>

Смыслообразующие функции пространственной координаты культуры в философской концепции М. Фуко

О. А. Путчева

Кубанский медицинский институт, Россия, 350015, г. Краснодар, ул. Буденного, д. 198

Путчева Ольга Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры общественных наук и организации здравоохранения, putcheva.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2812-8981>

Аннотация. В статье исследуется понимание смыслообразующих функций культуры, определяемых ее пространственными характеристиками в философском творчестве Мишеля Фуко, который выдвигает тезис об определяющей роли пространства в социальной практике, росте усложнения его организации из плоскостного в трехмерное, открывает виртуальные пространства культурного мышления. Пространство понимается не только географически, но и как начальный импульс и атрибут культуры. Цель работы – обосновать понимание пространственных координат как формирующей основы культуры и механизма смыслопорождения. Метод сравнения дает возможность исследовать эволюцию взглядов мыслителя от сосредоточенности на социальных аспектах, через осознание проблем индивидуального сознания к пониманию глубинной динамики культуры как семиотического, этического и эстетического феномена. Автор опирается на такие понятия М. Фуко, как эпистема, «пространства разногласия», «гетеротопические» пространства; введено понятие «индивидуация пространственного видения»; включен в научный оборот принцип множественности пространственных уровней. На основе проведенного анализа формулируется вывод об открытии культурной относительности пространственных смыслов в контексте исторического осмысления топоса, динамике его точек и разветвлении пространственных уровней. В данной статье предпринята попытка раскрыть механизм пространственных смещений, намеченных Фуко, что станет основой понимания новых возможностей творчества в искусстве и культуре.

Ключевые слова: пространство, локус, топос, эпистема, гетеротопия, культура, М. Фуко

Для цитирования: Путчева О. А. Смыслообразующие функции пространственной координаты культуры в философской концепции М. Фуко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 43–47. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-43-47>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-43-47>

Meaning-forming functions of the spatial coordinate of culture in Foucault's philosophical concept

Olga A. Putecheva, putcheva.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2812-8981>

Kuban Medical Institute, 198 Budenogo St., Krasnodar 350015, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of understanding the meaning-forming functions of culture, determined by its spatial characteristics in the philosophical work of Michel Foucault. He puts forward the thesis about the decisive role of space in social practice, the growth of complication of its organization from planar to three-dimensional, and opens up virtual spaces of cultural thinking. Space is understood not only geographically, but as the initial impulse and attribute of culture. The comparison method makes it possible to study the evolution of the thinker's views from focusing on social aspects, through awareness of the problems of individual consciousness to understanding the deep dynamics of culture as a semiotic, ethical and aesthetic phenomenon. Striving for generalization, the author relies on such notions of M. Foucault as episteme, "spaces of disagreement", and "heterotopic" spaces. The concept of "individuation of spatial vision" is introduced, and the principle of "multiplicity of spatial levels" is included in the scientific circulation. As a result of the analysis, a conclusion is made about the discovery of the cultural relativity of spatial meanings in the context of the historical comprehension of the topos, the dynamics of its points and the branching of spatial levels. This article is an attempt to reveal the mechanism of spatial displacements outlined by Foucault, which will become the basis for understanding the new possibilities of creativity in art and culture.

Keywords: space, locus, topos, episteme, heterotopia, culture, M. Foucault

For citation: Putecheva O. A. Meaning-forming functions of the spatial coordinate of culture in Foucault's philosophical concept. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 43–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-43-47>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Для глубокого понимания состояния и принципов развития культуры необычайно актуально представление об ее пространственных аспектах. Одним из уникальных мыслителей XX в., способствующих привлечению внимания к пространственным характеристикам культуры, был М. Фуко. Наиболее акцентируемая им мысль состоит в том, что культура укоренена в топосе, подчиненном жизненной необходимости. Человек входит в культурный мир посредством осмысления пространства: дом, угол, внешнее, внутреннее, порог, переход и т.д. Пространство же раскрывает себя в соотношении частей, во взаимодействии вещей, что придает смыслы, становится ценностью и в итоге способствует выработке мировоззрения. Фуко открывает перспективы понимания диалектики пространств, означающей взаимодействие разнородных точек культурного пространства, перенос действий из одного характерного пространства в новое, что изменяет культурные смыслы. Это ощутимо в современном искусстве, пытающемся открывать новые измерения посредством пространственных сдвигов, столкновений несопоставимых реальностей.

Решающим импульсом для развития философской мысли Фуко является ее пространственное продвижение, определяемое маршрутом, направленностью, интенцией. По свидетельству Жюль Делёза, который привел выдержки из интервью Фуко газете «Nouvelleslittéraires», мыслитель называл себя картографом: «Писать – это значит становиться; писать – это значит заниматься картографией, “Я картограф”...» [1, с. 71]. Обосновывая свое творчество как картографию культурных пространств, он очерчивал их конфигурации, положения, находил соответствующие термины, моделирующие географию местоположения, выводя все свойства и характеристики культуры из ее пребывания в той или иной точке пространства. Мысль ученого разворачивается вслед за его взглядом, поэтому многие идеи и направления исследований культуры возникали у М. Фуко на пересечении пространств, при сопоставлении свойств различных локусов, сама жизнь ученого была калейдоскопом сменяющихся узоров местностей. Пространство, задавая культурные и социальные смыслы, становится формой и образом существования всех граней жизни.

М. Фуко понимал свое творчество как развернутое полотно, сотканное из разнородных идей, продуцируемых пространством как особым творческим полем. Одна из важнейших задач в работе М.Фуко «Слова и вещи. Археология

гуманитарного знания» (1966) – поиск первооснов различных типов культур. Это приводит к выдвиганию понятия «эпистема», что является отражением структурных закономерностей культур разных эпох. Эпистема охватывает интегрированное целое в его связях, отношениях частей, описывая состояние определенного места и времени существования культуры. Впервые исследователь говорит о динамических свойствах пространства и о вовлеченности человека в эти процессы.

Под эпистемой понимается некое мыслительное пространство, раскапываемое (подобно археологическим изысканиям) ученым, которое представляется ему однородным или разнородным, спокойным или напряженным, динамичным или статичным, имеющим множественные характеристики, порой диаметрально противоположные, причем импульс для исследований часто определяется визуально, исходя из четких пространственных координат, расположения. Эпистему можно также понимать как проблемное поле исследований, некий уровень развития культуры. М. Фуко вводит нас в потаенные уголки и повороты собственных идей, обозначая своего рода пространство мысли и ее практики, акцентирует отдельные точки пространства, их соотношение, что позволяет прокладывать мысль. Развитие мысли он понимает как поиски в лабиринте с тупиками, поворотами и обходными путями. Пространственные характеристики тем самым становятся основой мыслительного процесса.

С раскопками прежних культурных слоев связано возникновение понятия «археология», описывающее существенные, пусть даже противоположные аспекты, которые Фуко называет «пространства разногласия». «Оппозиции – это всегда предопределенные функциональные моменты...они порождают новые модальности высказываний, они определяют новые концепты или изменяют поле применения уже существующих» [2, с. 154]. Определяя функциональные аспекты оппозиций, он тем самым устанавливает границы поля высказываний и формулирует пространственные характеристики.

Развитие человека зависит от интенсивности смены мест, куда мы попадаем, что требует определенного поведения в зависимости от локуса. В данном случае Фуко ведет речь об индивидуации пространственного видения, в процессе которого пространство становится личным; возникает своеобразная философия пространства, моделирующая понимание культурных смыслов. Пространство подвергается аналитическому раз-

ятию, смысл которого состоит в противопоставлении упорядоченности жизни одних культурных точек и дикости хаоса «контрместоположений» [3, с. 196] других. Стандарты образа жизни одних местоположений опровергаются взламыванием, переворачиванием их в других локальных пространствах. Это способствует новому видению, переосмыслению понимания жизни, приводит к открытиям в художественной сфере и науке. Современная жизнь, как показывает ученый, зависит от множества параметров локальных мест, связанных друг с другом законом зеркального отражения, определяющихся отношениями местонахождения и значения событий. Для нашего осмысления важна фиксация, остановка, определение координат в пространстве, т. е. «пеленгование, локация маркированных или закодированных элементов» [3, с. 193]. Проблема местонахождения открывает широкие связи культуры с демографией, социологией, философией.

Культура, с точки зрения Фуко, дифференцирует места пребывания человека: разрешает и поощряет пребывание в одних местах и игнорирует, как бы отрицает пребывание в других локусах. Существуют места священные и профанные, места жизни (город, село) и смерти (кладбище), их функции различны, они не пересекаются. По Фуко имеются удивительные локусы, где пространство многократно изменяется, как бы «играет», такие точки автор называл «гетеротопическими». К особым местам можно отнести ярмарку, карнавал, праздник, где сталкиваются посредством предметов и явлений разные пространства, сходящиеся в одной точке. Наиболее ярким примером подобного пространства стал театр, где на одной и той же площадке происходит многократная смена мест пребывания, разыгрываемых событий и времен. «Гетеротопии всегда предполагают некую систему открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует их, и делает их проницаемыми... иногда, чтобы проникнуть в гетеротопичное место, надо пройти через обряды и очищения. Туда можно попасть, лишь получив разрешение или же совершив определенное количество подвигов» [3, с. 202].

Обнаруживается закономерность стремления сохранить в гетеротопии «вечности накапливающегося времени» (библиотеки, музеи), «запереть в одном месте все времена, все эпохи, все формы, все вкусы; идея образовать место всех времен, которое само находилось бы вне времени и было бы неуязвимым для его уколов» [3, с. 201].

Пространство Фуко становится подвижным, оно релятивизируется, так что пространственная

координата зависит от способа рассмотрения, точки зрения наблюдателя и исследуемой субстанции. Сдвиг и расслоение моделируемого местоположения происходят за счет соотношения скоростей, расстояний, времени, способов перемещения, маршрута, стоимости, потоков энергии, финансовых потоков и других показателей, существующих одновременно, но в разных модусах и системах. Поэтому можно вести речь о множественности пространственных уровней в одновременности, что приводит к возникновению вопроса о том, пространство порождает процессы или процессы задают свою пространственную рамку?

Фуко в пространственной разметке видит способ сохранения, обеспечения устойчивости социальных отношений, иерархию соподчиненных и власти. Культура уже пространственно задает наглядное представление о социальных отношениях и социальном статусе человека. Его концепция социальной структуры, отраженная в том числе и в книге «История безумия в классическую эпоху», представляет собой глубокое и разностороннее изучение современного общества. «Боги владели землей (т. е. жизненным пространством. – О. П.), и это первичное владение определяло отношения между людьми и богами» [4, с. 85], – отмечает Фуко, говоря о зарождении социальных отношений и роли места расположения, пространства в становлении властных структур. Точно так же и «человек имеет собственное пространство» [4, с. 232], вписывающееся в пространство социальной лестницы, и это дает ему устойчивость и защиту. Учитывая данный фактор, М. Фуко приходит к пониманию устройства и организации общественной жизни по законам пространства. Культура задает через иерархию пространства некие устойчивые социальные ценности, определяющие порядок в обществе. Более того, видимые пространственные отношения запечатлеваются в языке, который фиксирует воспринимаемое глазом («он занимает высокое положение» – видимость места отражается в языке).

В книге «Слова и вещи» М. Фуко сосредоточен на выявлении логики порождения, строения и функционирования сложных объектов человеческого сознания. Он поднимает вопрос о семиотических аспектах культуры, складывающихся на основе пространственной организации, определяемых в разные культурные эпохи той создающей силой, которая формируется топосом.

На исходе жизни в исследовательской деятельности Фуко происходит важный поворот, обозначивший тяготение к акцентированию

этических и эстетических аспектов культуры. «Эстетика Фуко – это прежде всего, эстетика пространства и взгляда. При этом его эстетическое чувство носило отчетливо модернистский характер. Его привлекали Штокхаузен и Булез, композиторы-конструктивисты, создатели искусственных и децентрированных пространств» [5, с. 528]. Искусственные звуковые пространства с игрой акустических экспериментов позволили создать новые эстетические стандарты. Привлекательной для Фуко оказалась сфера иррационального – глубины человеческой души, находящаяся за гранью традиционного понимания, что становится новой точкой пространственного видения в культуре и искусстве. Территория психических отклонений пространственно локализуется мыслительными уровнями и прослеживается во многих работах Фуко, таких как «История безумия в классическую эпоху», «Рождение клиники», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и др. Неосознаваемое визуализируется и становится доступно нашему изучению. За гранью рационального, на пороге бессознательного (топографическая характеристика психики) делаются открытия, создаются гениальные произведения. Сфокусированность мышления М. Фуко на вопросах пространственных смыслов дает нетривиальный искусствоведческий поворот анализа живописи Р. Магритта, который «тайно минует то пространство, чью традиционную диспозицию он для видимости сохраняет» [6].

Глубокое осознание темы безумия сделало ее своеобразным пробным камнем и чуть ли не «модой» после Фуко. Безумие освобождает автора от строгих рациональных закономерностей. Оно становится механизмом разрушения прежней эпистемы, рассогласованием слов и вещей (на что он обращал пристальное внимание). Закрепление нового значения позволяет создавать новые связи, структуры. Наследниками мысли Фуко являются А. Арто, о театре жестокости которого он неоднократно высказывался, «сюрреалисты», с которыми он вел переписку, «абсурдисты», «абстракционисты». В этом искусстве нашло отражение мыслительное пространство, ландшафт которого не согласуется с традиционным выражением и действиями, что становится механизмом разрушения прежней эпистемы и формирования новой.

Тексты М. Фуко неоднозначны и сложны для понимания, тем не менее они используются современными авторами в качестве основы произведений, запечатлевающих парадоксальные пространства. Например, в 3-м акте оперы

«Перепела в саркофаге» Сальваторе Шаррино использованы фрагменты из сочинений М. Фуко на фоне звукового ландшафта и интертекста.

М. Фуко дал пространственное обоснование многих феноменов культуры, показал проблемное поле культурных эпох, выявил параллели и связи между отдельными областями культуры, точки соприкосновения архитектуры, театра, живописи, музыки. Он изменил взгляд на соотношение культуры и социума, взаимодействие которых осуществляется в пространственном ареале. Искусство понимается как пространство виртуальных интерпретаций духовного ландшафта личности творца. «Видение собирает архив практических демонстраций, на которые можно сослаться в рамках абстрактной области визуальной теории... видение – это потенциал рефлексии над теорией и методом» [7, р. 178]. Наиболее значительными направлениями изучения культуры, исходя из пространственного видения, для Фуко стали социальные отношения, семиотический, этический и эстетический аспекты.

Творчество Фуко – эпоха, ступень, без которой не было бы современного видения и современной культуры. Он открыл виртуальные пространства культурного мышления, показал возможность взаимодействия и динамики пространств, базирующихся на иерархизированной системе разнородных плато, функции которых задаются необходимостью жизни человека в ту или иную эпоху, показал рост усложнения организации пространств из плоскостного по преимуществу в объемное, трехмерное.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Фуко выдвигает идею относительности восприятия пространственных координат, понимаемых через динамику точек локусов, скорости перемещения человека по пространству. Пространственные представления становятся руслом социального и исторического развития человечества, что выражается в семантике языковых представлений, этических и эстетических характеристиках культуры.

Список литературы

1. Делёз Ж. Фуко / пер. с фр. Е. В. Семиной. М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. 172 с.
2. Фуко М. Археология знания / пер. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб. : Гуманитарная Академия ; Университетская книга, 2004. 416 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2002. 384 с.

4. *Foucault M. Politics, Philosophy, Culture : Selected Interviews and Other Writings, 1972–1984* / ed. by L. D. Kritzman. N.Y. : Routledge, 1988. 354 p.
 5. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. 672 с.
 6. Фуко М. Это не трубка / пер. с фр. И. Кулик. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php (дата обращения: 21.09.2020).
 7. Mitchell W. J. T. Showing Seeing : A Critique of Visual Culture // *Journal of Visual Culture*. L., 2002. № 1 (2). P. 165–181.
- References**
1. Deleuze G. *Foucault. Paidos studio*. Paris, Editions de Minuit, 1987. 169 p. (Russ ed.: Delëz Zhil'. *Fuko*. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 1998. 172 p.).
 2. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Transl. by M. B. Rakova and A. Y. Serebryanikova. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2004. 416 p. (in Russian).
 3. Fuko M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. Transl. from French S. Ch. Ofertas, total ed. by V. P. Vizgin, B. M. Skuratov]. Moscow, Praksis Publ., 2002. 384 p. (in Russian).
 4. Foucault M. *Politics, Philosophy, Culture: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1984*. Ed. by L. D. Kritzman. New York, Routledge, 1988. 354 p.
 5. D'yakov A. V. *Mishel' Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and His Time]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2010. 672 p. (in Russian).
 6. Foucault M. *It's not a pipe*. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php (accessed 21 September 2020) (in Russian).
 7. Mitchell W. J. T. Showing Seeing: A Critique of Visual Culture. *Journal of Visual Culture*, 2002, no. 1 (2), pp. 165–181.

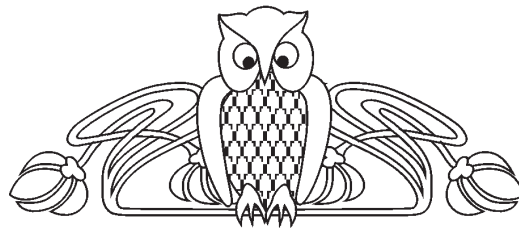
Поступила в редакцию 30.09.2020, после рецензирования 14.10.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 30.09.2020, revised 14.10.2020, accepted 11.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–51
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–51

Научная статья
УДК 101.1:111(316)
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-48-51>

«Сохранить как...». Роль компьютерного интерфейса в онтологии цифрового мира

В. В. Путинцева-Арданская

Московский музей современного искусства, Россия, 107031, г. Москва, ул. Петровка, д. 25

Путинцева-Арданская Валерия Владимировна, магистр философии, научный сотрудник образовательного отдела, ryzhenkova.valeria@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0315-8239>

Аннотация. В статье предложена характеристика компьютерного интерфейса как феномена цифрового мира применительно к его конституирующей и репрезентирующей функции в процессе производства образов и медиасобытий. Рассматриваются концепции медиатеоретиков и исследователей визуальной культуры новых медиа (М. Хансена, Д. Бруно, Д. Дрюкер) с учетом проблематизации статуса интерфейса как посредника между машиной и пользователем. По сравнению с предыдущими исследованиями данный подход позволяет объединить методологический инструментарий как теории медиа, так и визуальных исследований с целью описания многозначного статуса интерфейса – конституирующего и репрезентативного. Производится разбор проекта арт-группы Share Lab об интерфейсе и алгоритмах Facebook с целью обозначения конституирующей функции для поведения пользователей. Для аналитики репрезентирующей роли предлагается понимать интерфейс в процессе производства онтологической реальности медиа (соотнесенной как с медиасобытиями, так и с понятием «постправда» цифрового мира). Эксплицируемый в статье подход позволяет описать феномен интерфейса соизмеримо нескольким его функциям без бинарных оппозиций. Сформировано авторское представление о том, что конституирующая роль компьютерного интерфейса проявляется как в практиках пользователей цифровых медиа, так и в создании медиасобытий благодаря его репрезентирующей функции.

Ключевые слова: теория и философия медиа, цифровая революция, компьютерный интерфейс, онтология цифрового мира, виртуальная репрезентация

Для цитирования: Путинцева-Арданская В. В. «Сохранить как...». Роль компьютерного интерфейса в онтологии цифрового мира // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–51. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-48-51>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-48-51>

“Save as...”. The role of a computer interface in digital ontology

Valeria V. Putintseva-Ardanskaya, ryzhenkova.valeria@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0315-8239>

Education Department at Moscow Museum of Modern Art, 25 Petrovka St., Moscow 107031, Russia

Abstract. The article provides the analysis of the computer interface as a digital world phenomenon in correlation with its constitutive and representative function for image production. Several concepts of media theorists and researchers of visual culture of new (i. e. digital) media (M. Hansen, D. Bruno, D. Drucker) are examined in the context of considering intermediary functions of interface between the computer code message and the user. The analysis of the project of art group Share Lab about the interface and algorithms of Facebook for user behavior is being carried out. The representative role of interface in production of the ontological reality of media is considered, which is correlated both with the production of a media event and with such concept of a contemporary world as “post-truth”. The conclusion is offered that the constitutive role of computer interface is manifested both in social practices of digital media users and production of media events with attention to its representative function.

Keywords: media studies, philosophy of media, digital revolution, computer interface, digital ontology, virtual representation

For citation: Putintseva-Ardanskaya V. V. “Save as...”. The role of a computer interface in digital ontology. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–51 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-48-51>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Прогрессирующая дигитализация медиа с учетом скорости развития прикладных технологий трансформирует образы видения мира. Цифровой мир представлен мультимедийным потоком благодаря различным каналам трансляции информации. Репрезентация же информации, осуществляемой через цифровые каналы, как отмечает медиатеоретик Марк Хансен, приводит к сдвигу в статусе самого коммуникационного медиума: гаджет становится не только посредником или транслятором информационного сообщения, но и самой технологией производства реальности [1]. Соответственно, это сказывается на усилении конституирующей функции медиума как средства для трансляции сообщения. Видоизменяется классический тезис теории медиа («средство коммуникации и есть сообщение») до производства онтологических эффектов самим цифровым медиумом.

Существование самого цифрового медиума фиксируется в виртуальном пространстве, представленном через аппаратное устройство компьютера и, в частности, через компьютерный интерфейс. На его статус указывает сам термин. Так, интерфейс – это медиум (т. е. посредник) для трансляции информации между человеком и компьютерной машиной, позволяющий представлять данные цифрового кода в символической форме. Как отмечает профессор Гарвардского университета Джулиана Бруно, репрезентирующая функция компьютерного интерфейса, знакомого нам по экранным образам компьютерных изображений и стилям иконок, тесно соотнесена с онтологией визуального и социальными эффектами [2]. Так, мы рассмотрим несколько аспектов из истории компьютерного интерфейса, соотнеся их впоследствии с произведенными ими эффектами. Это позволит в контексте данной небольшой статьи обрисовать контуры значения компьютерного интерфейса как медиума в процессе трансляции цифрового сообщения и создании образа той реальности, которую он одновременно и транслирует.

Феномен компьютерного интерфейса существует не более 60 лет. За это время он претерпел ряд изменений: в 1960-е гг. эта была текстовая командная строка, но к 1970-м гг. Айвен Сазерлендом был предложен ранний прототип графического интерфейса Скетчпад (Sketchpad). Практически одновременно другой исследователь Алан Кэй, обмениваясь исследовательскими гипотезами с Сазерлендом, в университете Юты (США) к 1968 г. предложил Дайнабук (Dynabook), которая стала краеугольным камнем архитектуры современного графического интерфейса. Кэй был ученым с широким кругозором,

который не решал исключительно техническую задачу, а понимал необходимость исследования фундаментальных аспектов для прорывных прикладных решений; например, в процессе разработки компьютерного языка он ознакомился с работами Жана Пиаже и Льва Выготского [цит. по: 3]. Произведенный результат стал революционным и по сей день фундирует базу для реализации ноутбука и планшетного компьютера. Более того, концепция Кэя имеет важное значение для развития компьютерных технологий, выполняя функцию своего рода протоязыка, совмещенного с визуальными решениями, которые включают базовые геометрические фигуры и алгоритмы оперирования ими.

Базовые графические элементы (т. е. геометрические фигуры) стали своего рода алфавитом компьютерного интерфейса, прочно войдя в обиход индустрии производства компьютеров для массовой аудитории, поскольку именно реализация кода не в командной строке, а через визуальные образы позволила рядовым пользователям получить массовый доступ к компьютеру. Небезынтересно, что в цифровом мире были адаптированы некоторые знакомые образы аналогового мира: среди них – «рабочий стол» или «окна», учтенные в реализации компьютерного интерфейса корпорации «Windows» и давшие наименование ей самой.

В философском отношении в контексте теории и философии медиа конституирующая роль интерфейса для передачи данных не исчерпывается его использованием. В прагматическом измерении мы можем воспринимать интерфейс как помощник, который позволяет представлять данные цифрового кода в визуально привлекательной и удобной форме [4]. Однако его функция медиума не исчерпывается этим измерением. Как уже отмечалось, интерфейс обладает характером посредника между машинным (кодом) и человеческим (пользователем), выполняя функцию медиума. Важно также то, что интерфейс обладает онтологическим значением, поскольку является и проводником, и медиумом репрезентации символических отношений. Так, интерфейс конституирует социальные практики и конкретные действия пользователей в цифровой среде. Он оказывается своего рода дисциплинарной сеткой, определяющей возможные процедуры и траектории поведения пользователей в цифровом пространстве. Устройство интерфейса конкретных приложений, программ и социальных медиа сказывается на социальных практиках, конституируя их. Данный тезис возможно проиллюстрировать примером исследовательского проекта о корпорации Facebook югославской

арт-группы Share Lab в составе Владана Джолера, Андрея Петровски, Кристина Лукича и Яна Красини. Данный проект был представлен широкой аудитории в рамках специального проекта VI Московской международной биеннале молодого искусства «Ведутся революционные работы» в 2018 г. в Московском музее современного искусства, где координатором образовательной программы выступила автор данной статьи.

Проект «Facebook Algorithmic Factory» арт-группы Share Lab исследует алгоритмы сбора персональной информации пользователей данной социальной сети, определяющие дальнейшие траектории их поведения. Источником информации являются открытые информационные ресурсы Facebook о политике использования данных, их хранения и таргетинговой рекламы. Интерфейс приложения и сайта Facebook устроен таким образом, что он предполагает сбор персональных данных пользователей, предоставляемых ими добровольно в целях открытого обмена информацией. Пользователи социальной сети предоставляют персональные сведения о месте проживания, учебе или работы, данные электронной почты и телефона, а также медиафайлы (такие, как фотографии и видеозаписи), а также IP-адреса и cookies. Вместе с тем пользователи также синхронизируют информацию благодаря соотношению персонального аккаунта с Instagram и Facebook Messenger. Интерфейс Facebook предлагает синхронизировать пользователю все эти данные, которые в своем массиве позволяют сформировать уникальный цифровой след. Так, сбор сведений о геолокации пользователя в течение определенного времени для каждого дня недели позволяет алгоритму установить место жительства и работы пользователя, а также то, как часто он ходит, к примеру, в музей или театр и в какие промежутки времени. Эти сведения используются алгоритмом для предоставления персонализированной, преимущественно рекламной, информации, которая может задавать потребительское поведение пользователя социальной сети. Таким образом, сбор добровольно предоставляемых персональных данных пользователя Facebook и дальнейшая обработка данной информации алгоритмами дают пользователю наиболее соответствующие его поведению сведения и информацию. Сам интерфейс социальной сети синхронизирован с данными, обрабатываемыми алгоритмами, а предлагаемый результат представлен в наиболее привлекательной визуальной форме. Таким образом, выбираемые пользователями Facebook траектории поведения в социальной сети напрямую соотносятся как с прошлыми действиями,

так и теми траекториями, которые предлагает социальное медиа на основе фиксированных алгоритмов, визуализированных посредством интерфейса.

Наряду с этим роль интерфейса находится между конкретным информационным содержанием (будь то персональные данные социальных сетей или коды программ) и организацией задач по отношению к данному содержанию. Как указывает профессор Калифорнийского университета Джоанна Дрюкер, интерфейс оказывается подобен своего рода карте, упорядочивающей связи и отношения, которые впоследствии разворачиваются в реальности [5]. Дрюкер предлагает строить теорию интерфейса с учетом критического понимания функции медиума в теории медиа и визуальных исследованиях. Так, конституирующая функция посредника в формировании значения сообщения усиливается и эксплицируется в контексте понимания компьютерного интерфейса.

Важно также понимать, что интерфейс может быть понят соотносимо с его значением для пользователя, актуализирующего его функции в своем пользовательском опыте. Это понимание сопряжено с утилитарным использованием цифровых платформ в контексте повседневного опыта. Жизненный мир пользователя социальных медиа, к которым он получает доступ благодаря визуальным решениям интерфейса, может быть замкнут на виртуальном пространстве. Так, с развитием цифровой среды стали обыденностью занятия не только спортом, но и киберспортом, а субъекты, играющие в компьютерные игры и ведущие в режиме реального времени трансляцию (т. е. стрим) с комментариями о способах прохождения видеоигр, становятся широко востребованными в сообществе геймеров и даже получают финансовую поддержку (т. е. донаты) как знак благодарности за то, что они делятся своим опытом прохождения компьютерной игры.

Визуальная организация информации в интерфейсе новых (т. е. цифровых) медиа обладает большей пластичностью в виртуальном пространстве, нежели в прежних медиа аналоговой эпохи. Так, текст, напечатанный на бумажном носителе или механической киноленте, требует больше усилий для редактирования отдельных сегментов и перемещения их в тексте, нежели операция «вырезания» и «добавления» текстовой информации в интерфейсе текстовых редакторов. Структура цифровой среды оказывается в этом отношении гораздо более эфемерной и гибкой, поскольку модульность цифровых объектов позволяет организовывать их в конфигурации

за несколько кликов мышки, а не производить операции с печатным прессом или киномеханические процедуры.

Компьютерный интерфейс соотнесен с оптическими медиа, среди которых кинообразы, образы масс-медиа и фотообразы цифровой эпохи. Репрезентация образов посредством интерфейса в цифровом пространстве видоизменяет понятие «реальность», где сам медиаэффект приравнивается к событию реальности. Эта онтологическая функция интерфейса находится на грани между фикцией и событием, конституирующим социальные практики. Так, производство благодаря цифровым образам заведомо ложных событий, включаемых в хронологию современного мира, оказывается предметом критической аналитики исследователей – для описания этого явления предложено понятие «постправда». Создание же события благодаря цифровому образу одновременно и становится документом эпохи, и фиксирует производимые самим образом конфигурации в мире.

В настоящей статье мы стремились составить обзорное рассмотрение процессов, происходящих в цифровом мире благодаря компьютерным технологиям. В качестве ключевого средства для трансляции кодового сообщения в визуальной форме было предложено использовать компьютерный интерфейс, играющий роль посредника между человеческим и машинным. Сам же компьютерный интерфейс наследует ряд образов аналогового мира для организации информации в визуальной форме на экране гаджетов. Показано, что интерфейс не только играет прагматическую роль, представляя пользователям информацию в привлекательной визуальной форме, но и конституирует социальные практики, будучи включен в структуры алгоритмов социальных медиа (например, таких, как Facebook). Наряду с этим конституирующая функция интерфейса напрямую соотнесена с действиями пользователя, применяющего программы в конкретных

социальных практиках цифрового мира (будь то киберспорт или практики игры в компьютерные игры). Репрезентирующая функция интерфейса в цифровом мире соотнесена с производством определенных медиасобытий, которые могут быть закреплены как события реальности в онтологии медиа, а также сконструированные события, описываемые термином «постправда». Таким образом, конституирующая роль компьютерного интерфейса проявляется как в социальных практиках пользователей цифровых медиа, так и в создании медиасобытий благодаря репрезентирующей функции.

Список литературы

1. Hansen M. B. *New Philosophy for New Media*. Cambridge : MIT Press, 2004. 333 p.
2. Bruno G. *Surface : matters of aesthetics, materiality, and media*. Chicago : The University of Chicago Press, 2014. 288 p.
3. Bergin Jr., Thomas J., Gibson Jr., Richard G. *History of Programming Languages*. N.Y. : ACM Press, Addison-Wesley, 1996. 864 p.
4. Fuller M. *Software Studies : A Lexicon*. Cambridge ; Massachusetts : MIT Press, 2008. 352 p.
5. Drucker J. *Graphesis : Visual Forms of Knowledge Production*. Harvard University Press, 2014. 216 p.

References

1. Hansen M. B. *New Philosophy for New Media*. Cambridge, MIT Press, 2004. 333 p.
2. Bruno G. *Surface: Matters of Aesthetics, Materiality, and Media*. Chicago, The University of Chicago Press, 2014. 288 p.
3. Bergin Jr., Thomas J., Gibson Jr., Richard G. *History of Programming Languages*. New York, ACM Press, Addison-Wesley, 1996. 864 p.
4. Fuller M. *Software Studies: A Lexicon*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 2008. 352 p.
5. Drucker J. *Graphesis: Visual Forms of Knowledge Production*. Harvard University Press, 2014. 216 p.

Поступила в редакцию 02.09.2020, после рецензирования 16.09.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 02.09.2020, revised 16.09.2020, accepted 11.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 52–56
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 52–56

Научная статья

УДК 316.6

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-52-56>

Культурный статус: диалектика объективного и субъективного

А. Л. Стризов[✉], В. А. Храпова

Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский просп., д. 100

Стризов Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Храпова Виктория Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению концепта «культурный статус» в современном научном дискурсе, включающем в себя структурно-функциональный и коммуникативный подходы и позволяющем выявить инвариантные черты, присутствующие в данном концепте. Эти черты, по мнению авторов, сопряжены с категорией меры, фиксирующей баланс разноплановых особенностей природы человека. Культурный статус отражает положение его носителя в пространственно-временном континууме и контексте ценностей, норм, отношений. Он задает также определенную степень автономии, онтологической самости, определяющей ракурс видения и, соответственно, характер отношения и деятельности в социальном пространстве. Трактовка статуса как позиции позволяет выявить относительность любого порядка, качественное своеобразие субъектов культуры и способов освоения пространства. Выделение субъективных и объективных аспектов культурного статуса делает возможным описание функций и полей, образуемых его носителями. Предлагаемый подход позволяет исследовать рискогенный характер современного социокультурного пространства. Исследование объективной и субъективной сторон культурного статуса позволяет глубже понять органическую связь субъекта культуры с контекстом, в который он погружен, а также точнее представить возможности его воздействия на все пространство социокультурных взаимодействий.

Ключевые слова: культура, субъект культуры, социальная реальность, коммуникация, коды, культурные концепты

Для цитирования: Стризов А. Л., Храпова В. А. Культурный статус: диалектика объективного и субъективного // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 52–56. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-52-56>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-52-56>

Cultural status: The dialectics of objective and subjective

Alexander L. Strizov[✉], strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Victoria A. Khrapova, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Volgograd State University, 100 Universitetsky Av., Volgograd 400062, Russia

Abstract. The article is devoted to the philosophical understanding of the concept of “cultural status” in modern scientific discourse, which includes structural-functional and communicative approaches and allows to identify the invariant features present in this concept. These features, according to the authors, are associated with the category of measure, which fixes the balance of the diverse features of human nature. Cultural status reflects the position of its bearer in the space-time continuum and the context of values, norms, and relationships. It also sets a certain degree of autonomy, an ontological self that determines the perspective of vision. The interpretation of a status as a position allows us to reveal the relativity of any order, the qualitative uniqueness of the subjects of culture and the ways of mastering space. Allocation of subjective and objective aspects of cultural status makes it possible to describe the functions and fields formed by its carriers. The proposed approach allows us to study the risk-generating nature of the modern socio-cultural space.

Keywords: culture, subject of culture, social reality, communication, codes, cultural concepts

For citation: Strizov A. L., Khrapova V. A. Cultural status: The dialectics of objective and subjective. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 52–56 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-52-56>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Современный философский дискурс, испытывая на себе влияние постмодерна, выявляет и подчеркивает динамизм культуры, роль субъектов в трансформации ее основ и многообразных феноменов. Исследования интерсубъективных аспектов коммуникации – гносеологического, эпистемологического, аксиологического – выявляют как скрытую, латентную работу коммуницирующего сознания, так и его завершающую, результативную сторону, порядок смыслов и значений, порождаемых культурной активностью. Выражением всего этого выступает культурный статус как самих субъектов культурного творчества, так и созданных ими артефактов.

Латинский вариант слова «статус» (status) имеет богатую семантику, фиксирующую различные стороны определенности его носителя: положение, состояние, позицию, высоту, уровень, ступень, степень зрелости, состояние дел. Может быть, поэтому в нашей обществоведческой литературе при обилии работ о статусах отдельных социокультурных объектов ощущается явный дефицит исследований феномена культурного статуса как такового [1–5]. В современном социально-гуманитарном знании понятие «статус» характеризует положение субъекта в системе пространственно-временных координат социальности: социальной ситуации, культурной среды, знаково-символического контекста, целостности социальной организации и локального сообщества, системного единства общества и культуры. Стремясь описать это положение языком конкретной науки, юристы, экономисты, социологи, антропологи используют специфический язык и дискурс, отражающие особенности того или иного профессионального сознания и деятельности. В противоположность этим дифференцирующим характеристикам философская трактовка понятия «культурный статус» должна отражать инвариантные черты, присутствующие во всем многообразии форм деятельности человека. Таким образом, философское понимание культурного статуса должно основываться на идеях интегрированности, сбалансированности различных, часто противоположных характеристик человеческой природы и результатов ее проявлений. К этим основаниям ближе всего по своему смысловому содержанию категория «мера» как единство качественных и количественных, объективных и субъективных, естественных и искусственных, адаптивных и креативных свойств и характеристик, описывающих положение субъекта в среде культуры.

Наиболее разработано и раскрыто в многочисленных словарях, энциклопедиях и справочниках пришедшее из социологии понятие «со-

циальный статус», определяющее положение его носителя в объективно центрированном социальном пространстве-времени и в значительной мере субъективированном контексте ценностей, норм, отношений. Признаки подобия, образующие структуру семантики концептов «социальный статус» и «культурный статус», позволяют применить к анализу содержания и смысла интересующего нас концепта указанный бинарный подход.

Первый из выделенных аспектов – онтологический – фиксирует точку находимости носителя статуса в континууме объективно сложившихся условий развития. Если социальный статус характеризует положение субъекта в системе утилитарных и неутилитарных отношений человеческой цивилизации (экономических, технологических, управленческих), то культурный статус – онтологическую ситуацию бытия, в которой носитель статуса осваивает, использует, преобразует достижения цивилизации, избирая креативные или репродуктивные социокультурные практики.

Объективный аспект видения социального статуса выявляет также принципиально важную для нас автономию его носителя, тот момент его онтологической самости, который определяет ракурс видения и понимания социального, обоснование вектора социального действия, выбора своего социального окружения. Культурный статус подчеркивает контекстуальную сторону социальной автономии, которой выступает включенность субъекта в определенный локус культурного пространства, принадлежность его к определенной субкультуре. В этом смысле культурный статус формируется по времени позже социального: требуется время для накопления и селекции социального опыта. Демаркация социального и культурного статусов позволяет подчеркнуть известную темпоральную дистанцию между социальной и культурной идентичностью, а также глубину последней и ее укорененность в повседневности.

Трактовка социального и культурного статуса как определенной автономной точки-позиции в пространстве позволяет выявить не только наличие социального и культурного порядка, понимаемого как иерархия точек-позиций и занимающих их субъектов, но и его относительность. Поскольку субъекты как участники социокультурных взаимодействий могут менять свое положение в пространстве, можно говорить об изменении конфигурации (реконфигурации) социального и культурного пространств. При этом если опыт традиционного общества, а также общества раннего и зрелого модерна чаще указывал на большую инерционность культурного порядка, как правило, не поспевавшего за динамикой социально-поли-

тической модернизации, то опыт современных социальных трансформаций, протекающих под воздействием медиа и практик «мягкой силы», демонстрирует обратные примеры. Интенсивное информационно-пропагандистское воздействие на общество приводит к ускоренному разрушению и стремительному генезису новых субкультурных образцов и сегментов, быстро охватывающих все общество, так, что институциональные структуры вынуждены спешно подстраиваться под меняющуюся моду и стереотипы сознания и поведения массового человека.

Обратимся к другой – субъективной – стороне исследования культурного статуса. В противоположность первой стороне, фиксирующей данность пространственно-временного измерения культуры, субъективная сторона исследования культурного статуса характеризуется гносеологическими и аксиологическими интенциями. Если для описания проблем приобретения личностью социального статуса традиционно использовались концепции социализации, педагогические и психологические теории, то при изучении субъективной стороны культурного статуса применялись концепции и модели инкультурации и аккультурации, подчеркивавшие не столько интериоризацию социального опыта, сколько его перевод в план поведения, практических действий. В отличие от теории культуры и культурной антропологии философия культуры призвана выявить при помощи понятия «культурный статус» качественное многообразие субъектов культуры, их различие в способности освоить ее пространство и готовности к его переструктурированию, трансформации, творческому обогащению.

Философское различие социокультурной реальности и ее образов в сознании подводит нас к необходимости разграничивать культурный статус и его статусный образ. Он закрепляется и оценивается в культуре и общественном мнении как престиж той или иной социально-культурной позиции, локального субкультурного пространства, в которое она включена. Однако уже в культуре Возрождения и Нового времени возникает и другое проявление статусного образа – имидж, включающий в себя индивидуальные по природе и публично демонстрируемые качества, способности и стиль поведения, как подчеркивающие реальные личные характеристики и социальный статус, так и скрывающие их. В современной медианасыщенной и динамично изменяющейся культуре эти различия и взаимосвязи культурных статусов и их образов часто дополняются трудностями идентификации данного и сконструированного, подлинности и имитации, реальности и симулякра. Осознание часто непреодолимого

различия социокультурных статусов порождает также стремление представителей маргинальных субкультур и индустрии массовой культуры к копированию статусных культурных образцов и стилизации под них.

Субъективная сторона философского исследования культурных статусов обращает нас к вопросу о роли субъекта культуры в культурном творчестве и потреблении культурных ценностей. Как отмечалось в литературе, статус вещей в культуре соотносим с субъектом и во многом произведен от их статуса [2, с. 61]. Но с какими именно свойствами и качествами субъектов связана эта способность приписывать и изменять статусы? Сакральная, художественная, научная, политико-правовая символичность, без которой невозможно придание объекту статуса ценности профессиональной, высокой культуры, представляют собой не только проекцию замысла субъекта, его творческой индивидуальности, воплощенных в уникальном процессе создания произведения, но и проекцию неутилитарного вектора целей и ценностей, которые им руководят. Речь идет о расширении горизонта видения реальности, о преодолении ориентаций на сиюминутные и осязаемые результаты. Культурный статус всегда связывается с многомерностью значений и смыслов, которыми обладает его носитель, с их неопределенностью и риском подчас кардинальных изменений. Однако прогресс цивилизации создает ситуации, когда происходит изменение ценностно-культурного статуса: «рукотворная вещь делается людьми для людей и смещается от сакрального полюса к утилитарному, не потеряв при этом связи с сакральным как таковым» [2, с. 62]. В дальнейшем технологический прогресс и переход к массовому промышленному производству могут сделать сакральный статус производимого объекта и вовсе эфемерным.

Между тем динамика культуры и ее массовизация продуцируют обратную тенденцию: «как только стандартизированная промышленная вещь, “просто вещь” перестает восприниматься в качестве ценности в сфере повседневности, она начинает смещаться в сторону искусства» [2, с. 64]. Вытесняясь из повседневности, объект утрачивает утилитарную ценность, наполняясь новыми неутилитарными смыслами. Если учесть, что в современной культуре мы сталкиваемся не столько с инженерными технологиями, сколько с информационными, социальными и когнитивными, то в качестве объекта технологического воздействия, меняющего свой культурный статус, выступает не мертвая вещь, а живой, одухотворенный субъект, социальные и культурные формы, модели и стандарты. Таким образом, смена

культурного статуса связана со способностью субъекта, осваивающего пространство культуры, действовать (творить, коммуницировать, потреблять), не просто используя разные технологии, а меняя и комбинируя утилитарные и неутилитарные, текущие и перспективные цели и ценности.

Выделение в культуре визуальной и вербальной составляющих как постоянно присутствующих в ее структуре компонентов ставит вопрос о различении визуальных средств и технологий обозначения культурного статуса и вербальных технологий и средств. Вербализованные значения и смыслы, фиксирующие положение субъектов и объектов в пространстве культуры, объективируются в скульптуре, архитектуре, живописи, эмблематике, рекламе, визуальных образах и рядах. При этом визуальные выражения культурных статусов встраиваются в окружающий их пространственный контекст, в его знаково-символическое наполнение и часто приобретают автономию, начинают жить собственной жизнью. Они могут оказывать обратное воздействие на вербализованные статусы, стимулируя возникновение новых смыслов и значений, принимающих формы новых, часто мифологизированных ситуаций и сюжетов. В свою очередь, знаково-символическое творчество, не менее автономное в своем развитии, может создавать новые образы, концепты и смысловые конструкции в идеологии, религии, философии, ставящие под сомнение культурную легитимность прежних визуальных форм выражения культурных статусов, а иногда и приводящие к революционным изменениям визуальных знаков и символов. Важную роль здесь играет культурный механизм производства статусных обозначений: идеи и конструкты духовного творчества, распространяясь в общественном сознании, транслируются затем в общественное мнение и социальные практики. Каждое из звеньев этого процесса оказывает влияние на знаково-символическое содержание статусного образа, дополняя его массовыми стереотипами, имеющими двойной, а иногда и противоположный основному смысл. Истоки этого коренятся в конфликте утилитарного и неутилитарного начал в культуре, профессионально-элитарной культуры и культуры повседневности. В результате мы получаем высокий, но во многом сомнительный статусный образ или наоборот низкий по статусу, но в чем-то привлекательный образ. Таковы, например, с одной стороны, статусные образы успешных российских бизнесменов, политиков, управленцев, других публичных личностей, живущих в элитарном мире сомнительных решений, потрясений и рисков; с другой стороны, образы простого или полагающегося только на себя

человека, честной бедности, спокойной частной жизни. Визуализация, как правило, сохраняет эту противоречивость и в отдельных случаях придает статусным образам гротесковый характер.

Единство объективного и субъективного подходов к изучению культурных статусов проявляется, в частности, в том случае, когда мы рассматриваем взаимосвязи объектов и субъектов репродуктивной и творческой деятельности в культуре. Чем больше пространственный и темпоральный масштабы анализа такой деятельности, тем более явным становится синхронизация в изменении статусов действующего субъекта культуры и его артефактов. Без этой коэволюции невозможно обеспечить воспроизводство культуры как целостной системы. В качестве примера описания синхронного изменения статусов приведем характеристику динамики развлекательного жанра современной литературы: «Культурный статус развлекательного нарратива, предстающий как результат позиционирования повествовательной практики в пространстве современной культуры, основывается на признании (в контексте масскульта) ценности досуга, необходимости структурировать свободное время человека масс-превращения массового человека в массового читателя...» [3, с. 12].

Как видим, возрастание культурного статуса нарративов паралитературы (объектов культурного творчества литераторов) отражает рост ценности досуга как сферы деятельности и как своеобразной субкультуры, а также позитивную динамику статуса массового человека – субъекта потребителя произведений массовой культуры. Эта синхронизация статусов позволяет системе досуговая среда – субъект-создатель – производство – субъект-потребитель устойчиво функционировать и динамично изменяться в режиме «вызов – ответ».

Такая синхронизация изменений (коэволюция) культурных статусов позволяет устойчиво функционировать креативному и репродуктивному уровням культуры как относительно замкнутым и автономным социокультурным системам. Она становится важным моментом в выработке и совершенствовании как традиций культурного творчества, так и стереотипов и традиций массовой культуры. У законодателей «духовной моды» и новаторов культурного творчества довольно быстро появляются эпигоны, подражатели и популяризаторы, переводящие художественный язык культурной богемы на «слэнг» простого человека с улицы. Аналогичным образом культурные находки гениальных самоучек, случайно изобретающих новые культурные формы и элементы стиля, могут получать в руках профессионалов неожиданные

продолжения, наполняться новыми смыслами. В этом отношении в своем взаимном влиянии, динамике и ритмике элитарная и массовая субкультуры сосуществуют как «долгое эхо друг друга».

Бинарное рассмотрение культурного статуса позволяет глубже понять и точнее описать рискогенность современной культуры. С одной стороны, ее гетерогенное, мозаичное пространство, постоянно изменяющее свою конфигурацию, порождает ситуации, когда селекция культурных форм не поспевает за темпом цивилизационных изменений, ограничивается жесткими и непроницаемыми барьерами субкультурных резерваций. Субъекты культуры, вписанные в иерархические структуры, оказываются неспособными к культурному диалогу. Очень часто в современном управляемом обществе властные решения и инновации как по своему содержанию, так и по технологиям осуществления, не учитывают специфику управляемого субкультурного пространства, вступают в конфликт с культурными стереотипами, традициями и образом жизни повседневности, создавая риски непредсказуемых социальных реакций.

С другой стороны, рискогенным фактором выступают и сами субъекты культуры. Способности и компетенции их культурного статуса отстают от их цивилизационно-технологического статуса, когда в руках людей оказываются артефакты техники и технологий, способы применения которых и их последствия определяются методом проб и ошибок. В этой связи очевидно, что статус субъектов современной креативной и репродуктивной культуры должен включать в себя способности осуществлять селекцию артефактов культуры в условиях усиливающегося воздействия неопределенности, социальной девиации, культурного экстремизма. Они связаны как с умением делать выбор, принимать решения, осознавать и брать на себя ответственность за возможные последствия, так и с умением, не ограничиваясь критической рефлексией и самоконтролем, изменять принятое решение, делать его адекватным ситуации, исправлять ошибку.

Исследование объективной и субъективной сторон культурного статуса позволяет глубже понять органическую связь субъекта культуры с контекстом, в который он погружен, а также точнее представить возможности его креативного и репродуктивного воздействия на этот контекст, на все пространство социокультурных взаимодействий будь оно иерархией или сетью.

Поступила в редакцию 24.11.2020, после рецензирования 01.12.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 24.11.2020, revised 01.12.2020, accepted 11.12.2020

Список литературы

1. Артамонова Л. М. Получение Самарой губернского статуса и расширение культурного пространства современного провинциального города // Городская культура и город в культуре : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 3 ч. / под ред. С. В. Соловьевой. Самара : Издательство Самарской государственной академии культуры и искусства, 2012. Ч. 1. С. 266–275.
2. Иванова Ю. В. Трансформация культурного статуса вещи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 2. С. 60–65.
3. Козлов Е. В. Развлекательный нарратив в паралитературе : культурный статус и дискурсивные практики : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. 56 с.
4. Полонский А. В. Культурный статус медийного текста // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 7–18.
5. Савицкая Т. Е. Виртуальная реальность : опыт прояснения культурного статуса // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 33–41.

References

1. Artamonova L. M. Obtaining provincial status in Samara and expanding the cultural space of a modern provincial city. In: *Gorodskaya kultura i gorod v kul'ture* [Urban Culture and City in Culture. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference: in 3 pts. Ed. by S. V. Solov'eva]. Samara, Izdatelstvo Samarskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstva, 2012, pt. 1, pp. 266–275 (in Russian).
2. Ivanova Yu. V. Transformation of the cultural status of a thing. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhduнародnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political Science. Law. International Relationships], 2012, no. 2, pp. 60–65 (in Russian).
3. Kozlov E. V. *Razvlekatelnyy narrativ v paraliterature: kulturnyy status i diskursivnye praktiki* [Entertaining Narrative in Paraliteration: Cultural Status and Discursive Practices]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Filos.). St. Petersburg, 2009. 56 p. (in Russian).
4. Polonskiy A. V. The cultural status of the media text. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2016, no. 1 (11), pp. 7–18 (in Russian).
5. Savickaya T. E. Virtual reality: an experience of clarifying cultural status. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of culture], 2009, no. 1, pp. 33–41 (in Russian).

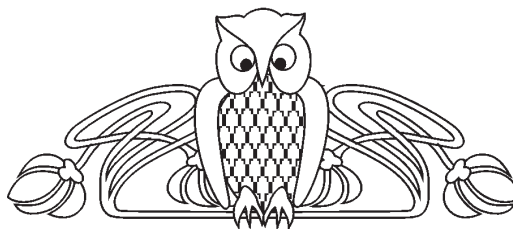
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 57–61
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 57–61

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-57-61>

«Комната для себя»: локальный аспект приватности

Л. В. Чеснокова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, просп. Мира, д. 55-А

Чеснокова Леся Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/000-0003-4283-0443>

Аннотация. В статье рассматривается локальный аспект приватности, воплощенный в человеческом жилище. Цель исследования заключается в философском анализе локального аспекта приватности, выявлении его существенных характеристик. В основу исследования положен комплексный подход, включающий в себя логический, герменевтико-интерпретационный и компаративистский методы. Новизна работы заключается в концептуализации социально-философского феномена локальной приватности. Наличие закрытого от взглядов публики приватного пространства дает индивиду ощущение безопасности и покоя. Во многих культурах дом наделен особой символикой, являясь отображением человеческого тела, расширенным образом «Я». Обустроенное по собственному вкусу жилище, в котором проживают близкие люди и хранятся личные вещи, вызывающие образы и воспоминания, обеспечивает идентичность, ощущение стабильности и укорененности. Пребывание в приватном пространстве дает человеку возможность отдохнуть от социальных ролей, от необходимости постоянной самопрезентации в публичности. Право на частную собственность, защищаемое законами и социальными нормами, гарантирует автономию субъекта. И, напротив, незаконное вторжение в жилище является покушением на человеческую свободу и достоинство. Формулируется вывод о том, что приватное пространство, локализованное в собственной комнате, квартире или доме, является экзистенциальной потребностью человека.

Ключевые слова: дом, локальная приватность, приватное пространство, частная собственность, автономия личности, укромность, защищенность

Для цитирования: Чеснокова Л. В. «Комната для себя»: локальный аспект приватности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 57–61. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-57-61>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-57-61>

“A Room of One's Own”: The local aspect of privacy

Lesya V. Chesnokova, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/000-0003-4283-0443>

Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira Av., Omsk 644077, Russia

Abstract. The article deals with the local aspect of privacy, embodied in a human dwelling. The aim of the research is to philosophically analyze the local aspect of privacy, to identify its essential characteristics. The study is based on an integrated approach that includes logical, hermeneutic-interpretive and comparative methods. The novelty of the work lies in the conceptualization of the socio-philosophical phenomenon of local privacy. The presence of a private space closed from the eyes of the public gives an individual a sense of security and peace. In many cultures, the house is endowed with special symbolism, being a reflection of a human body, an expanded image of “Self”. A home designed according to one's own taste, in which loved ones live and personal belongings that evoke images and memories are stored, provides an identity, a state of stability and rootedness. Staying in a private space provides an opportunity to take a break from social roles, from the need for constant self-presentation in public. The right to private property, protected by laws and social norms, guarantees the autonomy of the subject. On the contrary, unlawful entry into a home is an attack on human freedom and dignity. A private space, localized in one's own room, apartment or house, is a person's existential need.

Keywords: home, local privacy, private space, private property, individual autonomy, privacy, security

For citation: Chesnokova L. V. “A Room of One's Own”: The local aspect of privacy. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 57–61 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-57-61>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Собственный дом, квартира, комната... Очевидно, эта экспликация приватности является самой традиционной и классической. Именно здесь локализована приватная жизнь индивида. Приватная домашняя сфера подразумевает нечто большее, чем просто некая часть пространства. Организация жизни в приватном пространстве конститутивно связана с идеей закрытости, безопасности и сепарации от публичного, от других людей. Приватный мир дома зачастую дефинируется как противоположность жесткому конкурентному миру публичности: сферам политики и экономики, базирующимся на стремлении к власти и выгоде, конкуренции и расчете. В качестве атрибутов приватного пространства, противопоставляемых публичному, называют защищенность и надежность, теплоту и уютомность, а также возможность уединения благодаря наличию «комнаты для себя» [1].

Локальный аспект акцентирует физическую сторону приватности. Локальная приватность – материальная, очевидная, она всегда связана с определенным местом. «Локальная приватность предоставляет в распоряжение стены, которые позволяют субъекту, не полагаясь на сознательность других людей, чувствовать себя в безопасности» [2, с. 49]. По мнению М. Риттера, это наиболее базовый аспект приватности, поскольку он делает возможной автономию без вовлечения других субъектов и их социальной компетентности [2].

Однако локальная приватность включает в себя не только материальный аспект. Существует как физическая, так и метафизическая составляющая жилого дома. К материальной относятся стены, крыша, вещи; к нематериальной – образы, привязанности и воспоминания. Многие европейские языки отражают это разделение на материальную и нематериальную стороны человеческого жилья, разделив понятия дома как здания и дома как индивидуального приватного пространства, наполненного личными смыслами. В качестве примера можно привести существование такой пары слов, как *house* и *home* в английском и *Haus* и *Heim* в немецком языках.

С философской точки зрения, жилью приписывается фундаментальное антропологическое значение. Дом поддерживает своих жителей в самых разнообразных природных и общественных катаклизмах. Существует человеческая ностальгия по дому: по уютности, защищенности, принятию родными людьми. «Дом занимает двойственную позицию – утопической фантазии о семейной жизни, привязанности к родному гнезду, теплоте и интимности, святилище, происхождению или корням, начале жизни» [3, с. 29].

Жилище должно соответствовать экзистенциальным потребностям человека. Дом соразмерен человеку и является воплощением «человеческого времени-памяти и человеческого пространства – обитаемого космоса, тела и разума индивидуального и социального бытия, технического и творческого аспекта человеческой деятельности» [4].

Во всех культурах жилище наделяется особой символикой. Как отмечает о. П. Флоренский, дом имеет своим первообразом тело человека. Тело сравнивается с «домом души, с жилищем разума. Тело уподобляется жилищу, ибо самое жилище есть отображение тела» [5, с. 415–416]. Как дом подобен телу в целом, так и некоторые его составляющие, по мнению Флоренского, приравниваются к его отдельным органам: водопровод соответствует артериям и венам, электрические провода – нервной системе, печное отопление – легким и т. п. И поскольку жилище есть отображение тела, то непрошеное вторжение в него, нарушение приватности воспринимается как угроза человеческому Я.

Дом – это повседневное пространство, в котором люди проводят много времени. Едва ли что-то дает более точные сведения о человеке, нежели обстановка его квартиры. «Вид жилья и выбор жилого квартала говорит о социальной принадлежности, и, вольно или невольно, домовладелец совершает акт самопрезентации» [6, с. 26].

В отличие от внешней среды человек в гораздо большей степени может влиять на пространство собственного дома. Он может обставить жилище по своему собственному вкусу. Вещи, хранящиеся здесь, помимо утилитарных функций, наделяются символическим, ценностным значением: они напоминают о тех или иных событиях прошлого, о детстве, об умерших родственниках и т.п. Дом, обустроенный по индивидуальному вкусу, делает бытие личностным и комфортным, отражая стремление человека быть самим собой.

Дом – это место, ставшее своим, где человек испытывает пренатальное чувство безопасности. Согласно английской пословице «мой дом – моя крепость». Дом как убежище, т. е. обжитое уютное пространство, закрытое от враждебных воздействий внешнего мира, дает человеку опору, стабильность, ощущение эмоциональной поддержки, надежности и устойчивости бытия.

В приватном пространстве, где отсутствуют чужие люди, обитатели дома имеют возможность снять защитную социальную маску. Локальная приватность делает возможными доверительные отношения, искреннюю демонстрацию эмоций и

телесную интимность. В домашнем пространстве в отличие от сферы публичности господствуют не холодный расчет, безжалостная конкуренция и стремление к выгоде, а теплота, эмоциональная привязанность, отношения любви и заботы. Поэтому таким отношениям необходима защитная сфера, которая связывается с темнотой, закрытостью, непрозрачностью для других. Выходя за дверь, из своего обжитого домашнего пространства – в необжитое, из закрытой от чужих взглядов сферы приватного – в пространство публичное, человек подвергается стрессам, опасностям и напряжениям внешнего мира.

Только благодаря наличию дома человек как слабое и уязвимое по своей природе существо может пребывать в неблагоприятной внешней среде. В качестве защиты от природных катаклизмов он изобрел одежду и жилище («вторую и третью кожу»), которые позволили ему вырваться за границы его природной предопределенности и расселиться во всех климатических зонах нашей планеты. Благодаря наличию защищенного пространства человек теперь может тратить свои силы и энергию для других видов деятельности: производства, науки, культуры.

Следует упомянуть также проприетарный аспект приватности, восходящий еще к идее Дж. Локка о том, что человек в результате труда сделал ничейные территории своими собственными «и, таким образом, они стали его частным правом» [7, с. 18], и он получил собственное узаконенное место в мире. С политической точки зрения, право на приватность представляет собой предпосылку буржуазных прав на свободу, а в юридическом смысле приватная собственность должна гарантировать право на защиту от несанкционированного вторжения.

Х. Арендт отмечает, что приватность гарантирует человеку укромность и безопасность. Некоторые вещи по своей природе должны быть закрыты от света публичности. В качестве примера Арендт называет рождение и смерть. Она объясняет сакральность этих процессов тем, что мы не знаем, куда попадем, когда умрем, и откуда мы приходим, когда рождаемся. Все люди нуждаются в «укрытости тьмы», в особенности дети, которые, находясь в процессе становления, не вынесут, если постоянно будут выставляемы в свет публичности. Также и взрослые нуждаются для развития своей личности в укромном, закрытом от чужих глаз пространстве. Для того чтобы предоставить защиту от безжалостного любопытства публики, требуется приватная собственность, куда никто чужой не имеет входа, и где человек «одновременно укрыт и сокрыт» [8, с. 93].

С наличием собственного дома в Античности связывалась возможность участия в публичной жизни. Приватная собственность означала свободу над необходимостью принудительного труда, считавшегося участием рабов. «Собственность предлагает крепости приватности материальный фундамент. Не существует личной свободы без политической гарантии приватной собственности, и не существует независимости мнений и действий без минимума экономической самостоятельности» [9, с. 100].

Защита частной собственности гарантирует свободу, безопасность и порядок, поскольку закон запрещает другим лицам доступ в чужое жилище. Лишь собственник имеет право распоряжаться своим домом и личными вещами. Юридически узаконенные отношения собственности гарантируют уверенность и безопасность. В конституциях и сборниках законов многих стран мира обозначена правовая защита локальной приватной сферы, что свидетельствует о ее важности как для индивида, так и для социума в целом.

Приватное пространство дома обладает стабилизирующей функцией, гарантируя политическую устойчивость. Человеку, не имеющему собственности, нечего терять. «Являясь в определенном смысле оборонительным рубежом, Дом повышает резистентность человека» [10], придает достоинство и уверенность в себе. Дом является символом устойчивости и благополучия, спокойствия и порядка.

Одной из важнейших характеристик локальной приватности является ее ограниченная доступность для посторонних и возможность владельца самостоятельно определять, кого он хочет видеть у себя дома, а кого – нет. Это право является важнейшим отличительным признаком собственного жилья от публичного пространства, которое в принципе должно быть доступно для всех без ограничений.

Защищают приватное пространство не только государственные законы, но и социальные нормы. В большинстве культур вход в чужое жилье маркирован с помощью определенных знаков: камней, изгородей, дверей, занавесей, представляющих собой границу между публичным и приватным пространствами. Звонок или стук в дверь, обозначающие просьбу разрешения войти, служат не просто проявлением вежливости и тактичности, но и свидетельствуют об уважении и готовности признавать за другим человеком права на наличие собственного приватного пространства.

И, напротив, пренебрежение этой социальной нормой – признак отсутствия уважения к индивиду, к его личным границам. В первую очередь такое отсутствие возможности иметь закрытое от чужих глаз неприкосновенное пространство, постоянная «прозрачность» индивида характеризуют тоталитарные режимы, стремящиеся нивелировать личность, когда никакое действие, никакая мысль не должны оставаться бесконтрольными.

Пространственный аспект приватности является, таким образом, краеугольным камнем философии автономного субъекта. Фундаментальная черта западной культуры – поддержание индивидуализма, включая право на свободу от незаконного вмешательства. Э. Блоустейн предполагает, что неуважение к приватности представляет собой пренебрежение личностным достоинством человека. С этим связаны юридические запреты на непрошеное вторжение в чужой дом, подглядывание и подслушивание. «Человек, вынужденный жить каждую минуту своей жизни среди других, каждое желание, мысль, потребность или фантазия которого становятся предметом публичного любопытства, депривирован в своей индивидуальности и человеческом достоинстве» [11, с. 188]. Его существование утрачивает черты уникальности и неповторимости.

Пребывание в своем приватном пространстве дает индивиду возможность побыть вне общества, вдали от тревог и стрессов повседневной жизни. «Стены дома – это граница между миром частной жизни и миром публичным [12, с. 92]. Собственное жилье скрывает его владельца от чужих взглядов, предоставляя возможность отдыха от навязанных обществом социальных ролей, от вынужденной публичной самопрезентации, реализует человеческую потребность в уединении. В собственном доме как неприкосновенном убежище можно строить личные планы, посвящать время своим увлечениям, предаваться ничегонеделанию, не будучи вынужденным держать перед кем-то отчет или оправдываться.

Следовательно, наличие локального приватного пространства жизненно важно для индивида, поскольку тот нуждается в месте, где он мог бы чувствовать себя в безопасности и покое. Дом – место, которое можно обустроить по своему вкусу, где хранятся личные вещи и куда имеют доступ только родные и близкие, где можно жить, не подчиняясь навязанным извне правилам, и где человек реализует экзистенциальное право на личную свободу и автономию.

Список литературы

1. Вульф В. Своя комната. URL: <http://apropospage.ru/person/vulf/newsvulf3.html> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Ritter M. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 139 S.
3. Prenelle J. Memory, Modernity and Urban Psychosis. The Spectacular Aesthetics of Madness // *Utopie Heimat – Psychiatrische und kulturphilosophische Zugänge* (hrsg. von M. Heinze). Berlin : Parodos Verlag, 2011. S. 23–32.
4. Разова Е. Л. Проблематизация концептов Дома и Пути в европейской мысли XX века. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/razova-el/problematicizaciya-konceptov-doma-i-puti-v-evropeyskoj-mysli-hh-veka> (дата обращения: 12.10.2020).
5. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1999. 621 с.
6. Eibach J. Das Haus in der Moderne // *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch* (hrsg. von J. Eibach, J. Schmidt-Voges). Berlin : Walter de Gruyter, 2015. S. 19–37.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении // *Собр. соч.* : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. 668 с.
8. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
9. Sofsky W. Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift. München : Beck, 2007. 158 S.
10. Климова С. В. Кризис и дом. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/krizis-i-dom-0> (дата обращения: 12.10.2020).
11. Bloustein E. I. Privacy as an aspect of human dignity. An Answer to Dean Prosser // *Philosophical Dimensions for Privacy : An Anthology* / ed. by F. D. Schoeman. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 156–202.
12. Чеснокова Л. В. Дом как пространство приватности // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия.* 2019. № 2 (32). С. 91–97.

References

1. Woolf V. *A Room of One's Own* (Rus. ed.: Wulf V. *Svoya komnata*) Available at: <http://apropospage.ru/person/vulf/newsvulf3.html> (accessed 12 October 2020) (in Russian).
2. Ritter M. *Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 139 S.
3. Prenelle J. Memory, Modernity and Urban Psychosis. The Spectacular Aesthetics of Madness. In: *Utopie Heimat – Psychiatrische und kulturphilosophische Zugänge* (hrsg. von M. Heinze). Berlin, Parodos Verlag, 2011. S. 23–32.
4. Razova E. L. *Problematization of the concepts of Home and Path in European thought of the 20th century*.

- Available at: <http://apropospage.ru/person/vulf/news-vulf3.html> (accessed 12 October 2020) (in Russian).
5. Florenskiy P. A. *Sochineniya*: v 4 t. T. 3 [Collected works: in 4 vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 621 p. (in Russian).
 6. Eibach J. Das Haus in der Moderne. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch* (hrsg. von J. Eibach, J. Schmidt-Voges). Berlin, Walter de Gruyter, 2015. S. 19–37.
 7. Locke J. *Two treatises of government*. Collected works: in 3 vols. Vol. 3. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 464 p. (Russ. ed.: Lokk Dzh. *Dva traktata o pravlenii: Sobraniye sochineniy*: v 3 t. T. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 668 p.).
 8. Arendt H. *Vita activa oder vom tätigen Leben*, Stuttgart, W-Kohlhammer GmbH, 1960. 372 S. (Russ. ed.: Arendt H. *Vita activa, ili o deyatel'noy zhizni*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 437 p.).
 9. Sofsky W. *Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift*. München, Beck, 2007. 158 S.
 10. Klimova S. V. *Krizis i dom* (Crisis and house). Available at: <http://apropospage.ru/person/vulf/newsvulf3.html> (accessed 12 October 2020) (in Russian).
 11. Bloustein E. I. Privacy as an aspect of human dignity. An Answer to Dean Prosser. *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 156–202.
 12. Chesnokova L. V. Home as a space of privacy. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya* [Voronezh State University Bulletin. Philosophy Series], 2019, no. 2 (32), pp. 91–97 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.11.2020, после рецензирования 18.11.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 05.11.2020, revised 18.11.2020, accepted 11.12.2020

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 62–67
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 62–67

Научная статья
УДК 316.61
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-62-67>

Динамика показателей межличностных отношений курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации

Д. А. Мещеряков

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

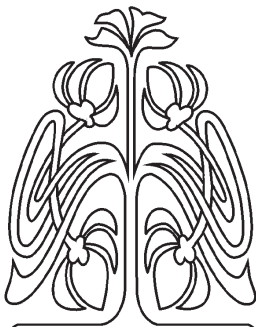
Мещеряков Денис Александрович, адъюнкт, dma21051980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8959-3556>

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема межличностных отношений среди военнослужащих. Актуальность изучения данной проблемы определяется высокой значимостью этой особой социальной группы, выполняющей функцию защиты общества и государства. Цель исследования – в контексте изучения специфики межличностных отношений среди военнослужащих изучить динамику показателей различных характеристик (стилей) межличностных отношений курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации. В качестве гипотезы выдвигается предположение, что специфика военной службы предполагает предпочтение курсантами определенных стилей межличностных отношений на всех этапах военной социализации. В исследовании приняли участие 182 курсанта мужского пола Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации в возрасте от 18 до 26 лет, $M = 20,5$ лет. Объем выборки: I курс – $n = 38$; II курс – $n = 48$; III курс – $n = 28$; IV курс – $n = 32$; V курс – $n = 36$. Для определения индивидуального стиля межличностного отношения использовалась методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири (модификация Л. Н. Собчик). В ходе эмпирического исследования было установлено, что характеристики межличностных отношений в процессе военной социализации развиваются достаточно активно. Наблюдается постоянная положительная динамика стилей межличностных отношений, направленных на сотрудничество, взаимопомощь, принятие ответственности. На основе сравнительного анализа выявлено, что наиболее предпочтительными стилями межличностных отношений являются авторитарный, эгоистичный, дружелюбный и альтруистический.

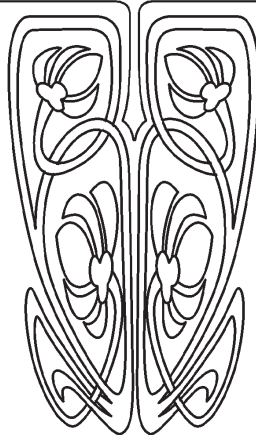
Ключевые слова: взаимодействие, межличностные отношения, стили межличностных отношений, динамика, курсанты, военная социализация

Для цитирования: Мещеряков Д. А. Динамика показателей межличностных отношений курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 62–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-62-67>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-62-67>

Dynamics of indicators of interpersonal relationships of courses of a military university at different stages of military and professional socialization

Denis A. Meshcheryakov, dma21051980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8959-3556>

Saratov military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Abstract. The article deals with the actual problem of interpersonal relations among military personnel. The urgency of studying this problem is determined by the high importance of this special social group, which performs the function of protecting society and the state. The purpose of the paper is to study the dynamics of indicators of various characteristics (styles) of interpersonal relations among cadets of a military higher educational institution in the process of military-professional socialization in the context of studying the specifics of interpersonal relations among military personnel. As a hypothesis, it is suggested that the specifics of military service presupposes cadets' preference for certain styles of interpersonal relations at all stages of military socialization. The study involved 182 male cadets of Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops, aged 18 to 26 years, $M = 20.5$ years. Sample size: 1st academic year – $n = 38$; 2nd year – $n = 48$; 3rd year – $n = 28$; 4th year – $n = 32$; 5th year – $n = 36$. To determine the individual style of interpersonal relations, the methodology "Diagnostics of interpersonal relations" by T. Leary (modified by L. N. Sobchik) was used. In the course of empirical research, it was found that the characteristics of interpersonal relations in the process of military socialization are developing quite actively. There is a constant positive dynamics of the styles of interpersonal relations aimed at cooperation, mutual assistance, and acceptance of responsibility. Based on a comparative analysis, it was revealed that the most preferred styles of interpersonal relations are authoritarian, selfish, friendly and altruistic styles.

Keywords: interaction, interpersonal relations, styles of interpersonal relations, dynamics, cadets, military socialization

For citation: Meshcheryakov D. A. Dynamics of indicators of interpersonal relationships of courses of a military university at different stages of military and professional socialization. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 62–67. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-62-67>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Изучение проблемы взаимодействия людей по сей день является актуальной и важной задачей социальной психологии. Полноценное и всестороннее развитие личности в современном обществе невозможно вне социализации, без вступления в общественные отношения, без общения с другими людьми (межличностных отношений). Если брать военную организацию как часть общества, а военную социализацию как один из элементов общего процесса социализации, то можно утверждать, что полноценное и гармоничное становление будущего военного руководителя, офицера, невозможно без получения определенного опыта взаимодействия с сослуживцами, командирами, начальниками. Ни для кого не секрет, что межличностные отношения внутри любого коллектива существенно влияют на эффективность выполняемых этим коллективом задач, данный вопрос был освещен в работах ряда исследователей [1–3]. В случае с военнослужащими также прослеживается прямая связь характера межличностных отношений в воинском коллективе и успешного выполнения им коллективной служебной деятельности. То есть по сути весь процесс военной социализации направлен на формирование цельной личности – воина, защитника, способного эффективно выполнять

задачи в составе подразделения (как руководителя и как подчиненного). Для основной массы будущих офицеров процесс военной социализации начинается с поступления в военный институт. Проблема динамики показателей межличностных отношений у курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации представляет собой большой научный интерес и несомненную актуальность. Во-первых, с научно-теоретической точки зрения, это связано с важностью получения нового научного знания в области социальной психологии общения и взаимодействия (в последующем направленного на совершенствование методов эффективного управления воинскими подразделениями); во-вторых, с практической точки зрения, связано с разработкой рекомендаций для командиров подразделений, офицеров органов по работе с личным составом и военных психологов.

Теоретический анализ проблемы

Проблема межличностного взаимодействия в целом и межличностных отношений в частности носит междисциплинарный характер. В таких науках, как социология, политология, конфликтология, педагогика, философия, психология (в курсе социальной психологии) сложились свои точки зрения на данную проблему. В настоящем

исследовании не ставится задача осветить все аспекты, касающиеся межличностных отношений в воинских коллективах, лишь реализуется попытка путем сравнительного анализа динамики их показателей в процессе военной социализации выявить наиболее предпочтительные стили межличностных отношений курсантов военных вузов. Значимую роль в изучении межличностных отношений сыграли такие исследователи, как Г. М. Андреева [4], Н. В. Гришина [5], Е. П. Ильин [6], Р. М. Шамянов [7] и другие авторы. К вопросу изучения развития личности в условиях военной социализации обращались А. В. Созонник [8, 9], Т. Л. Лопуха, А. А. Манин, В. А. Чебатарёв [10] и др. Явный недостаток научных трудов, посвященных динамике показателей стилей межличностных отношений в процессе военной социализации курсантов военных вузов, обусловил актуальность данной работы. Цель настоящего исследования – изучить динамику показателей различных характеристик (стилей) межличностных отношений курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации. Гипотеза исследования заключается в том, что специфика военной службы предполагает выбор курсантами определенных стилей межличностных отношений на всех этапах военной социализации. Предметом исследования послужили особенности динамики показателей стилей межличностных отношений в процессе военно-профессиональной социализации. Сформулированы следующие задачи: выявить наиболее предпочтительные стили межличностных отношений; поэтапно изучить особенности динамики показателей стилей межличностных отношений в процессе военно-профессиональной социализации.

Методологическая основа исследования

Методологической основой исследования послужили общенаучный системный подход, принцип детерминизма, системно-диахронический подход к анализу процесса социализации личности (Р. М. Шамянов [11]). Эмпирические данные получены с помощью метода опроса и анкетирования. Изучение полученных результатов осуществлялось посредством применения метода сравнения и описательной статистики. Для определения индивидуального стиля межличностного отношения была использована модифицированная методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, которая включает в себя 128 пунктов и предоставляет возможность исследовать представления субъекта о себе и идеальном «Я», а также исследовать взаимоотношения, складывающиеся в малых группах. С помощью

данной методики определяется доминирующий тип отношений к людям в оценке самого себя и взаимной оценке с окружающими.

Результаты исследования и их обсуждение

В целях более качественного изучения динамики показателей различных характеристик стилей межличностных отношений курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации рассмотрим данные средних и стандартных отклонений указанных характеристик и проанализируем их выраженность на разных этапах военной социализации (таблица).

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что существуют различия в выраженности авторитарного стиля межличностного отношения на младшем и старших курсах. Если для первого курса авторитарный стиль заключается в большей степени в уверенности в своих силах, упорстве и настойчивости респондента (не обязательно лидерстве), то со второго по пятый курс авторитарный стиль характерен для энергичных, компетентных и авторитетных военнослужащих, требующих к себе уважения. Показатели эгоистического стиля межличностного отношения говорят о том, что на третьем курсе достаточно велика разница в ориентации на себя между курсантами. Индекс стиля на данном этапе варьирует от умеренного до откровенно высокого значения. Все это, в сравнении с начальным этапом военной социализации, указывает на то, что если на первом курсе у молодых людей данный стиль межличностного отношения выражается в большей степени как склонность к соперничеству, то на третьем курсе у ряда военнослужащих проявляются достаточно сильные эгоистические черты, яркая ориентация на себя и свои интересы. Агрессивный стиль межличностного отношения имеет схожие характеристики развития с эгоистическим. Но если на первом курсе агрессивность выражается, скорее, как упрямство, настойчивость, энергичность, то на третьем курсе этот стиль общения может воплотиться в непримиримость, склонность во всем обвинять окружающих, насмешливость, строгость и резкость в оценке других, переходящую в откровенную прямолинейность. Показатели подозрительного стиля межличностного отношения варьируют от низких до умеренных значений. Это свидетельствует о том, что в процессе военной социализации данный стиль общения реализуется в большей степени как критическое отношение к окружающей действительности (людям, социальным явлениям и т.д.).

Имеющиеся данные, характеризующие подчиняемый стиль межличностного отношения, позволяют нам сделать вывод, согласно которому

Данные средних и стандартных отклонений показателей стилей межличностных отношений на разных этапах военной социализации
Data of mean and standard deviations of indicators of styles of interpersonal relations at different stages of military socialization

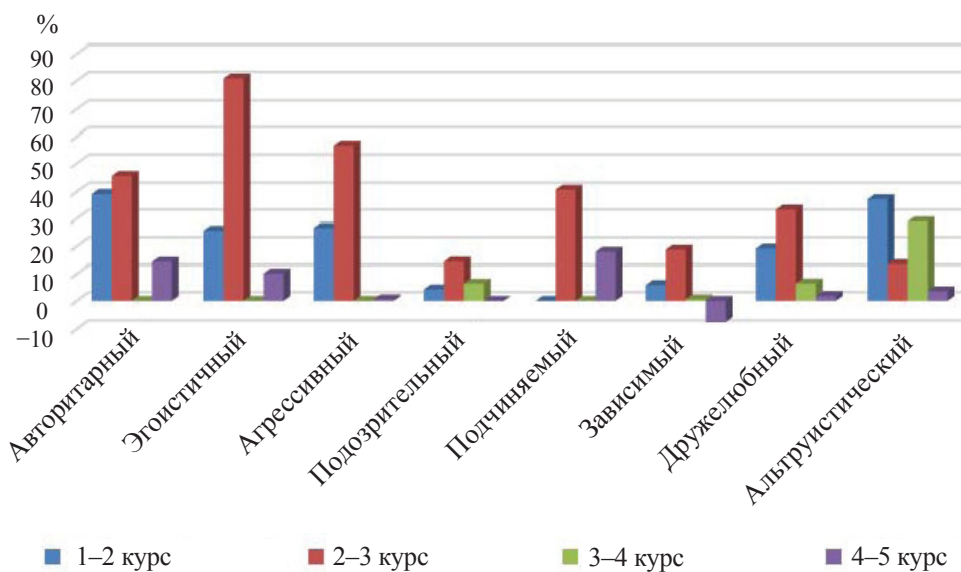
Курсы	Стили							
	Авторитарный	Эгоистичный	Агрессивный	Подозрительный	Подчиняемый	Зависимый	Дружелюбный	Альтруистический
	Среднее, M ± SD							
I	3,55 ± 2,53	3,03 ± 2,66	2,84 ± 2,16	2,34 ± 2,34	2,26 ± 2,25	2,87 ± 2,38	2,92 ± 2,65	2,66 ± 3,04
II	4,94 ± 4,23	3,81 ± 3,27	3,60 ± 3,26	2,44 ± 2,64	2,21 ± 3,19	3,04 ± 2,85	3,48 ± 3,31	3,65 ± 3,66
III	7,18 ± 4,00	6,89 ± 3,72	5,64 ± 4,20	2,79 ± 2,96	3,11 ± 2,48	3,61 ± 3,02	4,64 ± 3,75	4,14 ± 3,30
IV	6,66 ± 4,44	5,47 ± 2,97	5,22 ± 3,72	2,97 ± 3,55	2,78 ± 2,67	3,63 ± 2,81	4,94 ± 4,07	5,34 ± 3,86
V	7,61 ± 4,11	6,03 ± 3,28	5,25 ± 3,53	2,97 ± 2,88	3,28 ± 3,20	3,36 ± 2,66	5,03 ± 3,91	5,53 ± 3,81
	Этапы военной социализации, %							
I-II	39,15	25,74	26,76	4,27	-2,21	5,92%	19,17%	37,21%
II-III	45,34	80,83	56,66	14,34	40,72%	18,75%	33,33%	13,42%
III-IV	-7,24	-20,60	-7,44	6,45	-10,61%	0,55%	6,46%	28,98%
IV-V	14,26	10,23	0,57	0,00	17,98%	-7,43%	1,82%	3,55%

в целом для курсантов военного института данный стиль отношения выражается в скромности, эмоциональной сдержанности, способности подчиняться, послушном и честном выполнении своих служебных обязанностей. Для зависимого стиля межличностного отношения общими чертами среди курсантов в большинстве случаев являются конформизм, определенная мягкость, необходимость в посторонней помощи и ожидание советов, доверчивость по отношению к людям, явная склонность к восхищению окружающих, вежливость.

Дружелюбный стиль межличностного отношения более выражен по сравнению с предыдущими двумя. Но если на первом курсе дружелюбие в общении выражается в большей степени как ориентированность на сотрудничество, кооперацию, склонность к поиску компромиссов и конструктивному решению возникающих проблем, инициативный энтузиазм в достижении целей группы, то на пятом курсе оно может выражаться как позитив, приветливость и учтивость со всеми, стремление к целям микрогрупп, принятию обществом. Альтруистический стиль межличностного отношения сохраняет общую для всех стилей тенденцию к увеличению показателя от младшего курса к старшему. Если рассматривать раз-

личия в выраженности данного стиля на разных этапах военной социализации, то можно прийти к следующему выводу: на начальных этапах альтруистический стиль общения у курсантов выражен, скорее, ответственностью по отношению к окружающим людям, деликатностью, мягкостью, добротой, умением подбодрить и успокоить товарища, бескорыстием и отзывчивостью. На заключительных этапах данный стиль может отличаться гиперответственностью, навязчивостью в своей поддержке, излишним покровительством и зачастую гиперактивностью по отношению к окружающим людям, стремлением принимать на себя ответственность за других (может быть только внешняя «маска», скрывающая личность противоположного типа) (рисунок).

Как видно из рисунка, с первого по третий курс практически все стили межличностного отношения демонстрируют положительную динамику. Исключение составляет подчиняемый стиль, который с первого по второй курс характеризуется незначительной отрицательной динамикой (-2,21%). Это, по нашему мнению, свидетельствует о некотором уменьшении скромности и сдержанности и связанном с адаптацией обретением определенной уверенности курсантами к началу второго курса.

Изменение показателей стилей межличностных отношений на разных этапах военной социализации (цвет online)
Change in indicators of styles of interpersonal relations at different stages of military socialization (color online)

С третьего по четвертый курс идут на снижение показатели авторитарного, эгоистичного, агрессивного и подчиняемого стилей межличностного отношения. В то же время демонстрируют положительную динамику показатели подозрительного стиля общения, характеризующегося, как и агрессивный стиль, преобладанием неконформных тенденций и склонностью к конфликтным проявлениям (данная положительная динамика, по-видимому, связана с повышением критического отношения к окружающим явлениям и людям). Также положительная динамика затрагивает дружелюбный, альтруистический и зависимый стили. Вероятно, данная динамика стилей межличностных отношений связана с преодолением курсантами кризисного этапа военной социализации и большей включенностью в процесс боевой учебы и службы.

С четвертого по пятый курс положительная динамика затрагивает практически все стили межличностных отношений, за исключением подозрительного стиля, имеющего нулевую динамику, а также зависимого стиля, демонстрирующего отрицательную динамику (-7,43%). Считаем, что такие изменения, происходящие со стилями межличностных отношений, могут говорить о закономерном завершении процесса военной социализации в военном институте. Выпускники в основной своей массе в межличностном общении, по-видимому, более склонны демонстрировать энергичность, компетентность, склонность к здоровой конкуренции, продвиже-

нию своих интересов, достаточно критически относиться к окружающим; будущие офицеры понимают значение принципа единоначалия и демонстрируют способность подчиняться, склонны к дружелюбию и ориентированы на принятие и социальное одобрение, ответственны. В то же время снижаются доверчивость, потребность в ожидании помощи и советов, повышается самостоятельность.

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наименее предпочтительными на всех этапах социализации курсантов являются такие стили взаимоотношений, как подозрительный, подчиняемый и зависимый. Наиболее предпочтительными являются авторитарный, эгоистичный, дружелюбный и альтруистический стили.

Итоги проведенного сравнительного анализа подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о том, что в процессе военной социализации курсанты в основном отдают предпочтение определенным (т. е. авторитарному, эгоистичному, дружелюбному и альтруистическому) стилям межличностных отношений. Это, в свою очередь, исходя из характеристик вышеупомянутых стилей, говорит о том, что в процессе военной социализации происходит становление (формирование) личности, умеющей управлять и подчиняться, действовать в команде, но не поступаться собственными интересами.

Список литературы

1. Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики: методическое руководство. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. М.: Издательство МКЦ ГУ по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома, 1990. 48 с.
2. Донцов А. И. Психология коллектива: методологические проблемы исследования. М.: Издательство Московского университета, 1984. 208 с.
3. Будаева Э. В. Влияние межличностных отношений на эффективность труда в трудовом коллективе // Бюллетень науки и практики. 2016. № 8 (9). С. 237–241. DOI: 10.5281/zenodo.60268
4. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высшей школы. М.: Аспект-Пресс, 1999. 375 с.
5. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2001. 448 с.
6. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 321 с.
7. Шамионов Р. М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 94–99.
8. Созонник А. В. Характеристики личности и преодолевающего поведения в условиях военно-профессиональной социализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4 (7). С. 260–263.
9. Созонник А. В., Веретельникова Ю. Я. Трансформации ценностной структуры личности курсанта в процессе военно-профессиональной социализации // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20, № 4. С. 153–157.
10. Лопуха Т. Л., Манин А. А., Чебатарев В. А. Воинская социализация военнослужащих в системе работы с личным составом // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 113–118.
11. Шамионов Р. М. Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (дата обращения: 09.12.2020).
12. Interpersonal Relations. Modified Version of T. Leary's Interpersonal Diagnostics]. Moscow, Izdatel'stvo MKTs GU on labor and social issues of the Moscow City Executive Committee Publ., 1990. 48 p. (in Russian).
13. Dontsov A. I. *Psikhologiya kollektiva. Metodologicheskie problemy issledovaniya* [Psychology of the Team. Research Methodological Problems]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. 208 p. (in Russian).
14. Budaeva E. V. The influence of interpersonal relations on the efficiency of labor in the labor collective. *Byulleten nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2016, no. 8 (9), pp. 237–241 (in Russian). DOI: 10.5281/zenodo.60268
15. Andreeva G. M. *Sotsialnaya psikhologiya: Uchebik dlya vysshey shkoly* [Social Psychology: Textbook for Higher School]. Moscow, Aspect-Press Publ., 1999. 375 p. (in Russian).
16. Grishina N. V. *Psikhologiya konflikta* [Psychology of Conflict]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 448 p. (in Russian).
17. Ilyin E. P. *Psikhologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnosheniy* [Psychology of Communication and Interpersonal Relations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 321 p. (in Russian).
18. Shamionov R. M. Personality as a subject of relations and relationships. *Izvestiya Saratov University. New Series, Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 1, pp. 94–99 (in Russian).
19. Sosonnik A. V. Characteristics of personality and overcoming behavior in the conditions of military-professional socialization. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 2011, no. 4 (7), pp. 260–263 (in Russian).
20. Sozonnik A. V., Veretelnikova Yu. Ya. Transformation of the value structure of a cadet's personality in the process of military-professional socialization. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics], 2014, vol. 20, no. 4, pp. 153–157 (in Russian).
21. Lopukha T. L., Manin A. A., Chebatarev V. A. Military socialization of servicemen in the system of work with personnel. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2018, no. 2 (69), pp. 113–118 (in Russian).
22. Shamionov R. M. Socialization of personality: system-diachronic approach. *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Research), 2013, vol. 6, no. 27. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (accessed 9 December 2020) (in Russian).

References

Поступила в редакцию 11.12.2020, после рецензирования 14.12.2020, принята к публикации 20.12.2020
 Received 11.12.2020, revised 14.12.2020, accepted 20.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 68–73
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 68–73

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-68-73>

Психологические особенности сотрудников, реализующих аудиторско-контроллинговые функции непосредственного управления организацией

И. Н. Носс, Т. Н. Кабанова[✉]

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, Россия, 119034, г. Москва, Кротоцкий пер., д. 23

Носс Игорь Николаевич, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, innoss2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4474-7053>

Кабанова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, tatianak0607@yadex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7834-053X>

Аннотация. Роль контрольных структур в экономической деятельности как государства, так и частных предприятий возрастает. Персонал контрольных, аудиторских и контроллинговых структур выполняет специфические задачи и является эффективным инструментом управления системой персонала. Поэтому к нему предъявляются особые личностно-профессиональные требования. Специалисты должны иметь определенные профессиональные знания, специфические когнитивные особенности и коммуникативные качества. Изучение психологических особенностей данной экономической категории, ее роли на современном этапе эволюционного развития менеджмента представляется значимым и важным для развития российских предприятий. Исследование персонала было организовано в соответствии с программой изучения интеллектуальных, поведенческо-характерологических и мотивационных аспектов деятельности сотрудников различных возрастных когорт. В статье исследованы поведенческие и характерологические особенности сотрудников в сложных ситуациях, установлена зависимость уровня развития когнитивных особенностей и динамики характерологических черт от возраста сотрудников. Проведен анализ эффективности сотрудников с личностными акцентуациями, выявлены наиболее эффективные способы мотивации и стимулирования персонала контрольно-ревизионных подразделений. Предложен вариант исследования личностно-профессиональных навыков сотрудников, реализующих аудиторско-контроллинговые функции. Дальнейшая работа по созданию системы оценки психологических особенностей персонала аудиторских и контроллинговых структур будет способствовать развитию и эффективному функционированию предприятий.

Ключевые слова: аудиторско-контроллинговые функции, функции управления, эффективное функционирование организации, личностно-профессиональные требования, принятие решений

Для цитирования: Носс И. Н., Кабанова Т. Н. Психологические особенности сотрудников, реализующих аудиторско-контроллинговые функции непосредственного управления организацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 68–73. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-68-73>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-68-73>

Psychological characteristics of employees who implement audit and controlling functions of direct management of the organization

Igor N. Noss, innoss2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4474-7053>

Tatiana N. Kabanova[✉], tatianak0607@yadex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7834-053X>

The Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, 23 Kropotkinsky Alleyway, Moscow 119034, Russia

Abstract. The role of control structures in the economic activity of both the state and private enterprises is increasing. The personnel of control, audit and controlling structures perform specific tasks and are an effective tool for managing the personnel system. Therefore, special personal and professional requirements are imposed on them. Specialists must have certain professional knowledge, specific cognitive characteristics and communication qualities. The study of the psychological characteristics of this economic category, its role at the present stage of the evolutionary development of management seems to be significant and important for the development of Russian enterprises. The study of personnel was organized in accordance with the program for studying the intellectual, behavioral, characterological and motivational

aspects of the activities of employees of various age cohorts. The article investigates the behavioral and characterological characteristics of employees in difficult situations, reveals the dependence of the level of development of cognitive characteristics and dynamics of characterological traits on the age of employees. The analysis of the effectiveness of employees with personal accentuations is carried out, the most effective ways of motivating and stimulating the personnel of control and audit departments are revealed. A variant of the study of the personal and professional skills of employees implementing audit and controlling functions is proposed. Further work to create a system for assessing the psychological characteristics of the personnel of audit and controlling structures will contribute to the development and effective functioning of the entire enterprise.

Keywords: audit and controlling functions, management functions, effective functioning of the organization, personal and professional requirements, decision-making

For citation: Noss I. N., Kabanova T. N. Psychological characteristics of employees who implement audit and controlling functions of direct management of the organization. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 68–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-68-73>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные условия функционирования российских предприятий характеризуются динамичными изменениями макроэкономической среды, что в значительной мере влияет на их устойчивость и эффективность. В связи с этим внедрение новых концепций управления становится одним из решающих факторов успеха предприятия на рынке [1].

Современным инструментом эффективного управления компаниями становится контроллинг, выполняющий функции совершенствования социально-экономических и технологических процессов с целью достижения эффективного функционирования организации [2, 3].

Основная цель внедрения контроллинга – разработка системы управления информационными процессами управления персоналом, адаптация специфических характеристик отчетности к корпоративному контенту, влияющих на планирование расходов, выбор методов, процедур планирования и т.д. [4].

Проблемами теории контроллинга посвящены работы известных ученых: А. Дайле, А. Загороднего, А. Карминского, Е. Майера, О. Олифинова, В. Попова, Р. Сайманса, Д. Хана, П. Хорвата, С. Фалько, Ю. Яковлева и др.

Проанализировав литературные источники, касающиеся подходов к формулировке дефиниции контроллинга персонала, можно сделать вывод, что это динамично развивающаяся система, понятийный аппарат которой все еще дополняется и уточняется.

В настоящее время персонал признается одним из важнейших конкурентных преимуществ производства, следовательно, стратегические ориентиры должны достигаться параллельно с развитием человеческих ресурсов, являющихся конкурентным потенциалом предприятия [5, 6].

Аудиторская и контроллинговая деятельность имеет свои особенности, которые отражаются в личностно-профессиональной специфика-

ции [7] персонала. Данные специалисты должны иметь определенные профессиональные знания, специфические когнитивные (речемыслительные) особенности и коммуникативные качества. В литературе к контроллинговым *профессиональным знаниям* относят: знания основ экономики и организации предприятия; финансового учета; расчета затрат на предприятии; умение читать и анализировать баланс предприятия; планирование, расчет и анализ инвестиций; владение методикой анализа по отклонениям; знание компьютера, позволяющее поставить задачу программисту; знание методов и техники контроллинга. *Когнитивные особенности*: способность аналитически, абстрактно, системно мыслить; видеть и ставить проблемы в условиях неопределенности; умение объяснять и доказывать; способность осваивать новое и учиться; аналитическая любознательность; видеть факторы успешности предприятия в перспективе; уметь абстрагироваться от рутинной деятельности; содействовать продвижению инновационных идей. *Коммуникативные качества*: общительность; знание основ коммуникабельности в организациях; умение пользоваться техническими средствами коммуникации и презентации; толерантность к другим мнениям и суждениям; оптимизм и доступность в коммуникации.

В настоящее время особенности сотрудников, реализующих аудиторско-контроллинговые функции непосредственного управления организацией, недостаточно изучены. Представляется актуальным и значимым изучение психологических особенностей данной категории и ее роли на современном этапе развития менеджмента. В связи с этим *целью* исследования является изучение психологических особенностей сотрудников, реализующих аудиторско-контроллинговые функции непосредственного управления организацией.

В исследованиях 2010–2015 гг. приняли участие 109 сотрудников контрольно-ревизионных подразделений государственных организаций. Средний возраст сотрудников – 35,1 лет;

81,4% – женщины. Исследование персонала было организовано в соответствии с программой изучения интеллектуальных, поведенческо-характерологических и мотивационных аспектов деятельности сотрудников различных возрастных когорт. Психодиагностический инструментарий включал: IQ-тест (Г. Айзенк), CFIT (Р. Кеттелл), корректурная проба (кольца), Прогрессивные матрицы Дж. Равена, методика «Отыскание чисел», формализованный тест рисуночных фрустраций (ФТФ) (С. Розенцвейг), ММРІ, методика социально-психологической диагностики коллектива (А. Журавлев), анкета оценки удовлетворенности трудом (К. Замфир).

В результате применения когортного экспериментального дизайна была обнаружена значимая обратная связь между интеллектуальными характеристиками и возрастом сотрудников.

Мыслительные процессы, концентрация внимания, комбинаторные качества интеллекта имеют тенденцию к снижению с возрастом. Исключения составляют арифметические, комбинаторные действия с числами, демонстрирующие свое постоянство и даже рост независимо от возраста испытуемых.

В табл. 1 отражены данные, которые показывают, что для сотрудников в возрасте 26–30 лет характерно агрессивно-конфликтное поведение, направленное на обвинение других людей, а также стремление заставить кого-либо разрешить данную ситуацию. В целом же в ходе изучения особенностей поведения персонала в сложных ситуациях выявлено, что независимо от возраста основная тенденция выражает пассивно-выжидательную реакцию человека на нестандартную ситуацию.

Таблица 1 / Table 1

Средние показатели по тесту ФТФ
Average indicators for the FTF test

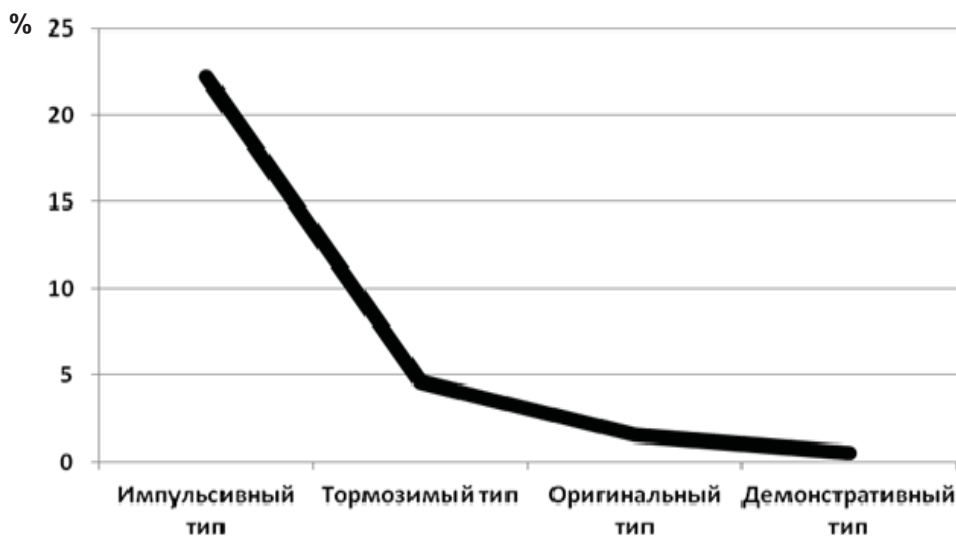
Возраст	Показатели						
	ФТФ-1 (e)	ФТФ-1 (i)	ФТФ-1 (m)	ФТФ-1 (od)	ФТФ-1 (ed)	ФТФ-1 (np)	ФТФ-1 (gr)
До 25 лет	3,7	3,7	4,6	3,4	2,5	5,9	1,4
26–30 лет	4,6	2,8	4,0	3,5	2,5	6,0	2,0
31–35 лет	3,4	3,8	4,8	4,1	2,4	2,7	1,5
36–40 лет	3,0	4,3	4,7	2,8	3,0	6,3	0,9
41–45 лет	2,4	4,3	5,5	3,6	2,3	6,1	1,4
46–50 лет	3,9	3,9	4,1	4,9	2,2	4,9	1,9

В результате изучения общих характерологических особенностей у основной массы обследованных контроллеров выявлены признаки импульсивно-маскулинно-оптимистического личностного типа (ПП-МЖ-МА) (рисунок, табл. 2), который проявляется в сверхактивности волевого поведения субъекта, стремлении к лидерству на фоне поверхностности межличностных отношений, проявлении «гибкости» норм морали. В общении такие люди производят благоприятное впечатление, они разговорчивы, веселы и остроумны. Однако сниженный самоконтроль может привести к злоупотреблению алкоголем, праздности, некоторой назойливости, иногда формальному отношению к выполнению профессиональных обязанностей.

Яркой особенностью профиля ММРІ обследованного персонала контроллинговых подразделений является стеничность – высокая работоспособность индивида, устойчивость к различным помехам, способность к длительной

непрерывной деятельности. Так как выборка в подавляющем большинстве женская (81,4%), то к данному виду деятельности тяготеют женщины со специфическим характером, подчеркивающим черты мужественности, независимости, прагматичности, стремления к эмансипации и самостоятельности.

Возрастной анализ характерологии показывает, что на фоне общего импульсивно-оптимистического профиля у лиц в возрасте 41–45 лет активизируются черты невротического сверхконтроля, пунктуальности, тревожности, оригинальности, а у сотрудников 46–50 лет доминируют признаки невротического сверхконтроля, пессимистичности и демонстративности. Повышение признаков проявления мужских черт у женщин, по-видимому, определяется типично мужской спецификой профессиональной деятельности. Проявление данной тенденции наиболее заметно в поведении лиц, находящихся в возрастном интервале от 26 до 35 лет и людей старше 45-летнего возраста.

Частота проявления типов акцентуаций у сотрудников контрольно-ревизионных подразделений
Frequency of manifestation of types of accentuations among employees of control and audit departments

В целом при рассмотрении общей динамики характерологических черт относительно возраста наблюдается тенденция к повышению значений показателей невротического сверхконтроля (ИП), пессимистичности (ДЕ), импульсивности

(ПП), пунктуальности (ПА) и интроверсии (ИН).

Соотношение эффективности контрольно-ревизионных отделов и характерологических типов личности представляет собой выраженную обратную зависимость (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Значения коэффициентов корреляции между показателями эффективности организаций и шкал ММРІ
Correlation coefficients between organizational performance indicators and MMPI scales

Шкалы ММРІ	R_{xy} // рейтинг АО-Шкалы ММРІ	Уровень статистической значимости
ИП (невротический сверхконтроль)	0,15	$p \geq 0,05$
ДЕ (пессимистичность)	-0,41	$p \geq 0,05$
ИС (эмоциональность)	0,06	$p \geq 0,05$
ПП (импульсивность)	-0,35	$p \geq 0,05$
МЖ (мужественность / женственность)	-0,72	$p \leq 0,01$
ПЯ (пунктуальность)	-0,17	$p \geq 0,05$
ПА (тревожность)	-0,53	$p \leq 0,05$
ШИ (оригинальность)	-0,47	$p \geq 0,05$
МА (оптимистичность)	0,54	$p \leq 0,05$
ИН (интроверсия)	-0,51	$p \leq 0,05$

Значимая обратная связь прослеживается в следующих шкалах ММРІ: маскулинность-фемининность (МЖ), тревожность (ПА) и интроверсия (ИН). Чем выше у сотрудников показатели названных черт, тем ниже результаты служебно-профессиональной деятельности подразделений.

Сильная прямая связь эффективности контрольно-ревизионной деятельности наблюдается с данными по шкале оптимизма (МА), что предполагает наличие у сотрудников активной личностной

позиции, высокого уровня жизнелюбия, самоуверенности, позитивной самооценки, выраженной склонности к шуткам и розыгрышам, высокой мотивации достижения, ориентированной больше на сенсорно-моторную деятельность и речевую активность, нежели на решение конкретных задач.

Особое место в анализе характерологии сотрудников контрольно-ревизионных подразделений занимает проблема акцентуированных личностей. Акцентуации характера выявлены нами

по показателям ММРП и результатам уточняющей клинической беседы. Согласно полученным данным наибольшая доля во всем объеме сотрудников с акцентуациями составляли лица импульсивного и тормозимого типов (см. рисунок).

Число сотрудников с акцентуациями личности в эффективных контроллинговых подразделениях имеет отрицательную корреляцию, равную $-0,41 (p \geq 0,05)$, что показывает их незначимую взаимосвязь. Однако наличие любого типа акцентуации в данном случае является противопоказанием к приему на работу в контрольно-ревизионную организацию.

Далее при помощи корреляционного анализа были исследованы способы мотивации и стимулирования персонала.

Выявлено, что на статистически значимом уровне ($p \leq 0,05$) наблюдается отрицательная связь эффективности труда контроллингового персонала с примерностью и помощью руководителя, наставничеством, постоянным контролем подчиненных. Положительная связь зафиксирована по параметрам контроля по конечному результату деятельности и применению взысканий в качестве стимулирования труда (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты корреляции Пирсона способов влияния на персонал с эффективностью профессиональной деятельности
Pearson's correlation coefficients of ways of influencing personnel with efficiency of professional activity

Способы влияния на персонал	Коэффициент корреляции с показателями эффективности деятельности
Авторитет руководителя	0,13
Личный пример руководителя	-0,38*
Конкретная помощь начальника	-0,67**
Убеждение	-0,10
Соревнование	-0,05
Обмен опытом	-0,28
Наставничество	-0,32*
Моральное стимулирование	-0,22
Взыскания	0,30*
Постоянный контроль работы подчиненных	-0,55**
Контроль по конечному результату	0,33*
Установление жесткой служебной дисциплины	0,07
Положительное материальное стимулирование (премирование)	-0,28
Отрицательное материальное воздействие (лишение премий)	-0,01

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Результаты исследования удовлетворенности сотрудников трудом и их внутренней мотивации в сопоставлении с эффективностью подразделений показывают статистически значимую отрицательную связь удовлетворенности системой управления трудовыми коллективами ($R = -0,3, p < 0,05$), межличностными отношениями ($R = -0,62, p < 0,01$) и желанием сменить место работы ($R = -0,61, p < 0,01$) с результативностью профессиональной деятельности и положительную корреляцию с текучестью кадров ($R = 0,41, p < 0,05$).

Наиболее действенными внутренними мотивами, детерминирующими в целом успешность

профессиональной деятельности сотрудников контрольно-ревизионных подразделений, являются: стремление полнее использовать свои способности ($R = 0,3, p \leq 0,05$), представление работы как способ ухода от личных проблем ($R = 0,3, p \leq 0,05$), отсутствие желания общественного признания и наград ($R = 0,32, p \leq 0,05$).

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: возраст сотрудников имеет обратную зависимость от их интеллектуального уровня. Здесь возможны проявления влияния процесса «сворачивания» мыслительной познавательной активности

с возрастом человека в условиях алгоритмизации профессиональной деятельности.

У большинства сотрудников в нестандартных условиях деятельности проявляется пассивно-выжидательная поведенческая реакция. Однако молодые сотрудники склонны к действиям, направленным на обвинение других людей.

Характерологическая структура сотрудников имеет черты импульсивно-оптимистического типа. С возрастом личностные особенности характеризуются большим проявлением «мужских» черт у женщин, развитием тревожности, пессимизма, признаками ипохондрии и интроверсии.

Эффективность профессиональной деятельности контрольно-ревизионных подразделений напрямую зависит от снижения количества акцентуированных личностей. В общей структуре акцентуированных личностей наблюдается преобладание сотрудников с выраженными «импульсивными» и лиц с «тормозимыми» чертами характера.

На результативность профессиональной деятельности положительно влияет применение системы взысканий и контроля по конечному результату.

Удовлетворенность трудом не оказывает значимого влияния на успешность труда. Наиболее действенными мотивами служебной деятельности являются стремление к полному использованию своих способностей, использование работы как способа ухода от личных проблем.

Список литературы

1. Боргардт Е. А., Вишнякова М. В. Формирование системы контроллинга на промышленном предприятии // *Азимут научных исследований : экономика и экономика и управление*. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 67–71.
2. Бровкина Н. Д. Контроль и ревизия : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2007. 346 с.
3. Дайле А. Практика контроллинга / под ред. и с предисл. М. Л. Лукашевича, Е. Н. Тихоненковой. М. : Финансы и статистика, 2004. 336 с.
4. Беловущенко А. Г. Необходимость внедрения элементов контроллинга человеческого капитала в

организации // *Проблемы современной науки и образования*. 2017. № 22 (104). С. 61–63.

5. Носс И. Н., Игнаткин В. Н. Формализованный тест фрустраций С. Розенцвейга в профессиональном отборе кадров // *Физиология человека*. 1997. Т. 23, № 2. С. 150–153.
6. Ткаченко А. А. Концепция человеческого капитала и национальная стратегия развития // *Проблемы теории и практики управления*. 2017. № 5. С. 94–105.
7. Бородин Т. И., Носс И. Н. Личностно-профессиональная спецификация государственных служащих / под общ. ред. А. В. Булгакова. М. : ИИУ МГОУ, 2018. 288 с.

References

1. Borgardt E. A., Vishnyakova M. V. Formation of a controlling system at an industrial enterprise. *Azimut nauchnykh issledovaniy: jekonomika i jekonomika i upravlenie* [Research Azimuth: Economics and Economics and Management], 2017, vol. 6, no. 3 (20), pp. 67–71 (in Russian).
2. Brovkina N. D. *Kontrol i reviziya: uchebnoe posobie* [Control and Audit]. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 346 p. (in Russian).
3. Daile A. *Praktika kontrollinga* [Controlling Practice]. Ed. by M. L. Lukashevich, E. N. Tikhonenkova. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2004. 336 p. (in Russian).
4. Belovushchenko A. G. The need to introduce elements of human capital controlling in the organization. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2017, no. 22 (104), pp. 61–63 (in Russian).
5. Noss I. N., Ignatkin V. N. The formalized test of S. Rosenzweig's frustrations in professional recruitment. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 1997, vol. 23, no. 2, pp. 150–153 (in Russian).
6. Tkachenko A. A. Human capital concept and national development strategy. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of Management Theory and Practice], 2017, no. 5, pp. 94–105 (in Russian).
7. Borodina T. I., Noss I. N. *Lichnostno-professionalnaya specifikaciya gosudarstvennyh sluzhashchih* [Personal and professional specification of civil servants]. Total. ed. by A. V. Bulgakov. Moscow, IIU MGOU Publ., 2018. 288 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 30.09.2020, после рецензирования 14.10.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 30.09.2020, revised 14.10.2020, accepted 11.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 74–77
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 74–77

Научная статья

УДК 316.647.5055.52:311.16

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-74-77>

Психологическое содержание факторной структуры родительской толерантности

Р. В. Овчарова

Курганский государственный университет, Россия, 640020, г. Курган, ул. Советская, д. 63, стр. 4

Овчарова Раиса Викторовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, oraissa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9822-6232>

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная проблема родительской толерантности как системного явления и одной из важных составляющих родительства. Исследование посвящено установлению особенностей психологического содержания родительской толерантности при воспитании дошкольников и младших школьников (детский возраст). Новизна методологии заключается в применении системно-деятельностного подхода, а также использовании ряда авторских методик. Результаты: психологическое содержание родительской толерантности по отношению к воспитуемым в детском возрасте характеризует толерантного родителя с присущими ему осознанностью родительства, сформированностью позитивных родительских чувств и отношений, действительной коммуникативной толерантностью и демократическим стилем семейного воспитания. Тем не менее в его содержании обнаружены интолерантные тенденции. Ведущим в структуре родительской толерантности отцов и матерей детей дошкольников и младших школьников является эмоциональный компонент. Родительская толерантность отцов и матерей имеет сходство и различия. Вывод: особенности родительской толерантности обусловлены возрастом детей. Психологическое содержание, состав и соотношение компонентов структуры родительской толерантности отцов и матерей идентичны. Однако степень выраженности их проявлений различна, что обусловлено полоролевой спецификой родительства и гендерными особенностями родителей.

Ключевые слова: родительская толерантность, факторная структура, психологическое содержание, отцы, матери, дети

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Исследование субъективного образа социального мира учащейся молодежи Курганской области с целью прогнозирования социальных процессов в молодежной среде» № 19-413-450002/19, № 19-413-450002/20) и правительства Курганской области.

Для цитирования: Овчарова Р. В. Психологическое содержание факторной структуры родительской толерантности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 74–77. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-74-77>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-74-77>

Psychological content of the factor structure of parental tolerance

Raisa V. Ovcharova, oraissa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9822-6232>

Kurgan State University, 63 Sovetskaya St., Kurgan 640020, Russia

Abstract. The article deals with the actual problem of parental tolerance as a systemic phenomenon and one of the important components of parenthood. The study is devoted to identifying the features of the psychological content of parental tolerance in the upbringing of preschool and primary school children (childhood age). The novelty of the methodology lies in the application of a system-activity approach, as well as the use of a number of author's methods. Results: the psychological content of parental tolerance in relation to children raised in childhood characterizes a tolerant parent with the inherent awareness of parenthood, the formation of positive parental feelings and relationships, and effective communicative tolerance and a democratic style of family education. However, there are some intolerant tendencies in its content. The emotional component is leading in the structure of parental tolerance of fathers and mothers of preschool and primary school children. The parental tolerance of fathers and mothers has similarities and differences. It is concluded that the features of parental tolerance are determined by the age of children. The psychological content, composition and ratio of components of the structure of parental tolerance of fathers and mothers are identical. However, the severity of their manifestations varies, due to the gender-role specifics of parenthood and the gender characteristics of parents.

Keywords: parental tolerance, factor structure, psychological content, fathers, mothers, children

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (the project "The study of the subjective image of the social world of young students of the Kurgan region in order to predict the social processes in the youth environment" No. 19-413-450002/19, No. 19-413-450002/20) and the government of the Kurgan region.

For citation: Ovcharova R. V. Psychological content of the factor structure of parental tolerance. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 74–77* (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-74-77>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования обусловлена определяющей ролью родительской толерантности в формировании общей толерантности личности, повышении эффективности родительства и семейного воспитания. Она является важнейшим ресурсом стимулирования активности ребенка, становления его субъектности.

В психологических исследованиях Г. Л. Бардьер, В. В. Бойко, С. К. Бондыревой, Г. У. Солдатовой толерантность трактуется как ценность, личностное качество, социальная норма, условие для эффективного общения, цель и результат образования. Ее связывают с социальной адаптированностью; демократичностью в общении; эффективным взаимодействием, обусловленными индивидуально-психологическими характеристиками личности. Выделены различные виды толерантности [1–4]. Однако родительская толерантность, ее содержательные аспекты редко привлекают внимание исследователей.

В наших предыдущих исследованиях мы разработали модель родительской толерантности, выявили компоненты ее структуры и показали влияние дихотомии «толерантность – интолерантность» на развитие личности ребенка [5, 6]. Данное исследование посвящено выявлению особенностей психологического содержания родительской толерантности при воспитании дошкольников и младших школьников.

Анализ проблемы

Анализ публикаций по теме исследования выявил острый дефицит работ, посвященных родительской толерантности. Данный термин до нас не применялся, хотя отдельные ее проявления рассматривались [7–9]. Эта парциальность не позволяет представить феномен в полном объеме. Противоречие кроется в том, что системное явление изучается по элементам, не раскрывается его полное содержание. Поэтому возникают следующие вопросы: в чем состоят особенности психологического содержания родительской толерантности? отличается ли оно у отцов и матерей? специфично ли оно при воспитании маленьких детей (5–10 лет)?

Предложенная нами ранее системно-деятельностная трактовка явления позволяет исследовать все уровни толерантности во взаимодействии и выявить ее действенность. На этой основе мы рассматриваем родительскую толерантность как системную подструктуру личности отца или матери. Она манифестируется на уровне сознания, чувств и поведения родителей и обуславливает в зависимости от модальности ее содержания особенности развития личности ребенка [6].

Методология

Новизна методологии заключается в применении системно-деятельностного подхода в отличие от традиционного парциального, а также в применении авторского диагностического инструментария. В частности, оказались достаточно информативными наша экспресс-диагностика семейного воспитания и отношения родителей к детям и экспресс-диагностика субъектности личности. В дополнение были использованы апробированные в нашей научной школе методики: «Осознанное родительство» (М. О. Ермахина), «Позитивные родительские чувства» (Е. А. Падурина), «Родительская любовь и симпатия» (Е. В. Милукова) [10]. Завершают перечень психодиагностических средств опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин) и методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко) [2, 11]. Экспериментальная группа была представлена отцами и матерями из 105 полных семей с детьми в возрасте 5–10 лет.

Анализ и обсуждение результатов исследования

На основе факторного анализа в структуре родительской толерантности отцов и матерей дошкольников и младших школьников были выявлены 4 фактора, совокупный процент дисперсии которых составил 54,37 (табл. 1)

Таблица 1 / Table 1

Факторная структура родительской толерантности
Factor structure of parental tolerance

Факторы	Название фактора	Процент дисперсии
I	Эмоциональный фактор	24,39
II	Фактор коммуникативной толерантности	14,07
III	Когнитивный фактор	8,24
IV	Поведенческий фактор	7,56

Фактор I «Эмоциональный» является системообразующим. Значимые веса в нем имеют 11 показателей: позитивное отношение к себе как родителю ($F = 89$), к родительству как социально-психологическому явлению ($F = 87$), к ребенку как ценности с его безусловным принятием ($F = 0,87$) или в связи с его положительными чертами и успехами ($F = 86$). Важное место в этом факторе занимает родительская любовь ($F = 83$), положительные чувства к мужу (жене) как родителю ($F = 0,74$), симпатия к ребенку ($F = 68$), действенная любовь к нему ($F = 53$) и др.

Фактор II «Коммуникативная толерантность» включает показатель общей толерантности ($F = 97$). Однако в нем обнаружены 10 показателей коммуникативной интолерантности, среди которых решающее значение для взаимодействия с ребенком имеют следующие: неприятие и непонимание уникальности другого человека ($F = 70$), наличие категоричных либо консервативных оценок ($F = 69$), неуклонное желание переделывать ребенка под свои представления ($F = 62$), неумение ориентироваться на индивидуальные особенности ребенка ($F = 60$), использование в качестве эталона собственной личности ($F = 59$).

Фактор III «Когнитивный». Его 5 показателей характеризуют сознательное родительство. Это осознание родительских позиций ($F = 83$),

родительских чувств ($F = 83$), родительской ответственности за ребенка ($F = 80$), понимание своих родительских установок и ожиданий ($F = 79$) и ценностей семьи ($F = 74$).

Фактор IV «Поведенческий». Содержащиеся в нем 6 показателей характеризуют стиль семейного воспитания ($F = 62$) и сопровождающие его 2 параметра. Это отношение к ребенку ($F = 53$) и типовое семейное состояние (общая психологическая атмосфера семьи ($F = 71$), нервно-психическое напряжение ($F = 78$), чувство вины ($F = 75$) и тревожность в семье ($F = 74$)).

Факторные структуры родительской толерантности отцов и матерей идентичны. Они имеют по четыре фактора: доминирующий эмоциональный, коммуникативной толерантности, когнитивный и поведенческий (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Факторные структуры родительской толерантности матерей и отцов
Factor structures of parental tolerance of mothers and fathers

Факторы	Название фактора	Процент дисперсии		
		Оба родителя	Матери	Отцы
I	Эмоциональный фактор	24,39	27,78	23,29
II	Фактор коммуникативной толерантности	8,24	9,41	8,54
III	Когнитивный фактор	7,56	7,48	6,68
IV	Поведенческий фактор	14,07	14,78	13,53

Различия в структуре родительской толерантности отцов и матерей заключаются в разной наполненности факторов и величине факторных весов. В целом у отцов сильнее, чем у матерей, выражен когнитивный компонент и в меньшей степени – эмоциональный, коммуникативной толерантности и поведенческий. Различия в толерантности отцов и матерей связаны с гендерной и полоролевой спецификой. Отцы преимущественно выполняют инструментальную функцию, а матери – функцию эмоциональной поддержки. Женщины более эмоциональны, а мужчины – рациональны. Кроме того, в детском возрасте выше привязанность детей к матери, поскольку она в большей степени удовлетворяет потребности детей и взаимодействует с ними.

Заключение

Психологическое содержание родительской толерантности по отношению к дошкольникам и младшим школьникам (детский возраст) характеризует толерантного родителя. На эмоциональном уровне в нем присутствует положительное отношение к отцовству и материнству, роли родителя,

своим детям и воспитательной деятельности. Когнитивный уровень включает осознанность всех компонентов родительства. Это ценности семьи, воспитательные позиции и установки родителей, их чувства по отношению к детям. Поведенческий уровень представлен гуманным стилем воспитания и проявлениями толерантности во взаимодействии с детьми.

Своеобразие толерантности матерей и отцов по отношению к детям дошкольного и младшего школьного возраста выражается прежде всего в более высоком уровне ответственности родителей за ребенка с учетом его возраста. У них доминируют чувства позитивной модальности по отношению к ребенку. Отношение к нему чаще носит безусловный и безоценочный характер. Это связано с тем, что в детском возрасте у ребенка преобладают адаптивные тенденции в развитии личности, он в большей степени зависим от родителей, с которыми идентифицируется и которые являются для него авторитетом. Эта специфика детерминируется различием родительских функций отцов и матерей, а также гендерными особенностями.

Результаты исследования могут применяться в качестве диагностической основы при разработке дифференцированных программ и в индивидуальной работе с родителями, имеющими детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Список литературы

1. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 119 с.
2. Бойко В. В. Коммуникативная толерантность : методическое пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, СПб МАПО, 1998. 24 с.
3. Бондырева С. К. Толерантность. Введение в проблему. М. ; Воронеж : Модек, 2003. 238 с.
4. Солдатова Г. У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Эпоха толерантности : научно-публицистический вестник. 2001. Т. 2. С. 90–91.
5. Овчарова Р. В. Психологическая структура родительской толерантности // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 4. С. 122–123. DOI: 10.17759/pse.2018230412
6. Овчарова Р. В. Корреляционное исследование родительской толерантности // Общество : социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 46–50.
7. Mondak J., Sanders M. Tolerance and intolerance, 1976–1998 // American Journal of Political Science. 2003. Vol. 47 (3). P. 492–502.
8. Rostad W. L., Whitaker D. J. The Association Between Reflective Functioning and Parent. Child Relationship Quality // Journal of Child Family Studies. 2016. Vol. 25 (7). P. 2164–2147. DOI: 10.1007/s10826-016-0388-7
9. Stern J. A., Borelli J. L., Smiley P. A. Assessing parental empathy : A role for showed empathy in child attachment // Attachment and Human Development. 2015. Vol. 17 (1). P. 1–22. DOI: 10.1080/1466734.2014.969749
10. Овчарова Р. В. Психология родительства : учебное пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 368 с.
11. Практическая психодиагностика. Методы и тесты / ред. сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 2001. 672 с.

References

1. Bardier G. L. *Sotsialnaya psikhologiya tolerantnosti* [Social Psychology of Tolerance]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2005. 119 p. (in Russian).
2. Boiko V. V. *Kommunikativnaya tolerantnost* [Communicative Tolerance]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU MAPO Publ., 1998. 24 p. (in Russian).
3. Bondyрева S. K. *Tolerantnost'. Vvedenie v problemu* [Tolerance. Introduction to the Problem]. Moscow, Voronezh, Modek Publ., 2003. 238 p. (in Russian).
4. Soldatova G. U. Tolerance and intolerance – the two faces of inter-ethnic interaction. *Epokha tolerantnosti: nauchno-publitsisticheskiy vestnik* [Age of Tolerance. Scientific and Journalistic Bulletin], 2001, vol. 2, pp. 90–101 (in Russian).
5. Ovcharova R. V. Psychological Structure of Parental Tolerance. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 121–129 (in Russian). DOI: 10.17759/pse.2018230412
6. Ovcharova R. V. Correlation study of parental tolerance. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2018, no. 7, pp. 46–50 (in Russian).
7. Mondak J., Sanders M. Tolerance and intolerance, 1976–1998. *American Journal of Political Science*, 2003, vol. 47 (3), pp. 492–502.
8. Rostad W. L., Whitaker D. J. The Association Between Reflective Functioning and Parent. *Child Relationship Quality. Journal of Child and Family Studies*, 2016, vol. 25 (7), pp. 2164–2147. DOI: 10.1007/s10826-016-0388-7
9. Stern J. A., Borelli J. L., Smiley P. A. Assessing Parental Empathy: A Role for Empathy in Child Attachment. *Attachment and Human Development*, 2015, vol. 17 (1), pp. 1–22. DOI: 10.1080/14616734.2014.969749
10. Ovcharova R. V. *Psikhologiya roditelstva* [Psychology of Parenthood]. Moscow, Izdatel'skiy Tsenter "Akademiya", 2005. 368 p. (in Russian).
11. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metody i testy* [Practical Psychodiagnostics. Methods and Tests. Ed. comp. D. Ya. Raigorodsky]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2001. 672 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 30.11.2020, после рецензирования 13.12.2020, принята к публикации 20.12.2020
 Received 30.11.2020, revised 13.12.2020, accepted 20.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–84
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–84

Научная статья
УДК 316.6:159.9
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. В статье представлены результаты теоретической рефлексии различных психологических механизмов (автоматизирующий конформизм, деиндивидуализация, деперсонализация), сущность которых сводится к утрате личностью собственного Я как ключевой точки отсчета в конструировании и познании социального мира. Показано, что личностное Я вытесняется гипертрофированным Мы как атрибутивным свойством группового сознания, которое опирается на идею избранности и превосходства. Утверждается, что функционирование перечисленных механизмов приводит к разрыву связей в личностных репрезентациях взаимодействия Я – Другой как фундаментальном основании социальности, повышая риски актуализации экстремистского поведения личности. Установлено, что разрыв связей обусловлен отсутствием у личности необходимости и стремления к различению себя и Другого, утратой возможности чувствовать Другого и сопереживать ему, что актуализирует равнодушие и безразличие к ингрупповому Другому, отвращение и жестокость по отношению к аутгрупповому Другому, а также приводит к редукции способности познавать себя через Другого, вступать в диалог с ним и амплифицировать собственное развитие и самопознание. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в возможности использования результатов проведенного анализа для разработки профилактических социально-психологических программ и тренингов, направленных на предупреждение экстремизма, терроризма и религиозного радикализма в молодежной среде.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, Я – Другой, тотальный разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой, автоматизирующий конформизм, деиндивидуализация, деперсонализация, слияние идентичностей, внутриличностный конфликт

Для цитирования: Рягузова Е. В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

The gap of ties in representations of interaction I – Other as a predictor of extremist behavior

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article presents the results of theoretical reflection of various psychological mechanisms (automating conformism, deindividuation, depersonalization), the essence of which boils down to the loss of a person's own self as a key reference point in the construction and cognition of the social world. It is shown that the personal I is supplanted by the hypertrophied We as an attributive property of group consciousness, which is based on the idea of being chosen and superior. It is argued that the functioning of the listed mechanisms leads to the gap of connections in personal representations of I – Other interaction as the fundamental basis of sociality, increasing the risks of actualizing the extremist behavior of the individual. It has been established that the breaking of ties is due to the personality's lack of need and desire to distinguish between oneself and the Other, the loss of the ability to feel the Other and empathize with him, which actualizes indifference to the in-group Other, disgust and cruelty towards the outgroup Other, and also leads to a reduction in the ability to know oneself through the Other, to enter into a dialogue with him and to amplify one's own development and self-knowledge. The applied aspect of the problem under study is the possibility of using the results of the analysis for the development of preventive socio-psychological programs and trainings aimed at preventing extremism, terrorism and religious radicalism in the youth environment.

Keywords: terrorism, extremism, I – Other, total gap of ties in representations of I – Other interaction, automating conformism, deindividuation, depersonalization, merging of identities, intrapersonal conflict

For citation: Ryaguzova E. V. The gap of ties in representations of interaction I – Other as a predictor of extremist behavior. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–84 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Среди глобальных вызовов современного мира терроризм и экстремизм однозначно определяются как тотальные угрозы национальной безопасности любого государства, риск уничтожения политического строя, экономических достижений и самобытной культуры, материальных ценностей и артефактов, человеческих жизней и цивилизационных перспектив, опасность негативной трансформации качества жизни людей и удар по их ценностно-смысловой сфере. Исходя из этого, можно констатировать, что экстремизм как приверженность крайним способам поведения, выходящим за пределы норм человеческого существования и сосуществования с Другими, и терроризм как принятие и оправдание насилия в отношении Других должны позиционироваться и категоризироваться как неприемлемые для всех социальных акторов. Вместе с тем в XXI в. террористические и экстремистские организации, осуществляющие насильственные действия локального характера, трансформируются в глобальную хорошо финансируемую сеть с четко организованной структурой, использующие, помимо жестких форм (взрывы, захваты заложников, публичные казни), все возможные информационные ресурсы, добавляя к известным видам терроризма (религиозный, политический, идеологический) информационный и кибертерроризм.

В современном мире терроризм и экстремизм превращаются в масштабные и технологически оснащенные явления, а численность подобных организаций с каждым годом увеличивается. Так, по некоторым данным, состав радикальной исламистской группировки ИГИЛ (Исламское государство) достигает 40–50 тыс. чел. [1].

Кто эти люди, которые возглавляют и добровольно вступают в экстремистские организации и террористические группы? Каковы их доминирующие мотивы? Почему они готовы пожертвовать собственной жизнью ради групповых идей и целей? Что составляет содержание их личностной и социальной идентичности?

До недавних пор ответы на эти вопросы формулировались достаточно просто. Лидеру экстремистских и террористических групп атрибутировались черты экзальтированного человека, харизматического фанатика, имеющего серьезные нарушения и отклонения в психической сфере. Члены подобных групп и организаций рассматривались как малообразованные, агрессивные, жестокие зомбированные и зависимые люди с патологическими акцентуациями характера. С одной стороны, такое объяснение минимизировало значение и значимость социальных и политических требований, выдвигаемых терро-

ристами и экстремистами, несколько (насколько это возможно) снижало шок и катастрофичность результатов их действий, по-своему объясняя и интерпретируя их. Однако, с другой стороны, это значительно упрощало и искажало содержание социальных представлений о террористических и экстремистских организациях, затрудняло выявление и идентификацию потенциальных террористов, способствовало вовлечению новых членов в группы подобного рода [2, 3].

В современных научных исследованиях такая упрощенная точка зрения не поддерживается. В них убедительно доказывается сложная полидетерминированность радикального экстремизма, которая включает в себя социальную напряженность, нестабильность, неопределенность, стигматизированную социальную изоляцию группы, ее статус, воспринимаемую дискриминацию [4–7]. В современных исследованиях изучаются доминантные характеристики экстремистских групп, такие как убежденность в моральном авторитете группы, вера в правильность групповой идеологии, ориентация на защиту группы, которой угрожают [8]; описываются психологические профили типичных представителей террористических и экстремистских групп [3], их ключевые характеристики – амбивалентное отношение к власти, приверженность групповым ценностям и нормам, аффективное дистанцирование от последствий совершенных действий; суеверие, вера в волшебство, искаженная картина мира, восприятие оружия как фетиша [9]; исследуются последствия террористических атак и переживания террористической угрозы [10]; разрабатываются эффективные меры управления рисками ксенофобии, противодействия распространению идеологии терроризма [11].

Целью данного исследования выступает теоретическая рефлексия психологических механизмов, действие которых приводит к разрыву связей в личностных репрезентациях взаимодействия Я – Другой как фундаментальном основании социальности, повышая риски актуализации экстремистского поведения личности.

Психологические механизмы, способствующие разрыву связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой

Экстремистские организации не однородны по своему составу, но они стремятся к унификации членов группы и их стандартизации, поскольку усредненный человек, по точному определению П. Рикера, «человек без лица» [12], более восприимчив к групповым целям, нормам и правилам и их точному соблюдению. Безликий человек – один из многих, такой как другие, легко заменяемый и

контролируемый, им проще управлять и его легче убеждать, поскольку его мысли, чувства и поведенческие реакции предсказуемы и предзаданы.

К такой унификации приводит, на мой взгляд, активация психологических механизмов, по сути сводящихся к утрате личностного Я как ключевой точки отсчета в конструировании и познании социального мира, который по-разному обозначается исследователями: автоматизирующий конформизм (Э. Фромм), деиндивидуализация (Л. Фестингер, А. Пеппоун, Т. Ньюком) и деперсонализация (Дж. Тернер в рамках теории самокатегоризации).

Автоматизирующий конформизм описан Э. Фроммом как один из механизмов бегства человека от свободы, приводящий к замещению подлинной личности псевдоличностью, которая исполняет определенную роль в соответствии с ожиданиями группы и, по сути, редуцирует собственную личность до ролевой функции [13]. Причины такой редукции Э. Фромм видит в желании человека преодолеть свою малозначимость (ничтожность), по сравнению с огромным миром, наполненным рисками и опасностями, от которых «массовый» человек защищается, усваивая групповые нормы и соответствуя групповому прототипу. В этом случае исчезает дифференциация между Я и не-Я, уходит тревога и страх, а подлинность Я подтверждают другие члены группы. Э. Фромм с грустной иронией пишет: «Пусть человек сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут знать, если он будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им» [13, с. 208].

Многие исследователи экстремизма утверждают, что неуверенность личности, утрата ею собственной значимости, субъективное осознание персональной малоценности, снижение позитивности образа Я, а также поиск возможностей их восстановления являются главной мотивационной силой, которая может подтолкнуть личность к насильственному экстремизму [14–16]. Это происходит в связи с тем, что именно в идеологии, основанной на сверхценных идеях и оправдывающей террор и насилие, личность может найти ресурсы для повышения самооценки и собственной значимости, реализовать потребность в уважении, достижении, компетентности и контроле. При этом стремление восстановить собственную и групповую значимость подавляет и обесценивает альтернативные цели, снимает запреты и табу, приводит к девиантному и асоциальному поведению.

А. Круглянский вводит термин «мотивационный дисбаланс», подчеркивая тем самым наличие у личности устойчивой доминирующей потреб-

ности, удовлетворение которой для нее имеет первостепенное значение. Несбалансированное доминирование той или иной потребности способствует напряжению в мотивационно-потребностной сфере личности и расширяет репертуар способов удовлетворения фиксированной потребности, включая ранее неприемлемые. Фиксация на доминанте мешает удовлетворению других потребностей и их блокированию (чаще всего это потребности в безопасности, комфорте, самосохранении) [16].

Рефлексия собственной малоценности может быть вызвана любыми ситуациями, представляющими угрозы для Я-идентификаций, актуализирующими субъективно ощутимый диссонанс между желаемой и актуальной самооценкой личности, уровнем ее самоуважения и самопринятия, ее самопрезентацией и переживаниями негативного опыта. В ситуациях ослабления Я доминирующим выступает мотив самоверификации личности, связанный со стремлением подтвердить или укрепить собственные представления о себе, реализуемый посредством установления обратной связи с Другими, когда их мнения и оценки личности становятся более значимыми, чем ее собственные представления о себе [17].

Ситуации угрозы и ослабления Я включают в себя весь спектр внешних обстоятельств, субъективно воспринятых как опасных для личности и угрожающих ей – от ситуаций, связанных с физической угрозой телесному Я, до длительных психотравмирующих ситуаций, затрагивающих и разрушающих ключевые Я-схемы личности. В недавних исследованиях, направленных на изучение личности осужденных террористов и экстремистов, показано, что характерный для них конверсионный тип профиля личности может быть объяснен наличием в прошлом неотреагированной и не переработанной психической травмы [3].

Деиндивидуализация – полная поглощенность человека социальным контекстом – возникает в сплоченных группах, объективирующих своих членов [18], каждый из которых не только тотально эмоционально вовлечен в группу и привержен ее целям и ценностям, но и сфокусирован именно на группе, не воспринимает ни себя, ни других членов ингруппы как отдельных уникальных личностей. Деиндивидуализация сопровождается снижением уровня самосознания личности, снятием внутренних ограничений и жесткой ориентацией на групповые нормы и стандарты, а степень деиндивидуализации зависит от размера группы, ситуационного контекста (опасность / безопасность, ожидания наказания / вознаграждения), возможности получения групповой поддержки [19].

В рамках нашего анализа важным является то, что деиндивидуализация приводит к ослаблению связей Я – Другой, характеризуется снижением самоконтроля личности, отсутствием необходимости и стремления к различению себя и Другого, утратой возможности чувствовать Другого и сопереживать ему, что актуализирует равнодушие и безразличие к ингрупповому Другому, отвращение и жестокость по отношению к аутгрупповому Другому, а также приводит к редукции способности познавать себя через Другого, вступать в диалог с ним и амплифицировать собственное развитие и самопознание. Вместо этого происходит актуализация гипертрофированного чувства «Мь» как проявление жесткого этноцентризма, наполненного следующим содержанием: избранная группа со сверхценной идеей превосходства и исключительности (групповой нарциссизм и ингрупповой фаворитизм); группа, с которой незаслуженно поступили (акцентирование идеи необходимости восстановления справедливости любой ценой и поиск новых правил); группа, которой извне никто не поможет (фокусирование внимания на идеи недоверия и враждебности к окружающему миру и веры в собственные силы); когерентная группа, целостности и существованию которой в данный момент угрожают (идея уязвимости и объединяющий эффект общего врага); группа, психологическим вознаграждением для которой является радикализация, связанная с изменением убеждений, чувств и поведения в направлении оправдания агрессивных действий, насилия и террора.

Деперсонализация – адаптивный механизм, связанный с нарушениями идентичности личности, ее отказом от собственного Я в пользу коллективного Мы, преобладанием социальных идентификаций в процессе самокатегоризации. Согласно теориям Н. Tajfel [20] и J. C. Turner [21] поведенческий рисунок личности и набор ее идентификаций могут меняться в зависимости от локализации на межличностном – межгрупповом континууме. Более того, существует некий оптимум отличительности, при котором фундаментальные и конкурирующие потребности человека в ассимиляции, включенности в группу, принадлежности к ней («Я похож на других», «Я – часть группы») и дифференциации, отличительности от группы («Я – уникален, исключителен», «Я не такой, как другие») находятся в относительном (динамическом) равновесии, при этом баланс между ними может быть достигнут на групповом уровне через идентификацию с разными группами [22]. G. J. Leonardelli, M. Brewer, C. L. Pickett совершенно обоснованно считают, что личность может удовлетворить одновременно

эти разнонаправленные потребности в том случае, если потребность в социальном включении удовлетворяется личностью внутри ингруппы (групповое включение), тогда как потребность в дифференциации – за счет сравнения с другими группами (межгрупповая дифференциация). При этом размер и композиция ингрупп и аутгрупп, ситуативный контекст, уровень включенности и привлекательности группы имеют существенное значение – личность предпочитает быть включенной и ассимилированной в особенную, эксклюзивную, немногочисленную референтную группу, испытывая удовлетворение от такой инклюзии. Исследователи выделяют разные уровни инклюзивности, полагая, что чем выше уровень инклюзивности, на котором осуществляется самокатегоризация личности, тем более обезличенными становятся ее самооценки [23].

Соответственно, деперсонализация может трактоваться как процесс переопределения себя в групповом контексте при условии, что личность мотивирована и удовлетворена включенностью в группу и принадлежностью к ней, разделяет групповую идеологию и миссию, безоговорочно принимает прототипический образец группы. При этом можно солидаризироваться с мнением ученых, полагающих, что подобное самопереопределение или форматирование идентичности личности не связано с размыванием персональной ответственности каждого за коллективные действия асоциального характера, желанием уйти от персональной ответственности, морально укрыться в группе, а означает следование интернализированным групповым нормам и ценностям [24]. Вместе с тем на индивидуальном уровне разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой приводит к отсутствию персональной ответственности личности перед Другим, самим собой и будущим. На индивидуальном уровне можно говорить о поглощении личностных Я-образов социальными идентификациями.

В рамках анализа экстремистских групп, на наш взгляд, можно констатировать существенный сдвиг идентификаций личности в сторону социальных категорий, что происходит, с одной стороны, в связи с групповыми ожиданиями и приоритетной востребованностью группой именно таких идентификаций, объективацией, имеющей место в группе, связанной с отказом от индивидуальности; с другой стороны, из-за желания самого члена группы быть максимально похожим на групповой прототип и самокатегоризироваться в терминах принадлежности и включенности в группу, эмоциональной вовлеченности и поведенческой приверженности, усиливая ингрупповую

когерентность, аутгрупповое отличие и охрану групповых границ. В данном случае приоритетной является именно аутгрупповая отличительность, а личность стремится стать членом той группы, социальный прототип которой соответствует тому, как она себя видит, оценивает и понимает.

Представляет интерес точка зрения W. B. Swann, A. Gomez, D. C. Seyle, J. F. Morales, C. Huici, согласно которой при полной поглощенности личности группой ее личная и социальная идентичности становятся функционально эквивалентными. Это означает, что активация персональной или социальной идентичности повышает готовность личности поддерживать экстремальное поведение от имени группы, сражаться и умереть за групповые ценности и идеалы, а синергетическое слияние двух форм идентичности приводит к исключительно высокому уровню экстремального поведения [8]. Особо подчеркнем, что авторы настаивают именно на процессе слияния личной и социальной идентичностей, при котором каждая из них может активизировать и направлять групповое поведение, усиливая друг друга.

На мой взгляд, реализация механизма слияния личной и социальной идентичностей как активных и равноправных форм или механизма деперсонализации как поглощения личностных идентификаций социальными во многом зависит от силы самой личности и ее локализации в иерархической структуре организации. Если личность характеризуется тотальной целеустремленностью, фанатичной убежденностью и решительностью, то ее мотивационно мощное личностное Я способно повлиять на групповые процессы, трансформировать групповой прототип и внести изменения в поведенческие сценарии группы. Члены группы с преобладанием социальных идентификаций, обусловленных приверженностью группе, убежденностью в правоте ее моральных императивов и мессианском предназначении, подчиняются принятым групповым нормам, целям и правилам в соответствии с групповым прототипом.

Помимо поглощения и слияния разных видов идентичности, возможен еще один вариант их взаимодействия – конфликт, точнее, внутриличностный конфликт идентичностей, что может выступать в качестве предрасположенности личности к амбивалентному или девиантному поведению. М. Я. Яхьяев, Э. Г. Исаева и А. Р. Сутаева, изучая условия психологической безопасности личности и формирования противостояния деструктивным воздействиям, рассматривают нереализованное Я и внутриличностную конфликтность как слагаемые террористической акцентуации [25]. Соответственно, интрапсихическая конфликтность, противоречивость и несогласованность

я-идентификаций могут привести к осознанию личности своей нереализованности и малоценности, желанию разобраться в собственных проблемах посредством включения и интеграции в жестко организованную группу с четкими целями и способами их достижения.

Выводы

Проведенная теоретическая рефлексия психологических механизмов – автоматизирующий конформизм, деиндивидуализация, деперсонализация – на примере экстремистских групп показала, что в результате их функционирования происходит разрыв связей в личностных репрезентациях взаимодействия Я – Другой. Личностное «Я» перестает осознаваться как ключевая точка отсчета в конструировании и познании мира, уступая место коллективному гипертрофированному «Мы», опирающемуся на сверхценные идеи избранности и особого предназначения, эффекты группового нарциссизма и ингруппового фаворитизма. Преобладание мы-идентификаций сопряжено с отказом личности от индивидуальности, снятием внутренних ограничений, жесткой ориентацией на групповые нормы и соответствие групповому прототипу, а также с исключительно высоким уровнем экстремального поведения.

При этом доминирующим мотивом для личности при общем мотивационном дисбалансе выступает мотив самоверификации, связанный со стремлением подтвердить подлинность и аутентичность личности посредством коммуникации с ограниченным кругом ингрупповых Других, которые не воспринимаются как отдельные уникальные личности, что приводит к отсутствию необходимости различения Я и не-Я, себя и Другого, редуцированию способности личности познавать себя через Другого, вступать в диалог с ним и амплифицировать собственное развитие и самопознание.

Ослабление и разрыв связей в диаде Я – Другой способствуют утрате возможности личности чувствовать Другого и сопереживать ему, что актуализирует равнодушие и безразличие к ингрупповому Другому, нетерпимость к инакомыслию и инаковости, отвращение и жестокость по отношению к аутгрупповому Другому, его дегуманизацию и демонизацию, а также обесценивание человеческой жизни, как собственной, так и чужой.

Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как фундаментальном основании социальности повышает риски актуализации экстремистского поведения личности и приводит к легитимации насилия, оправданию террора и личностным деструкциям.

Список литературы

1. Статистика терроризма. URL: <https://vawilon.ru/statistika-terrorizma> (дата обращения: 29.07.2020).
2. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 28–32.
3. Казберов П. Н., Бовин Б. Г., Фасоля А. А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 141–157. DOI: 10.17759/psylaw.2019090311
4. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Психологическая безопасность как интегральный показатель этнической толерантности // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 22–32.
5. Zinchenko Y. P. Extremizm from the perspective of a system approach // Psychology in Russia : State of the Art. 2014. Vol. 7, № 1. P. 23–33.
6. Obaidi M., Kunst J. R., Kteily N., Thomsen L., Sidanius J. Living under threat : Mutual threat perception drives anti-Muslim and anti-Western hostility in the age of terrorism // European Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 48, iss. 5. P. 567–584.
7. Тихонова А. Д., Дворянчиков Н. В., Эрнст-Винтила А., Бовина И. Б. Радикализация в подростково-молодежной среде : в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305
8. Seyle D. C. Identity Fusion and the Psychology of Political Extremism, 2007. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/3027/seyled55689.pdf> (дата обращения: 09.08.2020).
9. Почебут Л. Г., Безносков Д. С. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. 2010. № 1. С. 287–299.
10. Быховец Ю. В., Казымова Н. Н. Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал 2019. Т. 40, № 3. С. 22–30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2
11. Зинченко Ю. П., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 98–111.
12. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / отв. ред. И. С. Вдовина. М. : АО «Камі»; Издательский центр «Академия», 1995. 160 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Александрова. М. : АСТ, 2018. 288 с.
14. Webber D., Babush M., Schori-Eyal N., Vazeou-Nieuwenhuis A., Hettiarachchi M., Bélanger J. J., Moyano M., Trujillo H. M., Gunaratna R., Kruglanski A. W., Gelfand M. J. The road to extremism : Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. 114 (2). P. 270–285. <https://doi.org/10.1037/pspi0000111>
15. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Sheveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization : How Significance Quest Impacts Violent Extremism // Advances in Political Psychology. 2014. Vol. 35, 1. P. 69–93. DOI: 10.1111/pops.12163
16. Kruglanski A. W. Violent radicalism and the psychology of prepossession // Social Psychological Bulletin. 2018. 13 (4), Article e27449. <https://doi.org/10.32872/spb.v13i4.27449>
17. Swann W. B., Gomez A., Seyle D. C., Morales J. F., Huici C. Identity Fusion : The Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 95, № 5. P. 995–1011. DOI: 10.1037/a0013668
18. Loughnan S., Haslam N., Murnane T., Vaes J., Reynolds C., Suitner C. Objectification leads to depersonalization : The denial of mind and moral concern to objectified others // European Journal of Social Psychology. 2010, Vol. 40, iss. 5. P. 709–717. <https://doi.org/10.1002/ejsp.755>
19. Vilanova F., Beria F.M., Costa Á.B., Koller S.H. Deindividuation : From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects // Cogent Psychology. 2017. Vol. 4, iss. 1. URL: <https://tandfonline.com> (дата обращения: 09.08.2020). DOI: 10.1080/23311908.2017.1308104
20. Tajfel H. Social categorization // Introduction à la psychologie sociale / ed. by S. Moscovici. Paris, 1972. № 1. P. 272–302.
21. Turner J. C. Social categorization and the self-concept : A social cognitive theory of group behavior // Advances in group processes : Theory and research / ed. by E. J. Lawler. Greenwich, 1985. № 2. P. 77–122.
22. Brewer M. The Social Self : On Being the Same and Different // Personality and Social Psychology Bulletin. 1991. № 17. P. 475–487.
23. Leonardelli G. J., Brewer M., Pickett C. L. Optimal Distinctiveness Theory. URL: https://www.researchgate.net/publication/241065845_Optimal_Distinctiveness_Theory (дата обращения: 28.05.2020).
24. Reicher S. D., Spears R., Postmes T., Kende A. Disputing deindividuation: Why negative group behaviours derive from group norms, not group immersion // Behav Brain Sci. 2016. № 1. P. 161. DOI: 10.1017/S0140525X15001491
25. Яхьяев М. Я., Исаева Э. Г., Сутаева А. П. Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 46–59. DOI: 10.17759/sps.2018090204

References

1. Statistika terrorizma (Statistics of terrorism). Available at: <https://vawilon.ru/statistika-terrorizma> (accessed 29 July 2020 (in Russian)).
2. Enikolopov S. N. Terrorism and Aggressive Behavior. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2006, no. 1 (1), pp. 28–32 (in Russian).
3. Kazberov P. N., Bovin B. G., Fasolya A. A. Terrorist's psychological profile [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*

- [Psychology and Law], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157 (in Russian). DOI: 10.17759/psylaw.2019090311
4. Dontsov A. I., Perelygina Ye. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V. Psychological safety as an integral indicator of ethnic tolerance. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychology], 2019, no. 5, pp. 22–32 (in Russian).
 5. Zinchenko Y. P. Extremism from the perspective of a system approach. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 23–33.
 6. Obaidi M., Kunst J. R., Kteily N., Thomsen L., Sidanius J. Living under threat: Mutual threat perception drives anti-Muslim and anti-Western hostility in the age of terrorism. *European Journal of Social Psychology*, 2018, vol. 48, iss. 5, pp. 567–584. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2362>
 7. Tikhonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.17759/chp.2017130305
 8. Seyle D. C. *Identity Fusion and the Psychology of Political Extremism*, 2007. Available at: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/3027/seyled55689.pdf> (accessed 9 August 2020).
 9. Pochebut L. G., Beznosov D. S. Psychology of extremism and terrorism as an extreme manifestation of intolerance. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology], 2010, no. 1, pp. 287–299 (in Russian).
 10. Bykhovets Yu. V., Kazymova N. N. Modern domestic researches of psychological factors of terrorist threat experience. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2019, vol. 40, no. 3, pp. 22–30 (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920004542-2
 11. Zinchenko Yu. P., Soldatova G. U., Shajgerova L. A. Terrorist act as an extreme situation in a risk society. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2011, no. 2 (6), pp. 98–111 (in Russian).
 12. Ricoeur P. *Germenevika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics]. Ans. ed. I. S. Vdovina. Moscow, AO “Kamii”, Izdatel'skii Tsenter “Akademiya”, 1995. 160 p. (in Russian).
 13. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, AST Publ., 2018. 288 p. (in Russian).
 14. Webber D., Babush M., Schori-Eyal N., Vazeou-Nieuwenhuis A., Hettiarachchi M., Bélanger J. J., Moyano M., Trujillo H. M., Gunaratna R., Kruglanski A. W., Gelfand M. J. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2018, 114 (2), pp. 270–285. <https://doi.org/10.1037/pspi0000111>
 15. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Sheveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism. *Advances in Political Psychology*, 2014, vol. 35, 1, pp. 69–93. DOI: 10.1111/pops.12163
 16. Kruglanski A. W. Violent radicalism and the psychology of prepossession. *Social Psychological Bulletin*, 2018, 13 (4), Article e27449. <https://doi.org/10.32872/spb.v13i4.27449>
 17. Swann W. B., Gomez A., Seyle D. C., Morales J. F., Huici C. Identity Fusion: The Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, vol. 95, no. 5, pp. 995–1011. DOI: 10.1037/a0013668
 18. Loughnan S., Haslam N., Murnane T., Vaes J., Reynolds C., Suitner C. Objectification leads to depersonalization: The denial of mind and moral concern to objectified others. *European Journal of Social Psychology*, 2010, vol. 40, iss. 5, pp. 709–717. <https://doi.org/10.1002/ejsp.755>
 19. Vilanova F., Beria F.M., Costa Â. B., Koller S. H. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects. *Cogent Psychology*, 2017, vol. 4, iss. 1. Available at: <https://tandfonline.com> (accessed 9 August 2020). DOI: 10.1080/23311908.2017.1308104
 20. Tajfel H. Social categorization. *Introduction à la psychologie sociale*. Ed. by S. Moscovici. Paris, 1972, no. 1, pp. 272–302.
 21. Turner J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research*. Ed. by E. J. Lawler. Greenwich, 1985, no. 2, pp. 77–122.
 22. Brewer M. The Social Self: On Being the Same and Different. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991, no. 17, pp. 475–487.
 23. Leonardelli G. J., Brewer M., Pickett C. L. *Optimal Distinctiveness Theory*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/241065845_Optimal_Distinctiveness_Theory (accessed 28 May 2020).
 24. Reicher S. D., Spears R., Postmes T., Kende A. Disputing deindividuation: Why negative group behaviours derive from group norms, not group immersion. *Behav Brain Sci.*, 2016, no. 1, pp. 161. DOI: 10.1017/S0140525X15001491
 25. Yahyaev M. Ya., Isaeva E. G., Sutaeva A. R. Social and psychological aspects of terrorism's counteraction in multi-cultural field. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 2, pp. 46–59 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2018090204

Поступила в редакцию 12.10.2020, после рецензирования 15.10.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 12.10.2020, revised 15.10.2020, accepted 11.12.2020

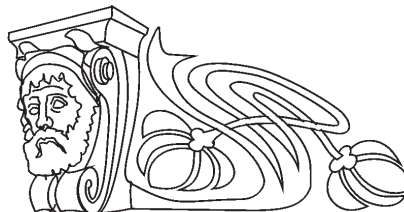
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 85–90
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 85–90

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-85-90>

Система отношений к родителям у детей, страдающих гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями

В. Р. Ушакова

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Россия, Республика Крым, 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8

Ушакова Владислава Романовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Vladislava.psychologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8317-2518>

Аннотация. В статье рассматривается система отношений к родителям (к отцу и матери) у детей, страдающих гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями. Исследование отечественных авторов по данной проблематике осуществляется в рамках выявления отношения ребенка к болезни и влияния родительского отношения на возникновение и течение заболевания. Через призму отношения ребенка к родителям, его восприятия семейной системы отношений определяется специфика взаимодействия в триаде «мать–ребенок–отец». В исследовании приняли участие 350 детей в возрасте 10–12 лет, из них 180 школьников с гастроэнтерологическими заболеваниями и 170 детей с ревматоидными заболеваниями. Методы исследования – беседа и анкетирование. Родители детей с гастроэнтерологическими заболеваниями часто конфликтуют и переносят конфликт в плоскость отношений с ребенком, вовлекая его в скандал. Матери детей с ревматоидными заболеваниями защищают их от строгого отца через слезы и истерики, что вызывает у ребенка жалость к матери и большую неприязнь к отцу. Недостаток внимания и заботы, в большей степени матери, дети с гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями компенсируют через свою болезнь.

Ключевые слова: система отношений, семейная система, дети с соматическими заболеваниями, триада «мать–ребенок–отец»

Для цитирования: Ушакова В. Р. Система отношений к родителям у детей, страдающих гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 85–90. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-85-90>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-85-90>

The system of relationships to parents in children suffering from gastroenterological and rheumatoid diseases

Vladislava R. Ushakova, Vladislava.psychologist@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8317-2518>

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, 8 Uchebny Alleyway, Simferopol 295015, Russia

Abstract. The article examines the system of relations to parents (to father and mother) in children suffering from gastroenterological and rheumatoid diseases. The study of domestic authors on this issue is carried out in the framework of identifying the child's attitude to the disease and the influence of parental attitude on the occurrence and course of the disease. Through the prism of the child's attitude to parents, his perception of the family system of relations, the specificity of interaction in the triad "mother–child–father" is determined. The study involved 350 children aged 10–12 years, including 180 schoolchildren with gastroenterological diseases and 170 children with rheumatoid diseases. Research methods are conversation and questioning. Parents of children with gastroenterological diseases often conflict and transfer the conflict to the plane of relations with the child, involving him in a scandal. Mothers of children with rheumatoid diseases protect them from a strict father through tears and tantrums, which makes the child feel sorry for the mother and a great dislike for the father. Lack of attention and care, mainly of mothers, children with gastroenterological and rheumatoid diseases compensate through their illness.

Keywords: relationship system, family system, children with somatic diseases, mother–child–father triad

For citation: Ushakova V. R. The system of relationships to parents in children suffering from gastroenterological and rheumatoid diseases. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 85–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-85-90>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

На протяжении последнего десятилетия важным и актуальным вопросом остается сохранение и укрепление здоровья в школьном возрасте. Соматические заболевания все больше рассматриваются с позиции биопсихосоциального подхода, должное внимание уделяется психологическому фактору. Психогенные факторы, обуславливающие возникновение и протекание соматической болезни в детском и подростковом возрасте, имеют иную специфику организации. Важно учитывать особенности детско-родительских и супружеских отношений, тип воспитания, конфликтность, успеваемость детей в школе, особенности взаимодействия со сверстниками, наличие друзей и т.д.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что помощь детям и подросткам с хроническими соматическими заболеваниями в большей степени разрабатывалась в рамках биологического редукционизма, т. е. традиционной естественнонаучной парадигмы, где осуществлялось лишь симптоматическое лечение. Недостаточно разработан вопрос психогенных причин возникновения и течения соматических заболеваний, а именно особенности отношения ребенка к отцу и матери, специфика взаимодействия родителей (стимул) и последующая проекция и перенос этих отношений в плоскость воспитания (реакция).

Изложение основного материала

А. Ф. Лазурский рассматривал личность как систему отношений с окружающим миром на всех уровнях ее функционирования – биологическом, психологическом и социальном. По мнению автора, система отношений является ядром личности, которое базируется на отношении личности к объектам и предметам окружающего мира [1].

Согласно теории В. Н. Мясищева квинт-эссенцией личности является ее отношение к действительности. Вся сущность личности, ее неповторимость и многогранность выражаются в образующих ее отношениях с действительностью и самой собой [2]. Отношение личности к субъекту взаимодействия осуществляется на разных уровнях функционирования. Комбинация ценностно-смысловых, когнитивных и эмоциональных компонентов отношения реализует поведение личности к субъекту взаимоотношений [3].

Отечественные ученые изучали особенности системы отношений личности с соматическими заболеваниями. Хронические соматические заболевания обуславливают изменения в структуре психики личности, происходит трансформация системы отношений как с другими, так и с собой [4, 5].

Болезнь в детском возрасте является индикатором особенностей семейных отношений. Ребенок может воздействовать на родителя посредством болезни, а также сама болезнь может быть выгодна родителю. Так, соматическое заболевание может быть средством решения проблем – развод, конфликты между родителями, их занятость на работе и т.д. Данный факт выступает ценностно-мотивационным компонентом системы отношения личности к болезни. Усилия всех членов семьи в случае регуляции с помощью болезни семейных взаимоотношений направлены на бессознательное сохранение заболевания [6, 7].

Соматическое заболевание в детском и подростковом возрасте рассматривается как психосоматическое расстройство, где ведущим является психогенный фактор возникновения и течения заболевания. В свою очередь, семейная система оказывает непосредственное воздействие на ход заболевания, лечение и выздоровление [8].

Согласно исследованиям Е. Г. Филяковой, В. В. Николаевой, В. Н. Касаткина у школьников с язвенной болезнью доминирует эгоцентрическая направленность, потребности в любви и признании не удовлетворены, высокий уровень тревожности и негативное отношение к окружающим. У детей и подростков с ревматоидными заболеваниями преобладают инфантильность, грусть и печаль, депрессивные проявления и чувство ущербности [9]. Семейная система у детей с заболеваниями ЖКТ характеризуется повышенной конфликтностью, подавлением желаний и потребностей ребенка, чрезмерным вмешательством в мир ребенка. В этих семьях отсутствует проявление эмоциональной вовлеченности, теплоты и эмпатийности в системе детско-родительских отношений [10].

Таким образом, изучение системы отношений, а именно отношений ребенка к отцу и матери, позволяет через призму восприятия ребенка выявить особенности семейной системы, в частности специфику детско-родительских отношений. В литературе достаточно полно изучен вопрос взаимоотношений в диаде «мать–ребенок» в семьях с соматическими заболеваниями, но недостаточно исследований триадных отношений «мать–ребенок–отец» с позиции восприятия ребенка.

Цель статьи – определить особенности отношения к родителям детей с гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями.

Выборка и методики исследования

В исследовании приняли участие 350 детей в возрасте 10–12 лет, которые находились на стационарном лечении в гастроэнтерологическом и ревматоидном отделениях Республиканской детской клинической больницы. В группу 1

вошли 180 школьников, находившихся на лечении в гастроэнтерологическом отделении (гастродуоденит, эрозивный гастрит и другие формы гастрита), 90 мальчиков и 90 девочек. В группу 2 вошли 170 детей, находившихся на лечении в ревматоидном отделении больницы (ювенильные идеопатические артриты, склеродермия и отеки суставов), 85 мальчиков и 85 девочек.

У всех детей установлена хроническая форма заболевания. Диагностика школьников проводилась на третьи сутки после госпитализации, лечащие врачи оценивали их состояние как удовлетворительное. Дети получали медикаментозное лечение в соответствии с диагнозом. У 15% детей гастроэнтерологического профиля и у 17,6% ревматоидного профиля родители в разводе, с ними проживает отчим. В этих семьях дети общаются с родными отцами, неполнородных сиблингов нет.

Для достижения поставленной цели использовались такие методы исследования, как опрос и беседа. Беседа осуществлялась после проведения опроса с целью уточнения полученных данных и дополнительного сбора информации в соответствии с целью исследования.

С помощью модифицированной методики незаконченных предложений выявлялись особенности системы отношений: отношение к отцу и отношение к матери у детей с соматическими заболеваниями разного профиля. Дети не были ограничены в количестве вариантов ответов. С помощью ранговой корреляции Спирмена выявлялась статистическая взаимосвязь отношения к отцу и к матери у детей с разным профилем заболевания. Математическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерного пакета статистических программ Statistica 20.

Результаты исследования

На первом этапе эмпирического исследования определялась специфика отношения детей к отцу и к матери. Ответы респондентов внутри каждого блока разделены на желаемые, реальные и эмоционально окрашенные. В таблице представлено процентное распределение показателей по наиболее характерным высказываниям испытуемых в отношении родителей.

Убеждения в отношении отца и матери у детей с соматическими заболеваниями, %
Beliefs about the father and mother in children with medical conditions, %

Система отношений	Компоненты	Группа 1, n = 180	Группа 2, n = 170
Отношение к отцу	Желаемые	Больше играл со мной – 30%	Больше проводил со мной время – 34,2%
		Жил с нами – 10%	Жил с нами – 12,9%
		Не ссорился с мамой – 16,7%	Не ругал меня за уроки – 21,7%
	Реальные	Много работает – 13,8%	Иногда бывает дома – 14,1%
		Любит меня – 25%	Любит меня – 24,7%
		Не любит меня – 15%	Не любит меня – 16,5%
		–	Скучаю по отцу – 10,6%
	Эмоционально окрашенные	Самый лучший – 45%	Добрый – 40%
		Строгий – 20%	Злой (боюсь его) – 17,6%
Отношение к матери	Желаемые	Меньше ругалась – 35%	Меньше плакала – 29,4%
		Была радостнее – 45%	Была радостнее – 45,3%
		Больше разговаривала со мной – 25%	Больше проводила время со мной – 30%
	Реальные	Заботится обо мне, когда болею – 60%	Заботится обо мне, когда болею – 74,7%
		Иногда не права – 12,2%	Часто занята – 20%
	Эмоционально окрашенные	Любимая – 75%	Любимая – 76,4%
		Добрая – 45%	Лучший друг – 30%
		Красивая – 55%	Красивая – 70%
		–	Мы с ней похожи – 17,6%

Таким образом, большинство детей гастроэнтерологического профиля считают, что их отец самый лучший, любящий, но и строгий. В ходе

беседы дети отметили, что строгость отца проявляется в наказаниях за несделанные уроки или домашние дела, запрете сидеть за компьютерными

играми или телефоном. 15% испытуемых считают, что их не любят, часть из этих детей проживают с отчимами, а часть воспринимают отца строгим. Из-за того, что отец много работает, он проводит с ними мало времени. Большинство девочек, которые хотят, чтобы отец меньше ссорился с мамой, воспринимают его строгим.

Отметим, что дети с заболеваниями ревматоидного профиля воспринимают своего отца добрым, любящим и злым. В ходе беседы дети отметили, что им сложно подстроиться под настроение папы – он бывает и добрым, и злым, что вызывает у них страх и ступор. Злость отца проявляется в виде криков, порицаний и наказаний за оценки. Поэтому 21,7% школьников хотят, чтобы отец не ругал их за учебу и проделки. Большинство детей, которые считают, что папа их не любит, проживают с отчимом и (или) воспринимают отца злым. Дети отмечают, что папа много работает, редко бывает дома, а им хочется, чтобы он больше времени проводил с ними.

Большинство детей гастроэнтерологического профиля считают маму любимой, доброй и красивой. По их мнению, мама много ругается и кричит и им хочется, чтобы она была более радостной и общительной. В ходе беседы дети отметили, что им не хватает спокойного общения с мамой, ее заинтересованности в отношении их желаний и увлечений. Мамин интерес ограничен уроками и домашними делами. Дети считают, что мама несправедливо их ругает. Большинство детей, которым не хватает материнского общения, в период болезни получают от мамы заботу. Для детей выгода от болезни состоит в получении внимания, заботы и теплоты от матери.

Большинство детей ревматоидного профиля воспринимают маму как любящую и красивую. Для большинства девочек мама является лучшим другом. Независимо от пола дети считают, что они с мамой похожи, что мама много плачет, им хотелось бы видеть ее более радостной. Дети отмечают, что мама часто занята на работе или делами по дому, а когда они болеют, она о них заботится и больше уделяет внимания. Это как раз то, чего школьникам не хватает – совместного времяпрепровождения с мамой.

На следующем этапе исследования мы отдельно проранжировали высказывания в каждом блоке по группам, с помощью ранговой корреляции Спирмена выявили статистическую взаимосвязь отношения к отцу и отношения к матери у детей с соматическими заболеваниями разного профиля. Это дало нам возможность построить отдельный профиль системы отношений у детей с гастроэнтерологическими и ревматоидными заболеваниями.

У детей с гастроэнтерологическими заболеваниями выявлена следующая особенность: чем меньше отец будет ссориться с мамой, тем мама меньше будет ругать и наказывать ребенка ($r_s = 0,7$) и будет более радостная ($r_s = 0,62$). Также на фоне ссор отца с матерью мама в отношении ребенка проявляет несправедливость: повышает тон, сердится и наказывает за незначительные провинности ($r_s = 0,54$). Таким образом, эмоциональное состояние матери и ее отношения с ребенком обусловлены особенностями взаимоотношений с отцом.

Также выявлено, что чем больше дети гастроэнтерологического профиля воспринимают отца самым лучшим, тем больше воспринимают мать как любящую ($r_s = 0,58$) и добрую ($r_s = 0,63$). Когда школьники ощущают любовь отца, то видят маму красивой и привлекательной ($r_s = 0,49$). Строгость отца тесно взаимосвязана с желанием детей, чтобы мама больше заботилась о них и оказывала поддержку ($r_s = 0,72$).

Установлена взаимосвязь потребности детей в совместном времяпрепровождении с отцом и потребности во внимании и общении с матерью ($r_s = 0,64$). Это свидетельствует о том, что дети недополучают внимания от обоих родителей. Когда школьникам не хватает внимания и совместного досуга с отцом, они могут получить любовь и заботу от матери лишь во время болезни ($r_s = 0,55$). Важно отметить, что когда дети не чувствуют любовь и поддержку со стороны отца ($r_s = 0,46$), в случаях, когда папа проживает отдельно ($r_s = 0,48$) и родители часто ссорятся ($r_s = 0,52$), любовь, внимание и заботу дети получают от матери лишь в случае болезни.

Определена тесная взаимосвязь между сильным желанием детей с ревматоидными заболеваниями больше быть с отцом ($r_s = 0,68$) по причине его частого отсутствия дома ($r_s = 0,70$) и занятости матери на работе и домашними делами. Следовательно, у большинства школьников ревматоидного профиля оба родителя заняты на работе и (или) бытовыми вопросами. Выявлена взаимосвязь между потребностью детей больше проводить времени с отцом и стремлением больше проводить времени с матерью ($r_s = 0,5$). Дети, скучающие по отцу ($r_s = 0,55$) и нуждающиеся в спокойном папе ($r_s = 0,62$), стремятся быть ближе к матери и больше проводить времени с ней. Школьники считают, что чем меньше отец будет их ругать и повышать голос, тем меньше мама будет плакать ($r_s = 0,57$).

Установлена тесная взаимосвязь между любовью отца к ребенку и восприятием мамы как любимого человека ($r_s = 0,7$). Большинство девочек воспринимают отца добрым, а маму – красивой ($r_s = 0,65$) и считают, что похожи с мамой

внешне и поведением ($r_s = 0,7$). Определено, что когда дети, с одной стороны, боятся отца ($r_s = 0,5$), с другой стороны, нуждаются в его внимании и совместном времяпрепровождении ($r_s = 0,46$), а он отсутствует дома ($r_s = 0,53$), мать проявляет заботу и внимание по отношению к детям лишь когда они болеют.

Подобные результаты эмпирического исследования были получены Д. И. Илхамовой при изучении особенностей детско-родительских отношений у детей с хроническими соматическими заболеваниями. Автор выявила корреляты между соматическим состоянием детей и родительскими конфликтами [11]. И. А. Симоненко и А. В. Шевченко отмечают, что у отцов детей с гастроэнтерологическими заболеваниями диагностируется недостаточная зрелость родительских чувств, они склонны к конфликту и переносят его в плоскость детско-родительских отношений [12].

Выводы

Итак, детям не хватает внимания отца, его теплоты и ласки, проведения совместного досуга. Так, дети гастроэнтерологического профиля испытывают дискомфорт из-за родительских ссор, дети ревматоидного профиля подстраиваются под непредсказуемое настроение отца. Им также не хватает внимания, заботы и проявления интереса со стороны мамы. Дети гастроэнтерологического профиля испытывают дискомфорт и напряжение, когда мама ругается и злится. В свою очередь, дети с заболеваниями ревматоидного профиля испытывают жалость, панику и тревогу, когда мама плачет.

Выявлено, что в семьях детей с соматическими заболеваниями в большинстве случаев мать уделяет внимание, заботится, поддерживает и общается с ребенком лишь когда он болен. Следовательно, дети в этом случае получают то, в чем больше всего нуждаются – родительскую теплоту и любовь. Предполагаем, что болезнь является одним из способов сплотить и помирить всю семью возле больного ребенка.

Список литературы

1. Лазурский А. Ф. Избранные труды по общей психологии : Психология общая и экспериментальная. СПб. : Алетей, 2001. 192 с.
2. Мясичев В. Н. Психология отношений : Избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева. М. : Модэк МПСИ, 2004. 158 с.
3. Иовлев Б. В., Карпова Э. Б. Психология отношений. Концепция В. Н. Мясичева и медицинская психология. СПб. : Сенсор, 1999. 76 с.
4. Булыгина М. В. Особенности коммуникации между

матерью и ребенком с хроническим соматическим расстройством (на материале гастропатологии) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 20 с.

5. Соколова Е. Т., Николаева В. В. Личность в условиях хронического соматического заболевания // Соматопсихология : хрестоматия / под ред. И. В. Тухтаровой, Т. З. Биктимирова. Ульяновск : Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2006. С. 527–591.
6. Психология семьи и больной ребенок : учеб. пособие: Хрестоматия / авт.-сост. И. П. Добряков, О. В. Защирина. СПб. : Речь, 2007. 400 с.
7. Урванцев Л. П. Психология соматического больного. Ярославль : Институт психологии РАН, Институт «Открытое общество», 2000. 167 с.
8. Антропов Ю. Ф. Психосоматические расстройства и патологические привычные действия у детей и подростков. М. : Изд-во Института Психотерапии, 2000. 306 с.
9. Филякова Е. Г., Николаева В. В., Касаткин В. Н. Образ Я детей с хроническими соматическими заболеваниями (бронхиальная астма и гастродуоденальная патология) // Педиатрия. 2002. № 4. С. 97–103.
10. Ленкевич И. Э., Копытов А. В. Анализ детско-родительских отношений по результатам опросника PARI в семьях с детьми, страдающими заболеваниями ЖКТ // Медицинский журнал. 2011. № 2. С. 55–60.
11. Илхамова Д. И. Особенности детско-родительских отношений у детей с хроническими соматическими заболеваниями // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1–2. С. 193–197.
12. Симоненко И. А., Шевченко А. В. Психологические особенности отношения отца к ребенку, страдающему хроническим гастродуоденитом // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8, № 5А. С. 214–223.

References

1. Lazurskii A. F. *Izbrannye trudy po obshchei psikhologii: Psikhologiya obshchaya i eksperimental'naya* [Selected works on general psychology: General and experimental psychology]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 192 p. (in Russian).
2. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology of Relationships: Selected Psychological Works. Ed. by A. A. Bodalev]. Moscow, Modek MPSI Publ., 2004. 158 p. (in Russian).
3. Iovlev B. V., Karpova E. B. *Psikhologiya otnoshenii. Kontseptsiya V. N. Myasishcheva i meditsinskaya psikhologiya* [Relationship Psychology. Concept V. N. Myasishcheva and Medical Psychology]. St. Petersburg, Sensor Publ., 1999. 76 p. (in Russian).
4. Bulygina M. V. *Osobennosti kommunikatsii mezhdu mater'yu i rebenkom s khronicheskim somaticheskim rasstroistvom (na materiale gastropatologii)* [Features of communication between a mother and a child with a chronic somatic disorder (based on gastropathology)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2007. 20 p. (in Russian).

5. Sokolova E. T., Nikolaeva V. V. Personality in conditions of chronic somatic disease. In: *Somatopsikhologiya* [Somatopsychology. Ed. by I. V. Tukhtarova, T. Z. Biktimirov]. Ul'yanovsk, Izdatel'stvo Ul'yanovskogo universiteta, 2006. pp. 527–591 (in Russian).
6. *Psikhologiya sem'i i bol'noi rebenok* [Family psychology and a sick child]. Authors-compilers I. P. Dobryakov, O. V. Zashchirinskaya. St. Petersburg, Rech' Publ., 2007. 400 p. (in Russian).
7. Urvantsev L. P. *Psikhologiya somaticheskogo bol'nogo* [Psychology of the somatic patient]. Yaroslavl, Institut psikhologii RAN, Institut «Otkrytoe obshchestvo», 2000. 167 p. (in Russian).
8. Antropov Yu. F. *Psichosomaticheskie rasstroistva i patologicheskie privychnye deistviya u detei i podrostkov* [Psychosomatic disorders and pathological habitual actions in children and adolescents.]. Moscow, Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2000. 306 p. (in Russian).
9. Filyakova E. G., Nikolaeva V. V., Kasatkin V. N. I image of children with chronic somatic diseases (bronchial asthma and gastroduodenal pathology). *Pediatrics* [Pediatrics], 2002, no. 4, pp. 97–103 (in Russian).
10. Lenkevich I. E., Kopytov A. V. Analysis of parent-child relationships according to the results of the PARI questionnaire in families with children suffering from gastrointestinal diseases. *Medsinskii zhurnal* [Medical Journal], 2011, no. 2, pp. 55–60 (in Russian).
11. Ilkhamova D. I. Features of parent-child relationships in children with chronic somatic diseases. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 2015, no. 1–2, pp. 193–197 (in Russian).
12. Simonenko I. A., Shevchenko A. V. Psychological features of the father's attitude to the child suffering from chronic gastroduodenitis. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremnyye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2019, vol. 8, no. 5A, pp. 214–223 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.12.2020, после рецензирования 10.12.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 05.12.2020, revised 10.12.2020, accepted 11.12.2020

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–95
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–95

Научная статья
УДК 372.881.1
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-91-95>

Содержание обучения межкультурному взаимодействию юристов в аспирантуре средствами английского языка

Г. И. Железовская¹, С. П. Хижняк^{2✉}

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Железовская Галина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, sgu.pedagogika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9144-873X>

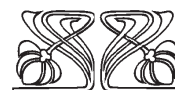
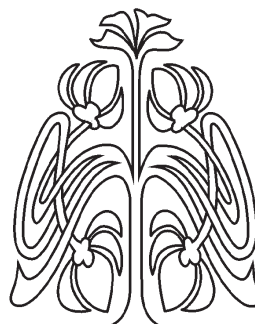
Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, khizhnyaksp@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7157-9206>

Аннотация. Статья посвящена значимой для современной педагогической науки проблеме содержания образования на примере обучения английскому языку аспирантов в Саратовской государственной юридической академии. Иностранный язык для аспирантов в вузах всегда был связан со специальностью, по которой осуществлялось научное исследование. Однако в последнее десятилетие в связи с тем, что аспирантура стала третьим уровнем высшего образования, а аспиранты, окончившие курс обучения, получают комплексную квалификацию «Исследователь. Преподаватель-исследователь», содержание образования по иностранному языку было расширено за счет необходимости приобретения аспирантами знаний, умений и навыков профессионального общения не только в сфере юридической специализации, но и в сфере педагогической деятельности. Вместе с тем наличие общеправовой и частных отраслевых терминосистем, выражающих особые системы научных понятий, предполагает необходимость выделения еще большего количества разделов в рабочих программах. Все указанные сферы предусматривают обучение иностранному языку в русле межкультурной коммуникации для реализации универсальных компетенций, указанных в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

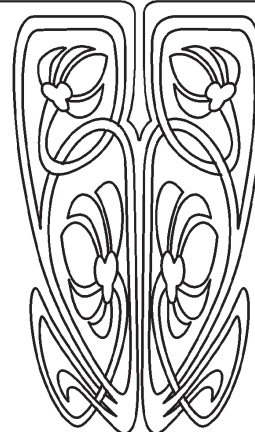
Ключевые слова: содержание образования, обучение, воспитание, иностранный язык, аспирантура

Для цитирования: Железовская Г. И., Хижняк С. П. Содержание обучения межкультурному взаимодействию юристов в аспирантуре средствами английского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–95. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-91-95>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-91-95>

Content of training in cross-cultural interaction of post-graduate law students by means of the English language

Galina I. Zhelezovskaya¹, sgu.pedagogika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9144-873X>

Sergey P. Khizhnyak²✉, khizhnyaksp@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7157-9206>

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Vol'skaya St., Saratov 410056, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of education content that is significant for modern pedagogical theory. It is written using teaching English to postgraduate students at Saratov State Law Academy as an example. A foreign language for postgraduate students in higher education institutions has always been associated with the postgraduate students' major in which they carried out scientific research. However, during the last decade, postgraduate studies have become the third level of higher education, and postgraduate students, who complete the course of study, receive a comprehensive qualification "Researcher. Teacher-researcher". Therefore, the content of foreign language education should be expanded due to the need for postgraduate students to acquire knowledge, habits and professional communication skills not only in the field of legal specialization, but also in the sphere of pedagogical activity. At the same time, the presence of general legal terms and terminological systems belonging to various branches of law and expressing special systems of theoretical concepts suggests the need to include even more sections in the syllabi. All the three areas involve teaching a foreign language in the context of cross-cultural communication for mastering universal competencies specified in the Federal State Educational Standard of Higher Education in the direction of training 40.06.01 – Law (the level of training highly qualified specialists).

Keywords: content of education, training, education, foreign language, postgraduate studies

For citation: Zhelezovskaya G. I., Khizhnyak S. P. Content of training in cross-cultural interaction of post-graduate law students by means of the English language. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-91-95>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема обучения межкультурному взаимодействию на протяжении последних десятилетий является актуальной для педагогической науки [1–4]. О. Ф. Король отмечает, что в «содержании научных исследований межкультурного взаимодействия обнаруживаются представления о разном образе контактов между культурами, ведущих к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств и свойств» [5, с. 349], что важно для формирования вторичной языковой личности.

Современные требования к подготовке аспирантов любого высшего учебного заведения включают в качестве обязательного изучение курса иностранного языка, привязанного к научной специальности обучающегося. ФГОС ВО по направлению подготовки кадров высшей квалификации 40.06.01 «Юриспруденция» содержит две универсальные компетенции, развитие которых предполагает обучение иностранным языкам в аспирантуре: «УК-3 – готовность участвовать в работе международных исследовательских коллективов по решению научных и научно-образовательных задач; УК-4 – готовность использовать современные методы и технологии научной коммуникации на иностранном языке» [6], что обуславливает организацию содержания обучения. Приобретаемая в аспирантуре квалификация

«Исследователь. Преподаватель-исследователь» также требует уточнения содержания обучения с точки зрения развития межкультурной компетенции и навыков осуществления выпускниками аспирантуры межкультурной коммуникации не только в сфере юриспруденции, но и в области педагогической деятельности.

Указанные универсальные компетенции предполагают развитие следующих знаний, умений и навыков, обуславливающих успешность межкультурного взаимодействия: 1) знаний терминологии сферы юридической и образовательной деятельности, проблем воспитания и образования в учебных заведениях высшего образования страны изучаемого языка, особенностей грамматического строя иностранного языка, основ теории перевода и типологии видов чтения; 2) умений осуществлять коммуникативные намерения в устной и письменной формах в профессиональной педагогической и юридической деятельности; 3) навыков поиска профессиональной и лингвокультурной информации, а также письменного перевода, устного и письменного реферативного изложения прочитанного на английском и русском языках.

Несмотря на то, что курс иностранного языка в юридическом вузе (в данном случае английского) по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета носит профессиональную направленность, а поступившие на курс обучения в аспирантуру имеют базовые знания о националь-

но-культурных особенностях права, юридической терминологии и системе юридического образования в англоязычных странах, специфика обучения английскому языку в аспирантуре ставит перед обучающимися более сложные задачи по освоению лингвокультурного материала. Эта специфика обусловлена тем, что тематика учебных материалов дифференцируется в соответствии с номенклатурой юридических специальностей Высшей аттестационной комиссии, а также особенностями системы юридического образования в англоязычных странах, знание которых предопределяется положениями соответствующей универсальной компетенции (УК-3).

Курс иностранных языков в Саратовской государственной юридической академии предусматривает 20 ч лекционного курса и 80 ч практических занятий. Лекционный курс представлен такими темами, как «Национально-культурная специфика лексики и юридической терминологии», «Основы межкультурного профессионального общения юристов», «Основы теории перевода научной юридической литературы», а также обзорным курсом грамматики английского языка.

Е. П. Глумова, рассматривая проблему обучения межкультурному общению будущих учителей иностранных языков, отмечает, что «процесс формирования способности к межкультурному взаимодействию ... должен быть уточнен посредством раскрытия отдельных компонентов стратегической цели. Так, совершенно необходимым видится развитие у студентов способности транслировать научные знания, вступать в научные дискуссии, основываясь на достижениях отечественной науки, а также на научных знаниях другого лингвосоциума... Соответственно этому необходимо уточнить содержание межкультурно ориентированного обучения» [7, с. 228]. Автор считает, что содержание языковой подготовки должно включать в себя следующие компоненты: 1) научные лингвокультурные знания, связанные с профессией; 2) знание научных и профессиональных сфер межкультурного общения; 3) темы, соответствующие содержанию профессиональных дисциплин; 4) типичные ситуации профессионального общения; 5) наличие текстового материала, способствующего освоению лингвокультурного материала; 6) знание культурно-маркированных лексических средств [7, с. 229–230]. Все перечисленные компоненты содержания обучения взаимосвязаны и обусловлены.

Данный подход в целом соответствует определению термина *содержание образования*, который определяется как «педагогически адаптированная система знаний, умений и навыков, опыта творческой деятельности и эмоционально-

ценностного отношения к миру, усвоение которой обеспечивает развитие личности. Специальное образование дает человеку знания и умения, необходимые в конкретной отрасли деятельности» [8, с. 349].

Наличие двух компетенций, которыми должны овладеть аспиранты при изучении иностранного языка, а также то, что курс иностранного языка связан с конкретной специальностью номенклатуры Высшей аттестационной комиссии, обуславливает сложность определения содержания обучения иностранному языку. Так, аспирант, сдавший экзамен кандидатского минимума, обучаясь по одной юридической специальности, вынужден пересдавать его в случае смены специальности для коррекции знаний, умений и навыков в соответствии со специальностью, по которой защищается диссертационное исследование. Количество юридических специальностей в номенклатуре ВАК значительно – 15 [9].

В связи с тем, что, пройдя курс обучения в аспирантуре, обучающийся получает комплексную квалификацию «Исследователь. Преподаватель-исследователь», рабочая программа по иностранным языкам в Саратовской государственной юридической академии предусматривает освоение знаний в соответствии с двумя разделами и четырьмя темами: «Раздел 1. Развитие коммуникативных навыков для решения научных задач. Тема 1. Развитие коммуникативных навыков, связанных с общим направлением подготовки (чтение, перевод, говорение). Тема 2. Развитие коммуникативных навыков, связанных с профилем подготовки (чтение, перевод, говорение). Раздел 2. Развитие коммуникативных навыков для решения образовательных задач. Тема 3. Развитие коммуникативных навыков по проблемам воспитания (чтение, перевод, говорение). Тема 4. Развитие коммуникативных навыков по проблемам дидактики (чтение, перевод, говорение)» [10]. Темы 1, 3, 4 являются общими для изучения аспирантами, обучающимися по всем профилям (специальностям номенклатуры ВАК).

Тема 1. Развитие коммуникативных навыков, связанных с общим направлением подготовки включает в себя курс повторения грамматики, а также овладение общенаучной и общеправовой терминологией на основе таких категорий, как «метод», «подход», «проблема», «система», «право», «законодательство», «государство» и др.

Тема 2. Развитие коммуникативных навыков, связанных с профилем подготовки (чтение, перевод, говорение) предполагает вариативность содержания обучения в соответствии с профилем подготовки. Вариативность обусловлена специфической предполагаемой сферы профессионального

общения (например: межкультурные сходства и различия гражданских правоотношений, межкультурные сходства и различия уголовно-правовых отношений, межкультурное общение в сфере финансового и банковского права, конституционного права, арбитражного процесса и т.д.).

Тема 3. Развитие коммуникативных навыков по проблемам воспитания требует обращения к культурологическим знаниям этого процесса в зарубежных вузах. Например, в англоязычных юридических вузах воспитательный процесс организован так, чтобы помочь студенту стать конкурентоспособным на рынке труда. Юридические вузы предлагают участие студентов в юридических обществах, где, кроме дополнительных юридических связей, студенты получают возможность осуществлять работу по интернету, что приветствуется будущими работодателями. Кроме того, поощряется занятие журналистикой, участие в дебатах и т.д. [11]. Большое внимание уделяется привитию здорового образа жизни, особенно занятиям спортом [12].

Тема 4. Развитие коммуникативных навыков по проблемам дидактики связана с особенностями обучения юристов. В этом плане важным является знание о разграничении юридической профессии в Великобритании в соответствии с двумя отраслями (солиситоры и барристеры), об обучении в Судебных Иннах (Inns of Court), о формировании Судебных Иннов в США и обучении в юридических клиниках, которые в отличие от России имеют более длительную историю развития, и др.

В соответствии со второй темой уточняется тематика общения, выявляются типичные ситуации, характерные для профиля подготовки, отбирается соответствующий аутентичный текстовый материал, который способствует освоению запаса культурно-маркированных терминологических единиц, представленного в конкретной сфере общения, четко обозначенной в разделах «Область исследований» паспортов специальностей. Так, в соответствии с паспортом специальности 12.00.13 «Информационное право» релевантными для обучающихся по этой специальности являются следующие ситуации общения: информационная среда и информационные ресурсы, государственное управление в сфере информационных отношений, правовой режим информации в государстве, международная информационная безопасность и др. [13]. Для обучающихся по специальности 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право» важными среди прочих являются следующие правовые ситуации: регулирование корпоративных отношений в государстве, особенности корпоративных договоров,

формирование уставных капиталов корпораций, особенности конфликтов в корпоративных отношениях и др. [14]. В рамках каждой темы выявляются эквивалентные, частично эквивалентные и безэквивалентные (культурно-маркированные) терминологические единицы.

Таким образом, содержание обучения аспирантов иностранному языку в юридическом вузе с целью освоения ими знаний, умений и навыков межкультурного взаимодействия обусловлено универсальными компетенциями и необходимостью организации учебного процесса в соответствии с комплексной квалификацией «Исследователь. Преподаватель-исследователь».

Список литературы

1. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 31–45.
2. Перлова О. В. Формирование и развитие профессионально-коммуникативных умений у изучающих иностранный язык // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации : культурология, психология, образование : сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции (Москва, 10–12 декабря 2019 г.). М. : Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 114–118.
3. Рыженков В. В. Проблема межкультурного взаимодействия в историческом аспекте // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 2. С. 1–11.
4. Селькова А. В. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у студентов в условиях поликультурной среды современного вуза // Актуальные вопросы образования. 2020. Т. 1. С. 100–104.
5. Король О. Ф. Межкультурное взаимодействие : к определению понятия // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55-2. С. 349–355.
6. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации) : Приказ Минобрнауки России от 05.12.2014 № 1538 (ред. от 30.04.2015) (зарегистрировано в Минюсте России 25.12.2014 № 35395). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174550/ (дата обращения: 31.08.2020).
7. Глумова Е. П. Теория и практика обучения будущих учителей иностранного языка организации межкультурного общения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 225–230.
8. Лернер И. Я. Содержание образования // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. Г. Панов. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 2. 669 с.

9. Паспорта научных специальностей. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/316.jsessionid=ZELax0xg2yhRcAFhzIJpraIH> (дата обращения: 31.08.2020).
10. Аннотация рабочей программы дисциплины «Иностранный язык (английский)» Саратовской государственной юридической академии. URL: http://ssla.ru/documents/oop/high/40.06.01/opop/yg_prc.pdf (дата обращения: 31.09.2020).
11. Extra Curricular Activities. URL: <https://thestudentlawyer.com/extra-curricular-activities/> (дата обращения: 31.08.2020).
12. Living in Charlottesville. URL: <https://www.law.virginia.edu/charlottesville/things-to-do/sports-and-recreation> (дата обращения: 31.08.2020).
13. Паспорт специальности 12.00.13 Информационное право. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/documents/10179/0/12.00.13.docx/c7468066-ecb0-4498-abef-00f95ef69f0f> (дата обращения: 31.08.2020).
14. Паспорт специальности 12.00.07 Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/documents/10179/0/12.00.07+Паспорт.docx/255be859-02de-430b-93ad-117136bfc273> (дата обращения: 30.08.2020).
6. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 40.06.01 Iurisprudentsiia (uroven' podgotovki kadrov vysshei kvalifikatsii): Prikaz Minobrnauki Rossii ot 05.12.2014 No. 1538 (red. ot 30.04.2015) (Zaregistrirvano v Miniuste Rossii 25.12.2014 N 35395)* [On approval of the Federal state educational standard of higher education in the field of training 40.06.01 Jurisprudence (level of training highly qualified personnel): Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of 05.12.2014 No. 1538 (ed. from 30.04.2015) (Registered with the Ministry of justice of the Russian Federation on 25.12.2014 No. 35395)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174550/ (accessed 31 August 2020) (in Russian).
7. Glumova E. P. Theory and practice of teaching future foreign language teachers to organize inter-cultural communication]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2013, no. 3 (24), pp. 225–230 (in Russian).
8. Lerner I. Ya. Soderzhanie obrazovaniia [Content of education]. *Rossiiskaia pedagogicheskaia entsiklopediia: v 2 t. Gl. red. V. G. Panov* [Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 vols. Chief editor V. G. Panov]. Moscow, Bol'shaia rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999, vol. 2. 669 p. (in Russian).

References

1. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Socio-psychological factors of ethnic tolerance and strategies of intergroup interaction in multicultural regions of Russia. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2003, vol. 24, no. 5, pp. 31–45 (in Russian).
2. Perlova O. V. Formation and development of professional communication skills in foreign language learners. In: *Inostranniy iazyk v sfere professional'noi kommunikatsii: kul'turologiia, psikhologiiia, obrazovanie. Sbornik materialov Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Moscow, 10–12 decabrya 2019) [Foreign language in professional communication: cultural studies, psychology, education. Collection of materials of the Interuniversity scientific and practical conference (Moscow, 10–12 December, 2020)]. Moskovskiy gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet Publ., 2020, pp. 114–118 (in Russian).
3. Ryzhenkov V. V. The problem of intercultural interaction in the historical aspect. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiiia* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2019, vol. 7, no. 2, pp. 1–11 (in Russian).
4. Sel'kova A. V. Formation of students' experience of cross-cultural interaction in the multicultural environment of a modern University. *Aktual'nye voprosy obrazovaniia* [Current Issues of Education], 2020, vol. 1, pp. 100–104 (in Russian).
5. Korol' O. F. Cross-cultural interaction: to define the concept. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia* [Problems of Modern Teacher Education], 2017, no. 55-2, pp. 349–355 (in Russian).
9. *Pasporta nauchnykh spetsial'nostei* (Passports of scientific specialties). Available at: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/web/guest/316.jsessionid=ZELax0xg2yhRcAFhzIJpraIH> (accessed 31 August 2020) (in Russian).
10. *Annotatsiia rabochei programmy distsipliny "Inostranniy iazyk (anglii-skii)" Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* (Abstract of the working program of the discipline "Foreign language (English)" of the Saratov State Law Academy). Available at: http://ssla.ru/documents/oop/high/40.06.01/opop/yg_prc.pdf (accessed 31 August 2020) (in Russian).
11. *Extra Curricular Activities*. Available at: <https://thestudentlawyer.com/extra-curricular-activities/> (accessed 31 August 2020) (in Russian).
12. *Living in Charlottesville*. Available at: <https://www.law.virginia.edu/charlottesville/things-to-do/sports-and-recreation> (accessed 31 August 2020) (in Russian).
13. *Pasport spetsial'nosti 12.00.13 Informatsionnoe pravo* (Passport of the specialty 12.00.13 Information law). Available at: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/documents/10179/0/12.00.13.docx/c7468066-ecb0-4498-abef-00f95ef69f0f> (accessed 31 August 2020) (in Russian).
14. *Pasport spetsial'nosti 12.00.07 Korporativnoe pravo; konkurentnoe pravo; energeticheskoe pravo* (Passport of specialty 12.00.07 Corporate law; competition law; energy law). Available at: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/documents/10179/0/12.00.07+Паспорт.docx/255be859-02de-430b-93ad-117136bfc273> (accessed 31 August 2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 24.09.2020, после рецензирования 05.10.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 24.09.2020, revised 15.10.2020, accepted 11.12.2020

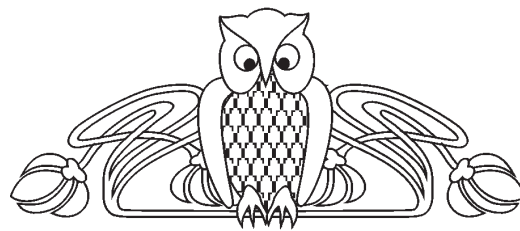
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 96–100
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 96–100

Научная статья

УДК 37.014

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-96-100>

Трансформация образования: возможные перспективы

О. В. Охлупина

Брянский государственный инженерно-технологический университет, Россия, 241037, г. Брянск, проспект Станке Димитрова, д. 3
Охлупина Ольга Валентиновна, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математики, helga131081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0694-2990>

Аннотация. В свете набирающей обороты технологической революции обострился вопрос жизнеспособности традиционного образования. Сторонниками цифровой трансформации пытаются доказать его неэффективность в новых условиях. Школы и вузы запугивают поколением «неподдающихся» стандартным подходам «зетов», большую часть свободного времени проводящих в сети, с клиповым мышлением, неспособностью долгой концентрации внимания и прочими особенностями. Противники цифровизации стараются оградить подростков от неограниченного использования гаджетов. Обсуждаются вопросы о разумном использовании цифровых устройств, не наносящем вреда здоровью. Весной 2020 г. ситуация складывалась таким образом, что «вред» от долговременного общения молодежи с гаджетами становился несопоставимым с возможностью остановки процесса обучения. Учебные заведения экстренно перешли на работу в дистанционном формате. Переход вскрыл множество проблем, которые по возможности решались в ходе процесса. Стало очевидным, что как единственно возможный формат работы дистанционное обучение использовать невозможно. Каким станет образование будущего, будет зависеть от многих факторов. Останется оно всеобщим со знаком качества традиционного образования или подвергнется радикальной трансформации? Цель данной статьи – выяснить, так ли сильно отличается новое поколение молодежи, что о его «броню» разбиваются все подходы традиционной системы образования. Или же под флагом поколения Z продвигается идея коренного перехода к абсолютно новому образованию.

Ключевые слова: цифровые технологии, теория поколений, поколение Z, традиционное образование, дистанционное обучение, образование будущего

Для цитирования: Охлупина О. В. Трансформация образования: возможные перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 96–100. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-96-100>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-96-100>

Transformation of education: Possible perspectives

Olga V. Okhlupina, helga131081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0694-2990>

Bryansk State University of Engineering and Technology, 3 Stanke Dimitrov Av., Bryansk 241037, Russia

Abstract. In the light of the growing technological revolution, the question of the viability of traditional education has become more acute. They try to persuade the proponents of digital transformation that it is inefficient in the new conditions. Schools and universities are intimidated by the generation Z which is "non-compliant" with standard approaches. They spend most of their free time online, have a clip way of thinking and are unable to concentrate their attention on something for a long time. Opponents of digitalization try to protect teenagers from unlimited use of gadgets. Issues about reasonable use of digital devices which do not harm their health are widely discussed. But in the spring of 2020, there arose such a situation that the harm from using gadgets by teenagers could not be compared to the possibility of the learning process breakdown. Educational institutions are urgently switched to distance learning. The transition revealed many problems, some of which were being solved in the course of the working process. It becomes obvious that distance learning cannot be used as the only possible format of work. The future of education depends on many factors. Will it remain universal with the quality mark of traditional education, or will it undergo a radical transformation? The purpose of this article is to find out whether the new generation of young people is so different that all the approaches of the traditional education system are smashed against its "armor". Or, under the banner of the generation Z, the idea of a radical transition to a completely new education is being promoted.

Keywords: digital technologies, generation theory, generation Z, traditional education, distance learning, future education

For citation: Okhlupina O. V. Transformation of education: Possible perspectives. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 96–100 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-96-100>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Начало 2020 г. стало своеобразной проверкой готовности системы образования к переменам. Произошла глобальная «обкатка» технологий дистанционного обучения.

Стремительный переход к цифре выявил множество проблем, которые с различной степенью успешности решались «в полевых условиях» в ходе процесса. Выявлены как плюсы, так и минусы дистанционного образования. Процесс обучения не был остановлен. Однако несовершенные образовательные платформы давали сбои. Технические возможности многих потребителей образовательных услуг оставляют желать лучшего. Как у обучающихся, так и у обучающихся отмечена психологическая неготовность к новому формату работы. Очевидно, что убедительных доказательств повышения качества образования с помощью тотальной цифровизации пока не наблюдается.

Цифровизация, о которой мы слышим отовсюду, становится составляющей жизни современного общества. Переход к цифре объясняется необходимостью эффективной работы и существования в среде, где стремительно развиваются информационные технологии. Постепенно человек получает доступ к использованию новых возможностей и становится частью информационного общества.

Поколение Z: «они не такие, как мы»?

В последние десятилетия широкую известность в мире получила теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува, разработанная на основе анализа истории США. Адаптировать эту теорию к реалиям нашей страны постарались Е. Шамис и А. Антипов.

Так называемое поколение Z привлекает к себе больше всего внимания. Сосуществование в реальном и цифровом мире становится нормальным явлением для его представителей. Проблемам «зетов» посвящено огромное количество исследований, в которых много говорится об «экранной зависимости», рассредоточении внимания, снижении объема памяти, дегенерации познавательных процессов, снижении качества сна, повышенной возбудимости и т.д. Специалисты обеспокоены столь стремительной цифровизацией детства. Л. Иванова, научный сотрудник ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко» считает, что «до широкомасштабного внедрения гаджетов в процесс обучения, необходимо провести длительные исследования... а также разработать нормы для их применения, с привлечением психологов, психофизиологов, клиницистов и организаторов

здравоохранения» [1]. Однако как бы родители и профессионалы не пытались уберечь своих детей от неограниченного влияния гаджетов, избежать их использования оказалось невозможно. Министерство просвещения в августе 2019 г. опубликовало «Методические рекомендации об использовании средств мобильной связи в общеобразовательных организациях» [2] «с целью снижения негативного влияния на здоровье», а в начале 2020 г. мы столкнулись с массовой цифровизацией процесса обучения.

Сторонники реформы образования также проявили интерес к поколению Z. Стала продвигаться идея о «радикальном» отличии его представителей от всех предыдущих поколений. Как следствие: старые подходы к их обучению утрачивают силу, и спасти ситуацию способна модернизация образования. Но так ли сильно отличается поколение Z от остальных, что к нему требуются «революционные» подходы в построении образовательного процесса?

Анализ характеристик «зетов» показывает, что, например, многозадачность, приписываемая современным подросткам и продвигаемая как тренд настоящего времени, – это не характеристика поколения. Она присуща, скорее, более старшим людям и связана со зрелостью нервной системы. Но даже среди взрослых процент способных успешно справляться с многозадачностью невысок. И часто следствием одновременной работы в разных направлениях становятся утомляемость, рост ошибок выполнения, неглубокое восприятие информационного потока. Более того, доказано, что режим последовательного решения задач гораздо эффективнее [3].

Низкий контроль над концентрацией внимания, свойственный «зетам», наблюдался и у представителей других поколений. Согласно Л. Выготскому подростковый возраст – самый неуравновешенный и изменчивый период. Именно поэтому во время занятий внимание обучаемых стимулируется преподавателем. И постепенно в ходе учебной деятельности учащиеся вырабатывают навык поддержания произвольного внимания.

Введенное Э. Тоффлером клиповое мышление понимается как «фрагментарное поверхностное знание» [4]. Его часто связывают с многозадачностью. Клиповое мышление – приобретенный вид мышления. Информация поступает без анализа и отражается в сознании клипами, без учета логических связей между ними. Проблемы такое мышление создаст своему обладателю только в том случае, если у человека не развиваются другие виды мышления. Следует вспомнить, что особенностью мыслительной деятельности подростка является формируемое

в процессе традиционного обучения постепенное изменение соотношения между конкретно-образным и абстрактным видами мышления в пользу абстрактного. Получается, что опасения излишни, и дополнительно приобретаемый навык «клиповости» позволяет быстро находить решение при выполнении поставленных задач.

Можно и дальше анализировать приписываемые молодежи негативные стереотипы ради использования «моральной паники» для продвижения идей трансформации образования. Н. В. Богачева, развеивая «мифы» о поколении Z, пишет: «Проще доказать, что с молодым поколением что-то не так, чем признать, что с ним все в порядке» [цит. по: 5].

Возможные перспективы

Окружающий мир меняется стремительно, а вместе с ним меняемся и мы. Так было и раньше. Общество развивалось. Появлялись наукоемкие производства, требующие высококлассных специалистов, постоянно повышающих свою квалификацию. Образование всегда чутко реагировало на подобные вызовы.

Новое время требует специалистов с высоким уровнем интеллектуальной лабильности, способных к самообразованию на протяжении всей жизни. Консервативные методы, по утверждениям специалистов, ратующих за переформатирование образования, уже не работают с прежней эффективностью. Так, Д. Песков, характеризуя вузы с традиционным подходом, констатирует: «Если больного пичкать допингом, он еще немного попрыгает, но ничего хорошего он уже не сделает, поэтому надо позволить “больному” умереть и построить образовательную систему совершенно иного принципа» [6]. То есть речь идет именно об ином подходе. В чем же его особенности?

Система образования нацелена на формирование качеств личности, необходимых обществу для включения в необходимые виды деятельности [7]. Образование должно ориентироваться на удовлетворение потребностей работодателя. Согласно этим требованиям вырабатываются компетенции будущих специалистов. Компания-работодатель предъявляет все больше требований к профессиональному уровню нанимаемого сотрудника, от которого ожидается готовность работать в условиях быстрой смены технологий и непрерывного саморазвития. «Образование будет все более и более специализированным, профессионалов широкого профиля будет все меньше» [8].

Станет ли образование новым образцом доступным для всех без исключения граждан? «В будущем будут разные модели университе-

тов... Образование будущего разделится на два вида – “компьютерное”, оно будет дешевым, и “человеческое”, оно будет дорогим, потому что знания стремительно обесцениваются, а социальные связи и возможность учиться лицом к лицу будут только дорожать» [6]. «Массовость высшего образования неминуемо вступит в противоречие с возможностью отдельных граждан, обладающих повышенным достатком, обеспечить для себя и своих детей особые условия, в то время как провозглашаться будет всеобщая доступность и равенство прав» [8].

Образование постепенно становится сферой бизнеса по оказанию образовательных услуг. Обучаемый приобретает определенные навыки для последующей выгодной их продажи работодателям. Происходит переход к персонализации образования. Предполагается создание универсальной идентификации учащегося с помощью анализа цифрового следа. Это позволит выделять наиболее талантливых молодежь. Произойдет разделение на перспективных сотрудников и исполнителей рутинных операций. «Поскольку всех учить одинаково хорошо не получится, мы будем вынуждены встать перед выбором: либо помогать самым умным, либо пытаться подтянуть остальных хотя бы до среднего уровня» [8]. Ясно, что второй вариант – явно не в приоритете.

Цифровизация открывает доступ к большому количеству учебных материалов. Осваиваются новые методики обучения, совершенствуется процесс удаленного получения знаний. И одновременно делается упор на самостоятельную работу.

С чем мы реально столкнулись в ходе дистанционного образования? С огромным потоком информации, который обрушился на учащихся. С этим объемом многим пришлось пытаться справляться самостоятельно, получая консультации преподавателей. Однако полученная информация у многих не трансформировалась в знания. А ведь именно они являются критерием эффективности учебного процесса. Информация становится знанием, если она осмыслена, структурирована и может использоваться обучаемым при решении определенных задач. Но мы прекрасно понимаем, что в форс-мажорной ситуации любое обучение лучше полного его отсутствия. Поэтому делаем соответствующие выводы по устранению минусов и надеемся, что такой формат не станет единственно возможным в дальнейшем.

В условиях цифровизации возникает вопрос о возможной замене преподавателя на тьютора, посредника между обучаемым и обучающим ресурсом. Это означает девальвацию роли преподавателя, который всегда был центральной

фигурой системы образования. «Происходит изменение роли преподавателя... он должен сосредоточиться не на изложении материала из одной головы в другую, а на консультировании» [9]. Ответ очевиден: такая замена приведет к негативным последствиям. Именно преподаватель учит обработке, анализу, систематизации, установлению справедливости той или иной информации, мотивирует, оказывает влияние на формирование интереса к выбранному виду профессиональной деятельности. Он является тем фильтром и движущей силой, которые необходимы обучаемому, пока тот не научится работать самостоятельно.

Цифровизация порождает преобладание наглядно-образного и наглядно-логического мышления. В связи с этим преподавателям рекомендуется использовать новые способы подачи образовательной информации, адаптированные к быстрому восприятию, избегать традиционных повествовательных форм, требующих словесной подачи нового материала, освоения объемных текстов. Постепенно начинается уход от человека думающего, ведь только люди с клиповым мышлением не могут проводить глубокий логический анализ и не могут решать достаточно сложные задачи.

Индивидуализация процесса обучения имеет как свои плюсы, так и минусы. Плюсом является построение субъективных образовательных направлений и непрерывный индивидуальный мониторинг личностной и профессиональной результативности обучающихся. Однако персонализация может привести к снижению уровня социализации учащихся, неумению работать в команде, уменьшению соревновательности в учебе, низкому уровню развития инициативности. Возникают вопросы, связанные с самомотивацией, разработкой эффективного плана самостоятельной работы, самоконтролем знаний.

Традиционно образование включает в себя воспитание и обучение. Но если передача информации в сети возможна, то как быть с воспитанием? Поколению Z свойственна сетевая социализация личности, которая носит хаотический характер. Возникают сложности педагогического процесса, связанные с пробелами в «социальных компетенциях» [10]. Необходимо сделать ход такой социализации контролируемым педагогически. Важно развивать способность разделять виртуальный и реальный миры и соответствующие им типы ответственности. Необходимо сформировать культуру коммуникации в цифровом пространстве, способность верифицировать и анализировать информацию.

Подведение итогов

Государству для поступательного движения необходимы квалифицированные кадры и прорывные технологии. Развитие высокотехнологичных отраслей невозможно без научных знаний. На помощь в достижении поставленных целей, как обычно, должна прийти система образования, чутко реагирующая на изменения в обществе и мире.

Пандемия стала причиной тотального перехода к дистанционному обучению. Непривычная для многих, сырая, недостаточно отлаженная система работы позволила продолжить образовательный процесс в экстренных условиях. Однако выявился целый ряд проблем, связанных с таким форматом работы. Вузы и школы должны ответственно подойти к анализу своей деятельности во время пандемии: рассмотреть все сложности и выработать стратегию по их предотвращению, взять на вооружение наиболее «рабочие» методы и усовершенствовать их.

Определенно можно сказать, что дистанционное обучение не может стать полноценной альтернативой очному на постоянной основе. И стоит ли ломать традиционное, доказавшее свою эффективность образование и слепо стремиться к новому с сомнительной полезностью? Не рациональнее ли взять лучшее и дополнить его грамотно сконструированным новым?

Не следует забывать, что гораздо совершеннее то общество, где большинство все же подтянуто до среднего уровня (что абсолютно не исключает наличие талантливых и ярких представителей), чем серая масса с низким уровнем образованности.

Список литературы

1. *Иванова Л.* При «гаджетизации» обучения можно забыть о думающем поколении // PBC. 2018. URL: <http://rvs.su/novosti/2018/pri-gadzhemizacii-obucheniya-mozhno-zabyt-o-dumayushchem-pokolenii#hcq=nYxBIVq> (дата обращения 01.05.2020)
2. Методические рекомендации об использовании средств мобильной связи в общеобразовательных организациях // Роспотребнадзор. 2019. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=12456 (дата обращения 30.04.2020).
3. *Фрумкин К. Г.* Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Intermum. 2010. Т. 1. С. 26–36.
4. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ. 2009. 800 с.
5. *Константинов А.* Поколение Z: почти все, что говорят о нем, — ложь // Русский репортер. 2019. № 6 (470). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/06/pokolenie-z-pochti-vse-chto-govoryat-o-nem---lozh/ (дата обращения: 01.05.2020).

6. Шенаев А., Песков Д. Обсудим образование будущего : Google ломает шпиль МГУ // E-xecutive.ru. 2010. URL: E-xecutive.ru <http://safbd.ru/en/content/obrazovanie-budushchego-google-lomaet-shpil-mgu> (дата обращения: 30.04.2020).
7. Саркисян Т. Н. Педагогический процесс как целостное явление // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6-1. С. 139–143.
8. Мелешко В. Главный тренд российского образования – цифровизация // Учительская газета. 2018. 23 янв.
9. Цифровая трансформация образования и драйверы развития // МГПУ. 2019. URL: <https://www.mgpu.ru/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya-i-drajvery-razvitiya/> (дата обращения: 01.05.2020).
10. Колесов В. И., Смолонская А. Н., Смолонский С. И. Сущность определения проблемы в структуре социальной компетентности // Символ науки. 2018. № 8. С. 76–78.
3. Frumkin K. G. Global changes in thinking and the fate of text culture. *Interium*, 2010, vol. 1, pp. 26–36 (in Russian).
4. Toffler E. *Tretya volna* [Third Wave]. Moscow, AST Publ., 2009, 800 p. (in Russian).
5. Konstantinov A. Generation Z: Almost all that is said about it is a lie. *Russkij reportyor* (Russian Reporter), 2019, no. 6 (470). Available at: https://expert.ru/russian_reporter/2019/06/pokolenie-z-pochti-vse-chtogovoryat-o-nem---lozh/ (accessed 1 May 2020) (in Russian).
6. Shenaev A., Peskov D. Let's discuss the future of education: “Google is breaking the spire of Moscow State University”. *E-xecutive.ru*, 2010. Available at: E-xecutive.ru <http://safbd.ru/en/content/obrazovanie-budushchego-google-lomaet-shpil-mgu> (accessed 30 April 2020) (in Russian).
7. Sarkisyan T. N. Pedagogical process as an integral phenomenon. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-educational Thought], 2014, vol. 6, no. 6-1, pp. 139–143 (in Russian).
8. Meleshko V. The main trend of Russian education – digitalization. *Uchitelskaja gazeta* (Teacher's Newspaper), 2018, 23 January (in Russian).
9. *Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya i drajvery razvitiya* (Digital transformation of education and drivers of development). *MGPU* [MSPU], 2019. Available at: <https://www.mgpu.ru/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya-i-drajvery-razvitiya/> (accessed 1 May 2020) (in Russian).
10. Kolesov V. I., Smolonskaya A. N., Smolonskiy S. I. The essence of defining the problem in the structure of social competence. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2018, no. 8, pp. 76–78 (in Russian).

References

Поступила в редакцию 18.05.2020, после рецензирования 28.05.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 18.05.2020, revised 28.05.2020, accepted 11.12.2020

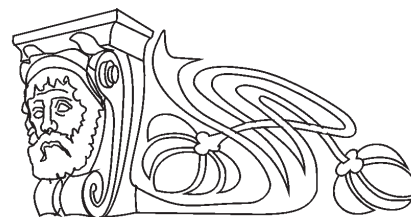

Научная статья

УДК 37.017.7

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>

Ответственность как качество личности: сущность, формирование, значение

А. В. Перевозный

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Республика Беларусь, 220030, г. Минск, ул. Советская, д. 18

Перевозный Алексей Владиславович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, palexei1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9688-4995>

Аннотация. В статье раскрывается значение ответственности для обеспечения безопасной окружающей человека среды. Поднятая проблема обусловлена противоречием между потребностью людей в безопасности и невозможностью ее во многих случаях удовлетворить из-за ненадлежащего выполнения работниками своих должностных обязанностей. Цель статьи – наметить способы решения указанного противоречия педагогическими средствами. Методологическую основу проведенного изыскания составляют системный, деятельностный, субъект-субъектный подходы. Раскрыты сущностные черты ответственного поведения, охарактеризованы предпосылки, обуславливающие формирование ответственной личности: макроуровневая (организация общественной жизни); семья и другие микробообщности; образовательные учреждения. Отмечается важность консолидации усилий всех субъектов педагогических воздействий для решения важной воспитательной задачи. Отражена роль отдельных принципов воспитания в формировании ответственной личности в прошлом и на современном этапе. Особое внимание уделено роли высшего образования в формировании ответственности, поскольку именно в университетской среде у студентов вырабатываются модели поведения, которые затем могут быть ими применены в общественной жизни, в быту, на производстве. Такой подход позволяет сугубо педагогическому вопросу придать социально значимый характер.

Ключевые слова: ответственность, качество личности, формирование, семья, общественная среда, образование

Для цитирования: Перевозный А. В. Ответственность как качество личности: сущность, формирование, значение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 101–105. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>

Responsibility as a quality of personality: Essence, formation, significance

Alexei V. Perevozny, palexei1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9688-4995>

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, 18 Sovetskaya St., Minsk, 220030, Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the significance of responsibility in providing safety of the environment surrounding the person. The problem is caused by the contradiction between the human need for security and impossibility in many cases to satisfy it because of inadequate fulfilment of the duties by employees. The purpose of the article is to outline the ways of solving this contradiction by pedagogical means. The methodological basis of the research is systematic, activity-based, and subject-subject approaches. The author reveals the essential features of responsible behavior and prerequisites for the formation of a responsible person: macro-level (organization of public life); family and other micro-communities; educational institutions. Importance of effort consolidation of all subjects of pedagogical influence for solving urgent educational problems is noted. The role of certain principles of education in the formation of a responsible person in the past and at the present stage is shown. Particular attention is paid to the role of higher education in the formation of responsibility, since it is in the university environment where students develop such patterns of behavior that afterwards may be used in public and everyday life, and in their profession. This approach makes a purely pedagogical issue socially important.

Keywords: responsibility, personal touch, formation, family, social environment, education

For citation: Perevozny A. V. Responsibility as a quality of personality: Essence, formation, significance. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 101–105 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-101-105>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В современном русском языке слово «ответственность» является многозначным [1, с. 508]. Нас оно интересует не столько как «обязательство отчитываться в каких-либо своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия» [1, с. 508], сколько как качество личности, отражающее ее нравственное содержание. Так, в одном из определений утверждается, что ответственность – это «понятие, характеризующее способность и возможность человека выступать полноправным субъектом собственного поведения – сознательно и добровольно выполнять нравственные и правовые требования и осуществлять стоящие перед ним задачи» [2, с. 442]. В другом определении делается акцент на контрольной функции ответственной личности над своей деятельностью, что отражает «социальное, морально-правовое отношение к обществу, выражающееся в выполнении принятых нравственных и правовых норм и правил, своего долга, исполнении ролевых обязанностей, готовности дать отчет за свои действия» [3, с. 229]. Учитывая приведенные определения, можно заключить, что ответственный человек является носителем субъектности, способен следовать нравственным и правовым нормам, выполнять свои обязанности, руководствуясь не только собственными желаниями, но и мотивом долженствования.

За последние годы проблема формирования ответственности как личностного качества неоднократно становилась предметом научного поиска. Так, различные аспекты формирования ответственности школьников рассматривали М. В. Ковалевская, И. Д. Кочетова, С. И. Куликова, М. С. Невзорова, Н. А. Позднякова, Т. А. Степанчук, А. Н. Усачева, студентов – Е. В. Братухина, Т. Н. Дегтярева, О. В. Донева, Е. В. Емец, Г. И. Кашапова, Л. Р. Толстых, М. Р. Якишева.

Существенно меньше диссертационных работ посвящено нахождению путей повышения ответственности персонала. Среди них следует отметить исследования Е. Н. Грозы и С. В. Щевцовой. Между тем это направление деятельности менеджмента является весьма важным, поскольку представляет собой превентивную меру, ограждающую организацию от чрезвычайных ситуаций. Конечно, постоянно совершенствующиеся технические средства контроля позволяют проверять качество выполнения поставленных задач. Однако обеспечить каждое рабочее место контролирующим прибором вряд ли возможно. Поэтому главной контрольной инстанцией выступает личность с развитой функцией ответственного поведения и деятельности, сформировавшаяся в процессе

воспитания и самовоспитания. Это позволяет действовать не с позиций нравственного формализма, подчиняясь внешним требованиям, а на основе сложившихся убеждений, регулирующих поведение и деятельность специалиста.

Ответственность человека выражается в отношении к делу, самому себе, людям, окружающей природе, вещам, включая средства производства. Степень ее развитости служит результатом личностных усилий, а также действия внешних факторов, связанных с требованиями, предъявляемыми работодателем своим сотрудникам. Если на предприятии ответственное отношение к работе – непреложное требование, то сама атмосфера не позволит сотруднику любого ранга проявлять безответственность. Если нормы и правила, регулирующие деятельность организации, носят относительный характер, а нарушение правил вслух, конечно же, порицается, но негласно допускается, то ответственное отношение к труду и его результатам уступает безответственности, что самым непосредственным образом влияет на качество производимой продукции, какой бы она ни была: материальной или духовной.

Ответственное поведение заключается не в том, чтобы взять на себя как можно больше обязанностей, которые будет трудно или даже невозможно выполнить. Отказ от задания или должности, если они не отвечают профессиональным, психофизиологическим и личностным возможностям специалиста, – проявление ответственного поведения человека, реально оценивающего свой потенциал. Навязывание работнику дополнительных обязанностей, которые он не может выполнить, есть принуждение к ответственности. Ответственное поведение руководителя состоит в том, чтобы распределять обязанности среди своих сотрудников с учетом их индивидуальных возможностей. В условиях коллективной деятельности это особенно важно, поскольку позволит идентифицировать качество выполнения заданий каждым работником, избежав коллективной безответственности, которая представляет собой весьма опасное социальное явление.

Личная ответственность приобретает социальный характер, если задачи, к решению которых причастен гражданин, выходят за пределы индивидуально значимых. Чем большее количество людей зависит от результатов выполняемой деятельности, тем большую общественную важность она имеет. Каждый человек стремится к тому, чтобы деятельность, которой он занимается, была бы важной для других людей, однако это означает повышение его социальной ответственности за качество ее выполнения. Причем

чем менее регламентирован рабочий процесс, тем большую ответственность работник берет на себя.

В основе любого действия лежат потребности, мотивы, цель, знания о способах совершения, эмоционально-волевой компонент [4, с. 14–17]. Ответственное поведение обусловлено тем, в какой мере каждая из составляющих коррелирует с выполняемой задачей. Несоответствие даже одного из них приводит к некачественному совершению действия в целом. Как следует из представленной модели, ответственное поведение возможно, если интегрированы в целостность профессиональные и личностные качества. Профессионализм заключается в том, чтобы последовательно, в полном объеме выполнить операции, которые должны привести к намеченному результату. Однако только этого недостаточно для качественного выполнения задачи. Работник может знать, как следует действовать, тем не менее будет допускать ошибки, поскольку не задействован личностный фактор.

На формирование ответственного поведения влияют три предпосылки: макроуровневая; семья и другие микрообщности; образовательные учреждения. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Обратимся к предпосылке макроуровня. Это «внешняя объективная организация общественной жизни и деятельности людей», которая «обуславливает специфический внутренний строй регуляции их деятельности» [4, с. 187], а значит, может способствовать формированию чувства ответственности, а может, напротив, препятствовать этому. Особенности общественной жизни определяются рядом условий, среди которых: менталитет нации, комплекс мер, в том числе правовых, предотвращающих безответственность, наличие программы нравственного воспитания детей и учащейся молодежи. Для создания атмосферы осуждения безответственного поведения требуются существенные усилия как государства, обладающего необходимыми ресурсами, так и каждого гражданина.

Ответственное поведение является результатом целенаправленного воспитания в семье и учреждениях образования, так и итогом деятельности таких социализирующих факторов, как: средства массовой коммуникации, общественные и религиозные организации, учреждения культуры, спорта, здравоохранения, коллективы, частью которых является индивид и которые по отношению к нему выполняют педагогическую функцию. Какой из факторов станет доминирующим, зависит от условий, в которых осуществляется воспитание. Однако по охвату аудитории средства массовой коммуникации принадлежит

лидирующая роль. В связи с этим «...необходимо, чтобы СМИ выступали как сила, призванная мобилизовать государственные структуры, общественность, семью, школу, вуз на формирование личности безопасного типа, общества безопасного типа, государства безопасного типа» [5, с. 45]. По этой причине важное значение имеет педагогическая направленность содержания теле- и радиоканалов. Пропаганда ответственного поведения будет способствовать снижению аварийности, а следовательно, уменьшению человеческих жертв на производстве, в быту, на дорогах. Эта проблема является весьма острой в условиях демографического кризиса. Стимулирование рождаемости обнуляется большим количеством катастроф, в которых гибнут люди. Учитывая, что причиной большинства из них является человеческий фактор, понятно, что именно безответственность руководителей и исполнителей пожинает свой кровавый урожай.

Опыт создания атмосферы, способствующей формированию ответственного поведения педагогическими средствами, можно обнаружить в советском прошлом. Целенаправленное формирование в тот период картины мира, проникнутой коллективистской идеологией, привело к доминированию общественных интересов над личными. Люди были связаны коллективной ответственностью («один за всех – все за одного»), лежавшей в основе их поведения и деятельности. Посредством коллектива формировались личностные качества, корректировались существующие, если они противоречили социально одобряемым. Власть коллектива была достаточно сильной, идеологически обоснованной и нужно было обладать весьма серьезными личностными ресурсами, чтобы идти наперекор ей.

Наиболее значительные воспитательные системы, созданные в то время, являющиеся предметом исследования в наши дни (А. С. Макаренко, И. П. Иванов, В. А. Сухомлинский, С. Т. Шацкий и др.), были связаны именно с коллективным действием. Воспитание в коллективе и через коллектив – принцип, который был актуальным в полной мере. Ныне он выглядит менее значимым, хотя и находит свое применение, но не столько для формирования личностных качеств во всем их разнообразии в силу отсутствия общепринятого нравственного идеала, сколько для подготовки к групповой, командной работе. По мере усиления индивидуалистических настроений, что начало проявляться в перестроечные годы, а в последующем только росло, функция постоянных коллективов как воспитательных общностей неуклонно ослаблялась и в конечном итоге достигла своего

минимума. Это привело к уменьшению совокупной энергии, совместной ответственности, обеспечивавшей прорывы в экономическом и социальном развитии. Задачи, решавшиеся коллективными усилиями, приводили к достаточно быстрому результату, хотя во многих случаях ответственность граничила с самопожертвованием.

Целенаправленное формирование чувства ответственности начинается в семье в игровой деятельности, когда ребенку дают поручения, выполнение которых будет ему по силам. Ответственное отношение не должно быть результатом страха перед порицанием, поскольку в таком случае оно будет неустойчивым. Важно, чтобы в его основе была внутренняя мотивация. Она формируется путем вовлечения ребенка в различные виды активности, результаты которых неочевидны. Множество вариантов решения приводит к необходимости выбора, что является прерогативой воспитанника и его ответственностью. При этом ответственность, которую берет на себя ребенок, приступая к выполнению поручения, поначалу носит условный характер, но затем становится все более определенной.

Формирующееся у подростка «чувство взрослости» требует соответствующих способов взаимодействия с ним. Избавление его от излишней опеки при решении тактических задач позволит ему проявить самостоятельность и ответственное отношение к своим действиям и поступкам. Чем раньше создадутся для этого условия, тем больше у растущего человека будет временных возможностей для накопления опыта ответственного поведения в различных ситуациях. Становление ответственности как личностного качества не должно происходить в условиях психологического давления («помни, сколько средств мы в тебя вложили, и ты обязан оправдать наши надежды»), которое деморализует и, скорее, приводит к формированию чувства вины, а не мобилизации внутренних резервов на решение стоящих задач. В случае если цель все-таки не была достигнута, важно показать воспитаннику, что из любой затруднительной ситуации можно извлечь урок, найти выход и тем самым создать условия для саморазвития в сложившихся обстоятельствах.

Субъект-субъектный подход является наиболее подходящим для формирования ответственного поведения. Это особенно важно в условиях учебной деятельности. Конечно, он имеет возрастные ограничения, однако к третьей ступени школы вполне может осуществляться, по крайней мере, частично. Главное условие формирования ответственного поведения – включение воспи-

танника в деятельность, каждый из компонентов которой им осмыслен. Особенно подходящей является деятельность, личностно значимая для воспитанника. В ином случае шансов для формирования ответственности гораздо меньше. Но они есть, если ее формировать вместе с чувством долга. В противном случае воспитанник будет демонстрировать безответственное поведение в сферах, к которым он не испытывает интерес, что закрепится и отрицательно скажется на последующих этапах его жизни. Понимание того, что человеку часто приходится иметь дело не с тем, что хочется, а с тем, что должно, приходит несколько позже.

Весьма важным условием формирования ответственности является соблюдение принципа единства воспитательных воздействий как на локальном, так и социальном уровне. На социальном уровне добиться этого весьма сложно, поскольку субъекты, воздействующие на растущего человека, могут преследовать разные цели, применять самые разнообразные методы для их достижения. Если они являются значимыми для воспитанника, высока вероятность того, что их влияние на молодого человека окажется более весомым, чем воздействие системных субъектов. Это обстоятельство уменьшает возможность осуществлять единые воспитательные воздействия и лишней раз убеждает в важности семейного воспитания, особенно в начале пути, когда оно, безусловно, доминирует.

О сформированности у молодого человека ответственности можно судить, когда он оказывается в стенах высшего учебного заведения, где ее следует только укреплять. Для этого образование как общественный институт, выполняющий функцию социального моделирования, должно жить по четким правилам, обязательным для выполнения всеми без исключения участниками образовательного процесса. Субъект-субъектные отношения в высшем образовании оказываются возможными, если обучающийся берет на себя свою долю ответственности за качество собственной подготовки, «сам свободно – произвольно – определяет свое поведение и отвечает за него» [4, с. 187]. Формировать субъектность – значит учить осуществлять целеполагание, прогнозирование, проектирование своих действий, определять пути их воплощения на практике. Однако она не сформируется, если студент воспринимается как ребенок, нуждающийся в опеке, снисхождении и прощении.

Система высшего образования в нынешнем варианте ее развития по большей части не способствует формированию у студента чувства от-

ветственности. К сожалению, провозглашаемые в университетах идеи и подходы могут расходиться с реализуемыми практиками. В результате формирование компетенций заменяется бессистемными заданиями («лишь бы выполнил»), а субъект-субъектные отношения – сентенциями «они же дети», сопровождаемыми снижением требований. Цель одна – любыми путями повысить баллы на итоговой аттестации.

Подобное положение формирует у студентов соответствующее отношение к учебной работе, которое затем переносится на трудовую деятельность. В случае экстраполяции на производственную сферу сформировавшейся у части студентов за время обучения в университете модели поведения высока вероятность того, что она отрицательно скажется на эффективности работы. Если молодой человек руководит танцевальным кружком в сельском клубе или является сотрудником культмассового сектора санатория, то потребители их услуг простят фальшивые ноты, несинхронные движения танцовщиков или неточности при декламации стихотворения. Гораздо более серьезными последствиями обернутся ошибки в сферах, связанных с жизнью человека или гигантскими инвестициями. Появление на рабочих местах безразличных лиц с пониженным чувством социальной ответственности вынуждает формировать его прямо на производстве. Если подчинение требованиям не является внутренне мотивированным, то ошибки в работе, к сожалению, множатся, о чем свидетельствует повседневная действительность. Когда чрезвычайных ситуаций слишком много, то возникают вопросы к истокам – цели, содержанию и методике воспитания, а также условиям, в которых оно протекает.

Поступила в редакцию 11.03.2020, после рецензирования 21.03.2020, принята к публикации 11.12.2020
 Received 11.03.2020, revised 21.03.2020, accepted 11.12.2020

Список литературы

1. Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, Астрель, 2006. Т. 2. 1160 с.
2. Кондрашов В. А., Чекалов Д. А., Копорулина В. Н. Новейший философский словарь / под общ. ред. А. П. Ярошенко. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 668 с.
3. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 2005. 448 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М. : Педагогика, 1989. Т. 2. 328 с.
5. Емельянов Г. И. Деятельность СМИ в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций различного характера // Таврический научный обозреватель. 2017. № 12, ч. 2. С. 41–46.

References

1. Efremova T. V. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 3 t. T. 2* [Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 3 vols.]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2006, vol. 2. 1160 p. (in Russian).
2. Kondrashov V. A., Chekalov D. A., Koporulina V. N. *Noveyshiy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary. A. P. Jaroshenko, total ed.]. Rostov on Don, Feniks Publ., 2008. 668 p. (in Russian).
3. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu. *Slovar po pedagogike* [The Dictionary on Pedagogics]. Moscow, ITs “MarT”; Rostov on Don, Izdatel’skii tsentr “MarT”, 2005. 448 p. (in Russian).
4. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psihologii: v 2 t. T. 2* [The Principles of General Psychology: in 2 vols.]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989, vol. 2. 328 p. (in Russian).
5. Emelyanov G. I. Media activities in conditions of emergencies of different nature. *Tavrisheskij nauchnyj obozrevatel* [Taurida Science Observer], 2017, no. 12, pt. 2, pp. 41–46 (in Russian).

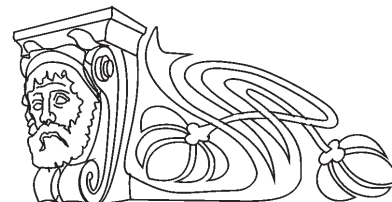

Научная статья

УДК 37.013.41

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-106-110>

Тьюторское сопровождение семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ (на примере детей с нарушенным слухом)

К. П. Сенаторова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сенаторова Ксения Павловна, аспирант кафедры методологии образования, ksusha64rus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Аннотация. В современной российской системе образования существует целый ряд противоречий, когда на законодательном уровне признаются права ребенка с ОВЗ на обучение в среде нормативно развивающихся сверстников и необходимость создания для этого специальных условий, но на образовательном уровне учебно-воспитательный процесс остается неизменным, в связи с чем профессиональная деятельность педагогов требует глубокого переосмысления. В центре этого противоречия находится семья ребенка с ОВЗ, которая дезориентирована в социальной ситуации, нравственных категориях и личностных ценностях. Одним из эффективных способов преодоления социальной дезадаптации семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, с точки зрения автора, может стать тьюторское сопровождение, целью которого является повышение реабилитационной компетенции родителей (законных представителей) в вопросах воспитания «особенных» детей. В статье раскрываются трудности, с которыми сталкивается семья ребенка с ОВЗ, осваивая инклюзивное образование; выделяются особенности сопровождения семьи, воспитывающей ребенка со слуховой депривацией, на примере работы Саратовского центра слуха и речи им. С. Л. Рудницкого. Данный центр, в котором принимаются дети с раннего возраста, рассматривается как организация дополнительного образования и особый ресурс помощи семье. Представлены результаты исследования родительской компетенции о детях с нарушениями слуха. Исследование специалистов Саратовского центра слуха и речи им. С. Л. Рудницкого подтверждает факт того, что родителям, воспитывающим «особых» детей, необходимы специальные знания для эффективного воспитательного воздействия на ребенка.

Ключевые слова: тьюторское сопровождение, организации дополнительного образования, дети с ОВЗ, дети с нарушенным слухом, инклюзивное образование

Для цитирования: Сенаторова К. П. Тьюторское сопровождение семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ (на примере детей с нарушенным слухом) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 106–110. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-106-110>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-106-110>

Professional support of the family bringing up the child with OВZ (the case of children with hearing impairment)

Ksenya P. Senatorova, ksusha64rus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. In the modern Russian education system, there are a number of discrepancies, when at the legislative level the rights of a child with disabilities to study in the environment of normatively developing peers are recognized, but at the educational level the educational process remains unchanged, and therefore the professional activity of teachers requires deep rethinking. At the center of this discrepancy is the family of a child with disabilities, which is disoriented in the social situation, moral categories and personal values. One of the most effective ways to overcome social maladjustment of a family raising a child with disabilities, from the author's point of view, can be tutoring, the purpose of which is to increase the rehabilitation competence of parents (legal representatives) in raising "special" children. The article reveals the difficulties faced by the family of a child with disabilities, mastering inclusive education, highlights the features of accompanying a family raising a child with auditory deprivation, using the example of the work of S. L. Rudnitsky Saratov Center for Hearing and Speech. The author considers this center, which accepts children from an early age, as an organization of additional education and a special resource for helping the family. The article presents the results of a study of parental competence about

children with hearing impairments. Research by specialists from S. L. Rudnitsky Saratov Center for Hearing and Speech confirms the fact that parents raising “special” children need special knowledge for effective educational impact on the child.

Keywords: children with disabilities, children with hearing impairment, inclusive education, tutor support, organization of additional education

For citation: Senatorova K. P. Professional support of the family bringing up the child with OVZ (the case of children with hearing impairment). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 106–110 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-106-110>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

На современном этапе развития педагогической науки имеется значительное количество исследований, посвященных особенностям становления личности с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Тем не менее вопрос организации тьюторского сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, остается недостаточно разработанным. Следует обратить внимание на исследования И. Э. Куликовской и Р. М. Чумичевой по вопросам тьюторского сопровождения в дошкольном образовании и технологии Т. М. Ковалевой, П. Г. Щедровицкого, однако практически отсутствуют методические рекомендации по формированию реабилитационной компетенции родителей и апробированные модели тьюторского сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью теоретического осмысления и моделирования тьюторского сопровождения семьи, имеющей «особенного» ребенка, повышения уровня знаний родителей о детях с особенностями в развитии.

Тьюторское сопровождение – это организованное взаимодействие тьютора или педагога, выполняющего тьюторские функции, и ребенка с ОВЗ и его семьи с целью преодоления трудностей и оказания квалифицированной помощи обучаемому. Ядром программы тьюторского сопровождения является комплексная диагностика, коррекционно-развивающие мероприятия и просвещение родителей.

Одно из ключевых направлений программы тьюторского сопровождения – сопровождение семьи, поскольку уровень развития ребенка и скорость его продвижения по индивидуальной образовательной траектории зависят не только от диагноза, но и от характера детско-родительских отношений, от условий развития. В этом отношении представляют интерес опыт и направления работы Саратовского центра слуха и речи им. С. Л. Рудницкого. Данная организация принимает детей с раннего возраста с различными особенностями развития для проверки функционирования слухового анализатора. На базе Центра проводятся: консультирование родителей

детей с ОВЗ и родителей, чьи дети получают образование в семье; диагностические и коррекционные мероприятия с детьми; медицинское обследование детей и взрослых.

При осуществлении тьюторской программы сопровождения семьи ребенка с нарушенным слухом педагоги Центра выявляют своеобразие отношения родителей к своему ребенку, уровень их знаний о детях с ОВЗ, специфику восприятия ими информации. Педагогические работники устанавливают партнерские отношения с семьей, объясняют специфику взаимодействия с «особенным» ребенком, методику коррекционно-развивающих занятий, проводят консультативную работу по организации занятий в семье и регулярно повышают профессиональную квалификацию. Медицинский персонал осуществляет дифференцированную диагностику состояния слуховой функции ребенка, назначает лечение, при необходимости подбирает индивидуальные слуховые аппараты.

Уникальность центра состоит в комбинировании педагогических мероприятий и мероприятий по медицинскому уходу за детьми разного возраста. При сочетании двух видов сопровождения – клинического и тьюторского – удается создать личностно-ориентированную систему медико-социально-психологической реабилитации ребенка с нарушениями развития и повысить уровень знаний родителей о детях данной категории. Образование и воспитание детей через просвещение родителей – ведущий принцип работы Саратовского центра слуха и речи им. С. Л. Рудницкого.

Педагоги Центра, выполняющие функции тьютора, помогают семьям, имеющим «особого» ребенка, найти пути взаимодействия с ним, адаптироваться к проблеме, осуществлять эффективную взаимосвязь с социальной средой. Педагогический коллектив обучает родителей и консультируется с ними относительно форм образования, чтобы максимально удовлетворить потребности ребенка и оправдать ожидания родителей.

Родителей привлекают к активному участию в реализации индивидуального образовательного

маршрута детей с разной степенью снижения слуха. А. Р. Маллер, специалист в области образования и социализации детей с ОВЗ, подчеркивал, что эффективность коррекционной работы значительно снизится, если родители не будут иметь специальных знаний по воспитанию детей с ОВЗ. По этой причине много времени специалист должен потратить на перевоспитание родителей из пассивных наблюдателей в активных участников в образовании своих «особенных» детей [1, с. 69].

В теории А. Адлера семейная атмосфера, установки, ценности и взаимоотношения являются главным фактором развития личности, т. е. в семье ребенок формирует свои идеалы, жизненные цели, систему ценностей и учится жить [2, с. 146].

Согласно Федеральному закону «Об образовании» родители являются участниками образовательных отношений (п. 31 ст. 2) и имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей (ст. 44), а специалисты образовательных организаций корректируют нарушения и помогают в развитии индивидуальных способностей.

Результатом тьюторского сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с нарушенным слухом, должны стать высокие образовательные результаты и устойчивая социальная интеграция детей с ОВЗ. Этим обусловлена важность повышения уровня реабилитационной компетенции родителей детей с ОВЗ в вопросах воспитания и развития своих детей.

Нами было проведено анкетирование родителей, воспитывающих детей с нарушенным слухом, с целью сбора анамнестических данных о ребенке с нарушенным слухом, пришедшем на консультацию в Саратовский центр слуха и речи им. С. Л. Рудницкого; оценки запаса знаний родителей о плохослышащих детях; уточнения этапа слухопротезирования и направления коррекционно-развивающей работы.

В опросе участвовали 20 семей, имеющих детей дошкольного возраста с нарушенным слухом, из них большинство родителей имеют высшее образование (45%), остальная часть родителей имеет среднее профессиональное (40%) и среднее образование (15%). Значительное количество опрошенных семей (85%) не имеют нарушений слуховой функции, 5% обратившихся – родители, которые сами страдают нарушением слуха и у 10% семей уже есть дети с нарушением слуха.

Большое значение имеет предварительная информированность родителей о проблеме нарушений слуха: больше половины опрошенных

(65%) не владели информацией по данной проблеме; 15% семей встречались с этой проблемой ранее – те, кто имеет нарушение слуха в семейном анамнезе; 20% слышали о нарушениях слуха (в женской консультации, Интернете, от знакомых).

Мы выяснили, каков был возраст ребенка, родители которого первично обратились за специализированной помощью с подозрением на наличие нарушения слуха. Лишь 15% родителей, у которых был риск рождения ребенка с нарушенным слухом, обратились за консультацией к сурдологу в течение первого года жизни ребенка; 80% родителей обратились к специалисту после достижения ребенком 3-х лет с жалобами «при разговоре смотрит на губы», «громко смотрит мультики», «не с первого раза выполняет мои просьбы», «не говорит», «только я понимаю, что он говорит»; 5% родителей обратились за помощью в Центр перед поступлением ребенка в школу с жалобой на невнятную речь.

Результаты нашего опроса показали, что 30% родителей изучали нормы раннего развития, интересовались приобретаемыми ребенком навыками в разные возрастные периоды и проводили диагностику своих детей самостоятельно, опираясь на полученные знания. 45% родителей интересовались нормами раннего развития детей, но на практике знания не применяли. 25% родителей не изучали нормы развития детей. Большинство родителей, которые актуализировали информацию по раннему нормативному развитию, но не диагностировали своего ребенка, обратились за специализированной помощью после достижения им 3-х лет. Родители, изучающие и проводящие диагностику раннего развития ребенка, раньше заметили особенности его развития и обратились за специализированной помощью до достижения им 3-х лет.

В связи с полученными результатами был задан следующий вопрос: «В какой форме вы бы хотели получать информацию о детях с нарушениями слуха?» Потребность в очных групповых встречах назвали 85% опрошенных родителей, 65% отметили индивидуальные встречи, сетевое общение необходимо 75% родителей; очные встречи с семьями, научившимися жить с этой проблемой, и в которых дети достигли высоких результатов в учебе, спорте, музыке, желали бы получить все родители; на необходимость размещения информации на печатных буклетах, стойках, в социальных сетях указали 65% родителей.

В анкетах просили указать использование детьми индивидуальных слуховых аппаратов (СА): в 75% семей дети пользуются ими разное

время; 20% родителей отметили, что ребенок негативно относится к СА и по этой причине мало их носит; 5% родителей указали, что СА не были подобраны.

Тьютору необходимо объяснить родителям, что СА или КИ – необходимое условие, но этого недостаточно. Обязательно должна быть тренировка остатков слуха в рамках коррекционно-развивающих мероприятий, и чем раньше она начнется, тем лучше будут результаты.

Большая часть родителей (85%) не знала, что после подборки слухового аппарата необходима слухоречевая реабилитация, и лишь 15% знали о следующем этапе – развитии слухового восприятия и речи.

Данные анкетирования свидетельствуют, что, несмотря на уровень образования, родители оказываются беспомощными, столкнувшись с проблемой нарушения слуха у ребенка. Тьютор должен помочь родителям, которые готовы повышать компетенцию для эффективного и продуктивного воспитания своего плохослышащего ребенка.

Результаты анкетирования родителей легли в основу разработки модели тьюторского сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ, «Родитель в курсе». Модель предполагает повышение реабилитационной компетентности родителей в вопросах воспитания, обучения, развития и социализации детей с нарушенным слухом, привлечение родителей к совместной с ребенком деятельности для эффективной включенности семьи в социальное пространство в условиях организации дополнительного образования и состоит из трех этапов.

I этап – организационный (диагностический) – проводится диагностика детей с ОВЗ, выявляются особенности семейного воспитания и характера детско-родительских отношений;

II этап – основной (практический) – включает очные и дистанционные консультации; коррекционно-развивающие мероприятия с активным участием родителей; дистанционные информационные встречи; детско-родительские встречи тех, кто впервые столкнулся с проблемой нарушения слуха, с теми, кто смог реализовать свои права и добиться успеха;

III этап – итоговый (аналитический) – повторная диагностика уровня развития детей, анкетирование родителей, определение путей дальнейшего развития.

Разнообразные формы работы с семьей, воспитывающей ребенка с ОВЗ, в организации дополнительного образования позволяют родителям пополнить свои знания о детях с ОВЗ

и овладеть приемами общения с ними. Тьютор оказывает специализированную помощь не только ребенку с нарушенным слухом как объекту тьюторского сопровождения, но и его семье, ближайшему окружению как микросоциальной среде с позиции компетентностного подхода.

Ребенок со слуховой депривацией сможет достичь максимально возможного уровня развития при создании следующих условий:

- организации профессионального сопровождения семьи ребенка с ОВЗ для повышения уровня знаний родителей об «особенных» детях;
- обеспечении продуктивного сотрудничества семьи с образовательными организациями;
- раннем начале коррекционной работы;
- осуществлении тьюторского сопровождения ребенка с особыми образовательными потребностями до уверенной социальной интеграции;
- обеспечении медицинского сопровождения с применением высокотехнологичных, современных достижений медицины, смежных наук и вспомогательных технических средств реабилитации.

Для последующей рефлексии у «особенного» ребенка указанные условия должны реализовываться во взаимосвязи, поскольку это будет способствовать максимально возможной компенсации психофизических нарушений у детей с недостатками слуха и их успешной социализации в слышащее общество. Реализация рассматриваемой модели в организации дополнительного образования позволит создать организационные и профессиональные условия для системной работы с семьей, воспитывающей детей с ОВЗ, с учетом психологических педагогических и личностных факторов семьи «особенного» ребенка.

Участие организаций дополнительного образования в инклюзивной практике необходимо уже для первых этапов развития детей через реализацию программ раннего вмешательства. Предупредить появление или сгладить «социальный вывих» в отношениях ребенка с окружающим миром можно только за счет скоординированной работы всех участников коррекционно-развивающего процесса. Основные компоненты процесса сопровождения в практической деятельности тьютора в условиях организаций дополнительного образования: комплексная диагностика, раннее начало коррекционно-развивающей работы, включение медицинского сопровождения в программу профессионального сопровождения семьи, работа с ребенком при активном участии родителей, сотрудничество с другими образовательными организациями.

Таким образом, на современном этапе развития общества активно продвигается идея профессионального сопровождения всех субъектов образовательного процесса в рамках проблемы оказания эффективной квалифицированной помощи родителям, воспитывающим ребенка с ОВЗ.

Список литературы

1. Маллер А. Р. Родителям о детях с глубокой умственной отсталостью // Дефектология : научно-методический журнал. 1991. № 5. С. 69–74.

2. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 448 с.

References

1. Maller A. R. For parents about children with profound mental retardation. *Defektologiya: nauchno-metodicheskij zhurnal* [Defectology: Scientific-Methodical Journal], 1991, no. 5, pp. 69–74 (in Russian).
2. Adler A. *The Education of Children*. Gateway Editions, Ltd South Bend Indiana, 1978. 412 p. (Russ. ed.: Adler A. *Vospitanie detej. Vzaimodejstvie polov*. Rostov on Don, Feniks Publ., 1998. 448 p.).

Поступила в редакцию 30.06.2020, после рецензирования 08.07.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 30.06.2020, revised 08.07.2020, accepted 11.12.2020

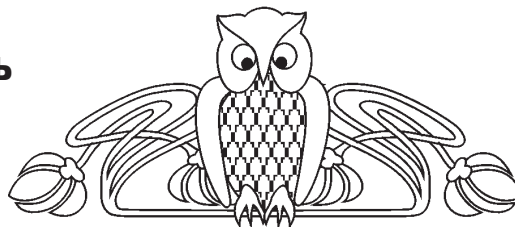

Научная статья

УДК 377.5

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-111-115>

Практико-ориентированная модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств

Ю. Б. Лаврова^{1✉}, И. Э. Рахимбаева²

¹Саратовский областной колледж искусств, Россия, г. Саратов, 410028, ул. А. Н. Радищева, д. 22

²Институт искусств, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лаврова Юлия Борисовна, преподаватель, soky-kpk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-4462>

Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории и педагогики искусства, директор Института искусств, rachimbaeva_inga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1988-5561>

Аннотация. В статье обсуждается актуальная проблема готовности к профессиональной деятельности студентов колледжа искусств с одаренными детьми. Очерчен круг проблем одаренных воспитанников в области обучения музыке, включающий в себя сложности адаптации к традиционным методам обучения, эмоциональную ранимость, трудности в общении и взаимопонимании ребенка со сверстниками и другие особенности психики. Выделено понятие «абнотивность» как необходимое качество личности педагога, мотивированного на работу с одаренными детьми, способного организовать специальные условия для этого и добиться продуктивного результата: воспитания личности музыканта-исполнителя с ярко выраженной субъектностью, креативностью, уникальностью. Определена структура абнотивности педагога, содержащая мотивационный, когнитивный, рефлексивный компоненты, а также такие сложные психологические образования, как эмпатия, социальный интеллект, актуальная креативность и надситуативная активность. Раскрыты преимущества разнообразных практико-ориентированных моделей обучения, используемых в колледжах. Представлена разработанная автором практико-ориентированная модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств. Дано краткое описание компонентов предложенной модели (целевой, диагностический, процессуальный, результативно-оценочный блоки), особенностей ее внедрения в Саратовский областной колледж искусств, полученных результатов в ходе экспериментального исследования.

Ключевые слова: одаренность, абнотивность педагога, модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств, профессиональное образование, педагогические условия, творчество

Для цитирования: Лаврова Ю. Б., Рахимбаева И. Э. Практико-ориентированная модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–115. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-111-115>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-111-115>

Practice-oriented model of forming abnotivity in students of the college of arts

Yulia B. Lavrova^{1✉}, soky-kpk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0926-4462>

Inga E. Rakhimbayeva², rachimbaeva_inga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1988-5561>

¹Saratov Regional College of Arts, 22 Radishcheva St., Saratov 410028, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article discusses a current issue of college of arts students' readiness for the professional work with gifted children. The article outlines a range of problems of gifted students in the field of music education, including difficulties in adapting to traditional teaching methods, emotional vulnerability, difficulties in communication and mutual understanding of the child with peers, and other peculiarities of the psyche. The author highlights the concept of "abnotivity" as a necessary quality of the teacher's personality, motivated to work with gifted children, able to arrange special conditions for this and achieve productive results: to educate the personality of a musician with strong subjectivity, creativity, and uniqueness. The structure of the teacher's abnotivity is defined. It contains motivational, cogni-

tive, and reflexive components, as well as such complex psychological formations as empathy, social intelligence, actual creativity, and supra-situational activity. The advantages of various practice-oriented learning models used in colleges are revealed. The author presents a practice-oriented model of forming abnotivity in students of the college of arts. A brief description of the proposed model components (target, diagnostic, procedural and performance-evaluation blocks), the features of its implementation in Saratov Regional College of Arts, and the results obtained during the experimental study are given.

Keywords: talent, teacher's abnotivity, model of forming abnotivity of college of arts students

For citation: Lavrova Yu. B., Rakhimbayeva I. E. Practice-oriented model of forming abnotivity in students of the college of arts. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–115 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-111-115>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Современная парадигма образования ставит перед колледжами искусств задачу подготовки педагогических кадров, обладающих высоким уровнем профессиональной компетентности по обучению, воспитанию и развитию детей в области искусства. Особое значение в данном контексте приобретают профессиональные педагогические навыки работы с одаренными, талантливыми детьми, обладающими уникальными природными данными: красивым голосом, ярко выраженной эмоциональностью, глубиной восприятия искусства, неординарными исполнительскими умениями, выдающимися творческими способностями. Именно из таких детей вырастают великие композиторы, певцы, музыканты-исполнители, обогащающие мастерством свою страну и мир в целом. Однако такие личности требуют создания особых педагогических условий своего становления в искусстве и жизни. Как правило, такие дети легко ранимы, имеют психологические комплексы и проблемы, нерешенность которых может привести к угасанию и даже полному исчезновению их дарования.

Не случайно в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования по специальности 53.02.05 «Сольное и хоровое народное пение» важнейшими профессиональными характеристиками будущих специалистов названы способность организовывать собственную деятельность, умение определять методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество, а также решать педагогические проблемы одаренных детей, оценивать риски их музыкально-эстетического развития [1].

До недавнего времени педагогическая деятельность с одаренными в области искусства детьми строилась бессистемно и зачастую ее результат во многом зависел лишь от сильной воли ребенка и от уровня психологической грамотности, интуиции, такта, терпения конкретного преподавателя музыкальных дисциплин, его готовности рискнуть, отказавшись от шаблонных педагогических воздействий к уникальному

ученику. Согласимся, что таких преподавателей очень мало. В связи с этим большое количество одаренных детей попросту бросали любимое занятие, стесняясь своей неординарности и становились «как все».

Современная психолого-педагогическая наука и практика вплотную занялись решением означенной проблемы, введя в свой арсенал новый термин «абнотивность».

М. М. Кашапов дает определение абнотивности, которую считает важной составляющей психологической готовности педагога к работе с одаренными детьми, способствующей профессиональному и личностному росту педагога, а также развитию креативности как у обучающихся, так и у самого педагога [2, с. 7].

Последующий анализ научных трудов в контексте абнотивности [3, 4], а также учет специфики музыки как вида искусства помог нам выделить в структуре данного феномена следующие важные качества личности выпускника колледжа искусств – будущего преподавателя музыки:

мотивацию к работе именно с одаренными детьми, являющуюся основой педагогической деятельности в данном направлении, проявляющуюся в стойком желании и стремлении преподавателя обучать, воспитывать и развивать одаренных детей, не страшась реальных и потенциальных трудностей, преодолевая объективные и субъективные препятствия;

высокий уровень когнитивности, предполагающий владение педагогом системой научных знаний о психологии музыкальной одаренности, возрастных особенностях личности, психолого-педагогических формах, методах, средствах, условиях развития одаренности в области искусства;

рефлексивность, связанную с развитием мышления, на основе которого происходит формирование навыков осознания педагогом изменений в себе, а также изменений в мышлении и деятельности своих воспитанников, понимания, оценки и анализа действий других людей;

эмпатию, понимаемую как умение преподавателя проявить уважение, понимание, принятие,

сопереживание, такт, эмоциональную поддержку как самому одаренному ребенку, так и продуктам его творческой деятельности;

социальный интеллект, подразумевающий набор поведенческих навыков преподавателя, позволяющий ему оказывать помощь одаренному ребенку в конфликтных ситуациях, способного решать проблемы общения, адаптации в коллективе своего воспитанника;

актуальную креативность, рассматриваемую как особенно ценное качество, позволяющее педагогу-музыканту стремиться к новому, самому видеть новое, проявлять свои творческие способности;

высокий уровень надситуативной активности, позволяющий преподавателю действовать инициативно, развивать в своих воспитанниках и в себе субъектность и неординарность, не бояться риска в инновационной педагогической деятельности.

Представив характеристику абнотивности как актуального и необходимого качества преподавателя, работающего с одаренными детьми, перейдем к вопросу о формировании данного качества у студентов колледжа искусств.

Обращение к научной литературе в области формирования абнотивности у педагогов, а также личный опыт работы автора в колледже искусств позволил нам прийти к мысли о разработке и внедрении специальной модели. Уточним, что под моделью мы понимаем некую условную структуру, позволяющую объединить в единую картину следующие принципиально важные моменты:

здать цель, определить задачи формирования абнотивности у студентов колледжа искусств;

представить научно обоснованное определение абнотивности педагога, ее специфики, структуры, этапов и механизмов формирования у студентов в условиях обучения в колледже искусств;

раскрыть содержание процесса формирования абнотивности у студентов колледжа искусств;

отобрать наиболее эффективный психолого-педагогический инструментарий для решения поставленных задач (формы, методы, технологии, средства, условия);

создать систему диагностики и оценки результатов процесса формирования абнотивности студентов колледжа искусств (показатели, критерии, уровни);

отследить и проанализировать результат процесса формирования абнотивности студентов, соотнесенный с заданной целью и поставленными задачами.

При разработке модели формирования абнотивности у студентов колледжа искусств предпочтение было отдано практико-ориентированному ее типу. Обоснованием такого выбора послужили труды отечественных и зарубежных ученых [5–7]. Так, например, Т. А. Иванычева указывает, что практико-ориентированная модель в профессиональных образовательных организациях устраняет разрыв между теорией и практикой, способствует формированию глубоко мотивированных выпускников [5, с. 9]. Т. Хашер уточняет, что особенность практико-ориентированного подхода как раз и заключается в формировании фундаментальной научной базы знаний у студентов параллельно с получением компетенций в практической деятельности [6, с. 130]. Интересной в русле нашего исследования представляется работа Е. А. Алешникова, С. Ю. Боруха, О. А. Киреевой по внедрению практико-ориентированной (дуальной) модели на уровне среднего профессионального образования в отрасли культуры и искусств на примере подготовки музыкантов. Особенностью их модели является возможность студентов поработать в сотворчестве с профессиональным артистом, что формирует у студентов неоценимый опыт не только музыкально-исполнительской деятельности, но и различных аспектов взаимодействия и общения с талантливыми людьми [7, с. 127–129].

Мы разработали практико-ориентированную модель формирования абнотивности будущих преподавателей музыки (рис. 1), которую затем внедрили в рамках эксперимента в Саратовском областном колледже искусств.

Целевой блок нашей модели задает главную цель – достижение высокого уровня сформированности абнотивности у студентов. Этому способствуют следующие задачи: формирование у студентов мотивации к работе с музыкально одаренными детьми; овладение студентами системой знаний о психологии музыкальной одаренности, возрастных особенностях детей, психолого-педагогических формах, методах, средствах, условиях развития одаренности; развитие рефлексивности, эмпатии, социального интеллекта, актуальной креативности, надситуативной активности.

Целевой блок модели соотносится с ее последним блоком – результативно-оценочным, по которому можно судить об эффективности модели и достижении заданной цели. Данный блок содержит критерии, показатели и уровни (низкий, средний, высокий) абнотивности студентов.

Диагностический блок модели включает в себя различные методики, позволяющие от-

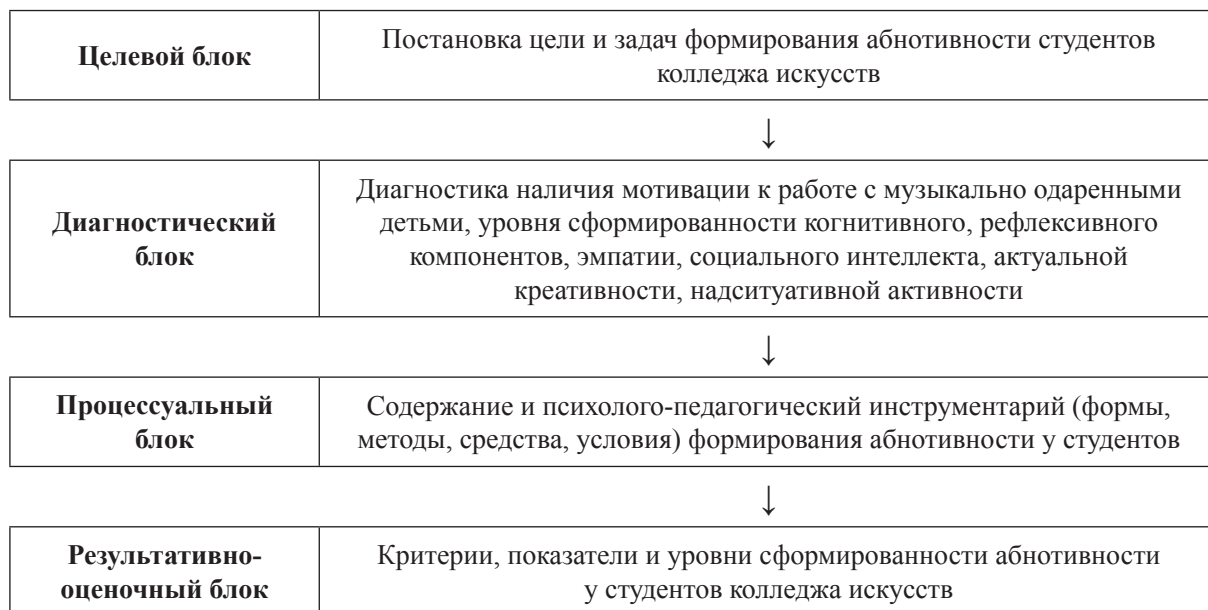

Рис. 1. Модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств
Fig. 1. Model of forming abnотivity in students of the College of Arts

следить у каждого студента колледжа искусств и группы в целом состояние всех составляющих абнотивности.

Процессуальный блок модели определил содержание модели (учебная деятельность, концертно-творческая деятельность, педагогическая деятельность в ходе практик в ДМШ, ДШИ). Кроме того, в данном блоке отобран педагогический инструментарий формирования у студентов колледжа искусств абнотивности: формы (теоретические занятия, участие в мастер-классах, сотворчество с профессиональными артистами, педагогические практики, позволившие студентам в реальных условиях

поработать с музыкально одаренными детьми); методы (помимо традиционных использовались проблемно-исследовательский метод, деловая и имитационная игра, метод педагогической поддержки); средства (научно-методическая литература по проблеме абнотивности, детской музыкальной одаренности, произведения искусства); условия (создание проблемно-творческих ситуаций, ситуаций успеха, организация атмосферы сотрудничества, сотворчества, диалога, полилога и т.п.).

Полученные в конце эксперимента результаты показывают результативность нашей модели, что отражено в диаграмме на рис. 2.

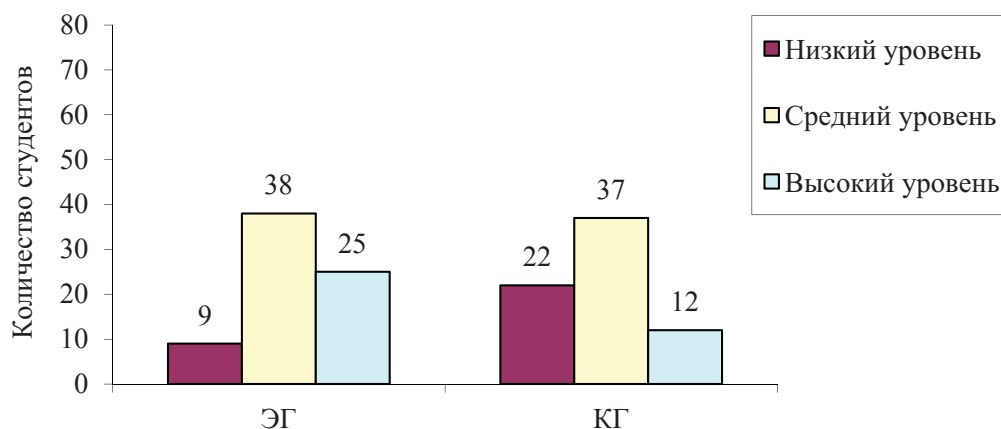

Рис. 2. Итоговые результаты диагностики уровней сформированности абнотивности у студентов (ЭГ) и (КГ) групп в конце эксперимента (цвет online)

Fig. 2. Final results of diagnostics of the levels of forming abnотivity in students of (EG) and (KG) groups at the end of the experiment (color online)

Подводя итог, отметим, что разработанная нами модель формирования абнотивности студентов колледжа искусств позволяет подготовить выпускника – преподавателя музыки с высоким уровнем абнотивности, способного продуктивно работать с музыкально одаренными детьми.

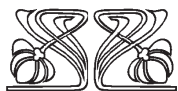
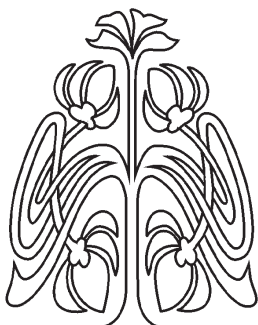
Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 53.02.05 Сольное и хоровое народное пение : приказ Минобрнауки России от 27.10.2014 № 1388 (зарегистрировано в Минюсте России 27.11.2014 № 3499). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Кашипов М. М.* Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, вып. 2. С. 137–147.
3. *Адушева Ю. А.* Психологические особенности абнотивности преподавателя вуза (исследование и формирование). Ярославль : ЯрГУ, 2004. 72 с.
4. *Лукьянова М. И., Губина М. В.* Развитие абнотивности педагога // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 5. С. 98–99.
5. *Иванычева Т. А.* Практико-ориентированная (дуальная) модель подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена : методическое пособие. Тюмень : ТОГИРРО, 2017. 52 с.
6. *Hascher T.* Veränderungen im Praktikum – Veränderungen durch das Praktikum : Eine empirische Untersuchung zur Wirkung von schulpraktischen Studien in der Lehrerbildung (Zeitschrift für Pädagogik, Beiheft; 51) urn:nbn:de:0111-opus-73678 Beltz 2006. S. 130–149.
7. *Алешников Е. А., Боруха С. Ю., Киреева О. А.* Эффективность дуального обучения в системе подготовки кадров для отрасли искусств // Наука. Искусство. Культура. 2019. Вып. 2 (22). С. 119–129.

References

1. On approval of the federal state educational standard for secondary vocational education in the specialty 53.02.05 Solo and choral folk singing. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 27, 2014 No. 1388 (registered in the Ministry of Justice of Russia on November 27, 2014 No. 3499). ATP “Consultant” [Electronic resource] (in Russian).
2. *Kashapov M. M.* Abnotivity as a characteristic of the professionalization of the teacher's thinking. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2019, vol. 29, iss. 2, pp. 137–147 (in Russian).
3. *Adusheva Yu. A.* *Psikhologicheskie osobennosti abnotivnosti prepodavatelya vuza (issledovanie i formirovanie)* [Psychological features of the abnotiveness of a university teacher (research and formation)]. Yaroslavl, YarGU Publ., 2004. 72 p. (in Russian).
4. *Lukyanova M. I., Gubina M. V.* Development of the teacher's abnotiveness. *Mezhdunarodny zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2017, no. 5, pp. 98–99 (in Russian).
5. *Ivanycheva T. A.* *Praktiko-orientirovannaya (dualnaya) model podgotovki kvalifitsirovannykh rabochikh kadrov i spetsialistov srednego звена* [Practice-oriented (dual) model of training qualified workers and mid-level specialists]. Tyumen, TOGIRRO Publ., 2017. 52 p. (in Russian).
6. *Hascher T.* *Veränderungen im Praktikum – Veränderungen durch das Praktikum: Eine empirische Untersuchung zur Wirkung von schulpraktischen Studien in der Lehrerbildung* (Zeitschrift für Pädagogik, Beiheft; 51) urn:nbn:de:0111-opus-73678 Beltz 2006, S. 130–149.
7. *Aleshnikov E. A., Borukha S. Yu., Kireeva O. A.* The effectiveness of dual education in the training system for the arts industry. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [The Science. Art. Culture], 2019, iss. 2 (22), pp. 119–129 (in Russian).

Поступила в редакцию 21.11.2020, после рецензирования 01.12.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 21.11.2020, revised 01.12.2020, accepted 11.12.2020

ПОДПИСКА

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <https://phpp.sgu.ru>